

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ
USA TODAY

КАЙРА РУДА

САМЫЙ
ЛУЧШИЙ
ДЕНЬ

РОМАН

«Я смотрю на свою жену, когда она садится на пассажирское сиденье, и меня переполняет уверенность. Сегодня исполнится все, что я ей обещал... и даже больше...»

У Пола Строма идеальная жизнь: блестящая карьера руководителя рекламной компании, красавица-жена, двое здоровых мальчиков и большой дом в богатом пригороде. И он идеальный муж: кормилец, защитник, опора. Вот почему он запланировал романтический уик-энд для своей жены Мии в их доме у озера. Только они вдвоем. И он обещал, что сегодня будет самый лучший день.

Но по мере того, как Пол и Миа выезжают из города и направляются в сельскую местность, между ними все чаще и чаще начинает возникать напряжение, и появляются сомнения. Насколько они доверяют друг другу? И насколько совершенен их брак или любой другой брак на самом деле?

И мы вынуждены спросить себя, так ли хорошо мы знаем тех, кто нам ближе всего. «Самый лучший день» потряскивает темной энергией, все сильнее приближаясь к своему шокирующему завершению. В своей книге, автор Кайра Руда плетет захватывающую, напряженную и динамичную историю об обмане и предательстве, достаточно мрачную, чтобы разрушить брак... или жизнь.

КАЙРА РУДА

Самый лучший день

Перевод: MonaBurumba

Редактура: MonaBurumba

Русификация обложки: Хексаны

Глава 1

Утро. 9:00 часов.

Я смотрю на свою жену, когда она садится на пассажирское сиденье, солнечный свет отражается от ее блестящих светлых волос, как бенгальские огни, зажженные на Четвертое июля, и меня переполняет уверенность. Все так, как и должно быть.

Вот мы и вдвоем, собираемся провести выходные в нашем домике у озера. Сегодняшний день олицетворяет все, ради чего я работал, все, что мы построили вместе. Солнце бьет в окно со стороны водителя с такой силой, что мне хочется прижать руку к лицу, чтобы прикрыть глаза, хотя мои солнцезащитные очки темные и должны защищать. При любых других обстоятельствах, в любой другой день, они бы это делали, я знаю. Но сегодня между нами что-то изменилось. Какое-то странное напряжение пульсирует в неподвижном воздухе салона автомобиля. Я не вижу его, но оно здесь. Я хотел бы дать ему название. Найти его источник и устранить.

Конечно, это утро выдалось беспокойным. Сегодня пятница, а пятницы всегда кажутся самыми безумными, когда у тебя есть дети. Чего стоило поднять мальчиков и подождать пока они оденутся, а затем отвезти их в безукоризненно благоустроенную и высоко оплачиваемую начальную школу из красного кирпича, где они, без сомнения, преуспеют в первом и третьем классах соответственно.

По правде говоря, я обычно не имею никакого отношения к сценарию, который только что описал. Миа, моя жена, каждое утро справляется со всеми делами, связанными с мальчиками. В этом отношении мы — традиционная семья из пригорода. Утром я готовлю кофе, принимаю душ, одеваюсь и ухожу на работу до того, как проснутся мальчики. Да, в большинстве случаев довольно эгоистично с моей стороны.

Это еще одна причина, по которой сегодняшний день такой особенный. Я сам отвез мальчиков в школу, напомнив, что няня заберет их позже. Вернувшись в дом, поставил грязную посуду в посудомоечную машину. Я могу быть полезен, когда захочу, хотя и не планирую напоминать Мии об этом факте, лишний раз. Покончив с посудой, я позвал Мию, призывая ее поторопиться. Мы не проводили вместе выходных, только вдвоем, уже больше года. Этот день должен стать только для нас, и пришло время уезжать.

Она отозвалась, ее голос летел, как бабочка, вниз по лестнице, прося меня помочь с ее багажом. В следующее мгновение я обнаружил, что тащу два огромных чемодана вниз по главной лестнице нашего дома. Миа последовала за мной с плетеной корзиной, наполненной неизвестно чем.

— Собралась ненадолго? — поддразнил я. Она покраснела, смущенная огромным количеством багажа, который собрала. Но я не жалею. Сегодня ее день. Она вольна набирать столько вещей, сколько считает нужным.

Как только мы погрузили все в багажник машины, как раз в тот момент, когда Миа начала расслабляться, зазвонил мой телефон. Мне не следовало отвечать. Но чего уж теперь. Ответ на звонок был всего лишь одной маленькой ошибкой в этот день, которому суждено было стать блестящим.

Сидя за рулем, я, наконец, заканчиваю синхронизировать свой телефон с системой автомобиля. Нахожу плейлист, который создал для своей жены. Все ее любимые песни будут звучать во время нашей поездки. Музыка — это такая важная часть поддержания романтики.

А теперь мы отправляемся в путь. Миа поворачивается ко мне и улыбается. У нее идеальная улыбка: в форме полумесяца, с блестящими белыми зубами. Моя улыбка больше похожа на прямоугольник. Как бы ни старался, кажется, что ухмыляюсь, я знаю это. Но мои зубы идеальны, благодаря стоматологу. Я улыбаюсь в ответ.

Она так сильно любит меня, и, конечно, то же самое можно сказать обо мне. Мы вместе уже почти десять лет. Мы знаем лучшие качества друг друга, и мы знаем темные стороны. Хотя, честно говоря, я не уверен, что у Мии есть то, что можно назвать подлым альтер-эго. Ее темная сторона просто сварлива, и обычно появляется только тогда, когда она устала или, когда один из наших мальчиков начинает испытывать ее терпение. Со своей стороны, я задаюсь вопросом, думает ли Миа, что у меня есть темная сторона. Скорее всего, она уверена, что я просто ее дорогой любящий муж.

Однако сегодня, сегодня утром, прямо сейчас, она излучает несвойственную ей энергию. Она сочится из ее пор, из ее безупречного лица. Вот причина странного напряжения между нами, решаю я.

— Ты, кажется, напряжена, дорогая, — говорю я. Хочу похлопать ее по ноге и сказать, чтобы она расслабилась, но не делаю этого. Несмотря на ее странное настроение, она все еще красива, почти идеальна во всех отношениях.

— Неужели? Наверное, просто взволнована, — отвечает она, подтверждая мою оценку, протягивая руки к лобовому стеклу. Бриллиант с ее обручального кольца сверкает в ярком солнечном свете, словно подражая ее энергии.

— Я тоже. Но нам предстоит долгая поездка, так что постарайся расслабиться. Давай сделаем сегодняшней день лучшим днем в нашей жизни. — Пытаюсь придать своему голосу должную мелодичность. Мне нужно, чтобы она поверила, что я так же счастлив и беззаботен, как и она. Эта поездка в наш дом у озера в первый раз в этом сезоне — самая захватывающая вещь, которую я могу себе представить в любой день, когда-либо.

— В таком случае, могу я попросить тебя сделать небольшой крюк? В Порт-Клинтоне, как раз перед поворотом на Лейксайд, есть небольшая пекарня. Я бы хотела остановиться там по дороге. За круассанами на завтрашнее утро. Ты помнишь это место? Конечно, сегодня мы не успеем съесть круассаны на завтрак, но завтра будет почти так же хорошо, — говорит она. К счастью, ее ярко-голубые глаза скрыты за темными очками, такими же, как у меня. Когда я смотрю на нее, мы не можем встретиться взглядами. На самом деле.

Интересно, ее комментарий о том, что я не успел вовремя, упрек в мою сторону? И я понимаю, что это так. Конечно. Я ответил на телефонный звонок как раз в тот момент, когда мы собрались, готовые запрыгнуть в машину и уехать. Мне не следовало этого делать. В этом не было ничего нового, но я все еще надеялся, что в этом разговоре нет ничего страшного.

Но оказывается я потратил тридцать минут на бесполезный разговор с кадровиком и, тем самым заставил нас опоздать. Круассаны исчезнут к тому времени, когда мы доберемся до пекарни. Я тоже это знаю.

— Да, я помню это место. Уроливый торговый центр, но, конечно, мы остановимся. Я так понимаю, ты больше не беспокоишься о глютене? — Некоторое время Миа и ее очередной врач думали, что расстройство желудка, потеря веса и другие проблемы с кишечником были вызваны глютеном. Я испытал облегчение, когда она решила не поддаваться этой причуде, отказавшись от пшеницы на несколько недель, видя, что нет никаких изменений. Она все еще настаивает на вегетарианстве, что оставляет ей мало выбора для заказа, когда мы идем на ужин, и ей приходится задавать бесконечные вопросы официантам о составе блюд. Это раздражает. Но я отгоняю эти мысли. Моя жена просто делает все, что в ее силах.

— Оказывается, глютен не виноват, — говорит Миа. Она улыбается. — Так что да, я бы с удовольствием заехала туда. Если, конечно, ты не против.

Остановка по пути в дом у озера в пекарне, в которой, без сомнения, не будет круассанов, не входила в мои сегодняшние планы. Она знает, что я человек действия, и когда у меня есть план, я следую ему. Я просто хочу уже добраться туда. Но сегодня каждое желание Мии — приказ для меня.

— Как пожелаешь, моя дорогая. — Я идеальный муж. Я улыбаюсь, когда звучит песня из наших ранних дней знакомства. Существует искусство создания идеального плейлиста. Эта песня, «Незабываемая», была саундтреком к нашей первой ночи вместе. Невинная Миа, девственница даже после четырех лет учебы в колледже, каким-то образом не тронутая всеми этими развратными парнями из братства. Она ждала кого-то постарше, кого-то искушенного, кого-то, кто мог бы позаботиться о ней. Она нашла все это во мне.

Я забронировал номер в лучшем отеле в центре Колумбуса, с видом на сверкающую внизу реку. К тому времени мы встречались уже пару месяцев, и я ждал столько, сколько мог ожидать любой мужчина. Миа нервничала, неловко сидя на краешке кресла в красно-белую полоску, сжимая свой бокал с шампанским, как оружие, которое она использовала для защиты. На ней было светло-голубое платье в тон глазам. Платье легко соскользнуло, как только я притянул ее к себе и пригласил на танец. Воспоминания о той ночи живы. Мне потребовалось время до восхода солнца, чтобы убедить ее пройти весь путь до конца. Ее беспокоило обещание, данное матери. Я сказал ей, что если в лесу падает дерево, но рядом никого нет, чтобы это услышать, то можно ли действительно быть уверенным, что оно упало? Она рассмеялась, и я скользнул на нее сверху, нежно сжав ее руки над головой, крепко прижавшись губами к ее губам. И она сдалась. Я облизываю губы при воспоминании об этом и ерзаю на сиденье.

— С кем ты разговаривал по телефону? Звонили с работы? — спрашивает она, когда я выезжаю с нашей подъездной дорожки.

— Кто же еще? Иногда мне кажется, что они и минуты не протянут без меня, — отвечаю я. Какое-то чувство мелькает на лице Мии, прежде чем она поворачивается к окну со стороны пассажира. Думаю, мы закончили с этой темой. Я должен извиниться за задержку, но я этого не делаю. Между нами воцаряется дружеское молчание.

Лично я должен признать, что мне нравится подразумеваемый успех, который я чувствую, когда могу выехать из моего очень хорошего района, моя жена рядом со мной, в пятницу утром по дороге в мой второй дом. Я езжу на кроссовере «Форд-Флекс», темно-

синего цвета, который выбрал сам. Поддерживая Америку, демонстрируя, что мое это не нуждается в модном спортивном автомобиле или роскошном седане. Нет, я уверен в своем статусе успешного человека и семьянина, все в одном лице. Американская мечта — вот чем мы живем прямо здесь.

Моя жена все еще смотрит в окно. Кажется, она замечает признаки весны вокруг нас. Лужайки красиво зеленеют, а деревья, такие суровые во время долгих, унылых зимних месяцев, распускаются и цветут. Наш пригород снова становится прекрасным местом для жизни, как раз вовремя. Мы выезжаем на автостраду, ведущую на север через центр Колумбуса, и я чувствую гордость за свой родной город, который выходит за рамки спортивной франшизы колледжа. Город вырос. Люди со всего мира считают его теперь утонченным, космополитичным местом, а не просто университетским городком или пастбищем для скота. Мне больше не нужно говорить: «Колумбус запятая Огайо». Мы находимся на международных картах погоды как город в Огайо. Наша погода имеет большее значение, чем погода Кливленда или Цинциннати. Для меня это признак того, что мы живем в великом городе.

По иронии судьбы, пока мы проносимся по периферии центра города, небоскребы разрезают чистое голубое небо, и мы направляемся в сельскую местность. Похоже, большая часть Огайо все еще аграрна, как бы сильно ни изменился Колумбус. Мы с женой в основном проводим время в районе пригородов, не часто выбираясь в центр. Я понимаю, что нам действительно нужно больше исследовать центр города. Всегда кажется, что за день нужно сделать гораздо больше, чем вы вообще можете. Вот почему я строю планы.

Миа ерзает на сиденье, поворачиваясь ко мне всем телом, насколько это возможно для человека, пристегнутого ремнем безопасности, и спрашивает:

— Ты правда думаешь, что клубника приживется? Я имею в виду, кусты выглядели так, как на фотографиях, которые прислал мне Бак. Возможно, они даже немного подросли. Но все может измениться. — Я замечаю, что теперь она держит телефон в руках. Ее прекрасные пальцы, подчеркнутые веселым красно-клубничным лаком для ногтей, быстро двигаются по маленькой клавиатуре. Когда я познакомился с ней, она работала копирайтером в рекламном агентстве, и до сих пор у нее потрясающая скорость работы на клавиатуре.

— Здесь говорится, что рассаду клубники следует покупать в уважаемом питомнике. Я просто не уверена, что выбрала правильный вариант. И кустам нужны глубокие лунки, достаточно широкие, чтобы вместить всю корневую систему, не сгибая корни. Очень привередливые растения, — продолжает она. Ее губы сжаты, как будто она съела кислую ягоду.

— Уверен, что с ними все в порядке, — успокаиваю я ее. — Никто не будет заботиться о них больше, чем ты. — Справа от нас проезжает черная спортивная машина, на самом деле только вспышка металла, потому что она движется слишком быстро. Я даже не заметил ее в зеркале заднего вида. Забавно, как что-то может подкрасться к тебе, появиться из ниоткуда.

— Это все равно, что снова иметь детей или щенков, — говорит она, игнорируя гоночную машину, когда я включаю поворотник и выезжаю на полосу встречного движения. — Не сажать слишком глубоко, говорится здесь. Корни должны быть покрыты, но крона должна находиться прямо на поверхности почвы. Я должна позвонить Баку и попросить его проверить кроны.

Она смотрит на меня, без сомнения, уловив мою ухмылку. Во-первых, что это за имя

такое Б-А-К? Ну вот, правда. Но, несмотря на свое нелепое имя, Бак Оверфорд, я думаю достаточно хороший парень. Он наш сосед на озере, вдовец, хотя примерно моего возраста, который любит говорить о садоводстве с моей женой. Я должен быть предельно честен. Мне сорок пять, а Мии всего тридцать три. Бак ближе к моему возрасту, чем к ее, может быть, даже немного старше. Я все равно выгляжу моложе. Не то чтобы нас с ним можно было назвать старыми чудаками. Хотя у Бака действительно есть эта склонность к садоводству, которая, я считаю, в большей степени присуща женщинам, так что это делает его в моих глазах старше и слабее.

По крайней мере, Миа рассказала мне, что они с Баком болтают о садоводстве с тех пор, как мы познакомились с ним прошлым летом. Это было сразу после того, как наш грузовик уехал. Он принес бутылку «Мерло», хорошую, если мне не изменяет память, и мы втроем провели приятный вечер на крытой веранде, пока не пришло время найти наших мальчиков и подготовить их ко сну. Мальчики итак проводили время у озера каждое лето, пока мы арендовали дом. Теперь, когда мы стали владельцами, членами клуба, они, похоже, увеличили продолжительность своих прогулок.

На озере было бесчисленное множество полезных занятий, чтобы привлечь их внимание, от уроков парусного спорта до шаффлборда, скейтбординга и езды на велосипеде. Иногда мы находили их сидящими у кромки воды, прыгающими по камням, как будто они сошли с картины Нормана Рокуэлла. Все это было совершенно безопасно, эти бесконечные летние развлечения, которые радовали наших мальчиков и заставляли их умолять нас отправиться в Лейксайд при любой возможности. Однако, когда приходило время ложиться спать, найти их, загнать в угол, а затем уложить в постель — это тот процесс, который лучше оставить только для семьи. Ни к чему свидетели этого изнурительного упражнения.

— Ладно, хорошо, мне не нужно беспокоить Бака. Я могу проверить клубнику, как только мы туда доберемся, — говорит Миа в мою сторону, прежде чем снова переключить внимание на экран телефона.

— Верное решение. — Я смотрю в зеркало заднего вида, нет ли еще каких-нибудь мчащихся спортивных автомобилей. Конечно, раньше и у меня была дорогая спортивная машина. Вероятно, однажды у меня снова будет такая, когда мой образ жизни потребует перемен, размышляю я, рассматривая интерьер моего разумного «Форд-Флекса». Салон для всей семьи и столько клубничных растений, сколько Миа сможет посадить. Я могу везти столько спортивного инвентаря мальчиков, сколько они захотят взять с собой. Это разумный, практичный автомобиль. Для ответственного семьянина. Она мне идеально подходит, эта машина. Мне и моей горячей, недавно похудевшей жене. Но если она еще немного похудеет, то исчезнет. Это настоящий позор из-за тошноты, с которой она боролась. Последний врач убежден, что это связано со стрессом. Он велел ей медитировать.

— Ты знаешь, что побеги клубники называются «дочками»? — спрашивает она. Воздух между нами пульсирует, я чувствую это. Тревожный сигнал.

— Нет, не знал, — говорю я, делая глубокий вдох, прежде чем осознаю, что делаю это. Забавно, как от отсутствия у нас дочери перехватывает дыхание в самые странные моменты, на самые глупые темы. — Никаких «сыночков» растений? Какой сексизм.

— Я все еще жалею, что мы не попытались, — тихо говорит Миа, помешивая землю в старом горшке. Только эта тема, эта старая болезненная рана заставляет меня проглотить что-то горькое. Я кашляю, пытаюсь прочистить горло, мои темные мысли.

— Может быть, мы не будем сегодня это обсуждать? — спрашиваю я.

Сосредотачиваюсь на сельскохозяйственных угодьях, которые начинают открываться по обе стороны дороги. Мы наконец-то за пределами города, наконец-то свободны от ответственности, блестящих офисных зданий, сшитых на заказ костюмов и загородных клубов, которые ценит эта часть цивилизации. Конечно, я бы скучал по гольфу, если бы мне пришлось жить в деревне. И многому другому. Поездки в деревню на выходные — это возможность пообщаться с нашими более простыми земляками-селянами. Не то место, где я был бы готов жить на постоянной основе. Надеюсь, что мы не будем расходиться во мнениях в начале нашей поездки по стране.

Миа поворачивается ко мне, и я слышу нежную, приятную улыбку в ее следующих словах.

— Конечно, никаких неприятных тем. Это наш счастливый день, начало замечательных выходных. До этого момента я просто не знала о саженцах клубники и «дочкиных» побегах. Надо было выращивать перец. — Ее голос мягок, но проникает в мое сердце как кинжал. Это заявление, этот перец, — это удар. Конечно, мы могли бы попытаться забеременеть еще раз, но я был убежден, что снова будет мальчик. У нас было два таких идеальных маленьких экземпляра, каждый из которых оказался миниатюрной версией меня, как и должно быть. Я понимаю, что Мии было бы приятно увидеть маленькую версию самой себя, идущую по этому миру, следуя по ее стопам. Но зачем искушать судьбу?

Я бросаю взгляд на жену. Неужели Миа вытирает глаз? Нет, уверен, что это, должно быть, выпавшая ресница. Эта тема почти такая же старая, как Сэм, наш младший, которому шесть лет. Мы спорили, не соглашались, скажем так, из-за нашей призрачной дочери — ее звали бы Лили, снова и снова повторяла Миа — на протяжении шести лет. Все это абсурдно. Она должна помнить свои благословения, как, например, ее дочки-клубники в ее прекрасном доме у озера. Она должна быть благодарна за все, что у нее есть, за все, что я ей дал, а не страдать от того, что она что-то упустила, за кого-то, кого никогда не существовало. Я чувствую, как сжимаю руль, вижу, как побелели костяшки пальцев.

— Или бобы. Зеленую фасоль. Было бы забавно ее вырастить, — говорю я, прилагая усилия, чтобы подыграть. У меня есть страсть к зеленой фасоли, и я люблю ее с детства. Я научился не задаваться вопросом, почему. Это просто факт, как невозможно голубое майское небо или коричнево-зеленые поля, простирающиеся на мили по обе стороны от машины.

Я помню, когда был ребенком, и мои родители водили нас в модный ресторан в городе — это было задолго до их трагической гибели от несчастного случая, конечно. До того, как все изменилось. Просто хочу сказать вам, что может случиться одна вещь, и пуф, все летит к чертям.

Люди говорят, что это был странный поворот судьбы, несчастный случай, что оба моих родителя решили вздремнуть днем. Мамины подруги-соседки рассказали полиции, что моя мама почти никогда не отдыхала днем. Но у нее была болезнь Альцгеймера на ранней стадии, так что все постоянно менялось. Суть в том, что в тот день она действительно уснула. Мой отец старел, хотя был упрям и не признавал этого. Он дремал каждый день. Хотя болезнь моей мамы прогрессировала, она все еще оставалась деятельной, у нее все равно было больше энергии, чем у него. Конечно, она забывала такие мелочи, как имя своего соседа, но до тех пор она не забывала о больших вещах, таких как выключение автомобиля, особенно, когда она парковала его в гараже.

Но мой отец всегда дремал, с двенадцати тридцати до двух каждый день. Он вытаскивал слуховые аппараты, включал по телевизору канал для гольфа и начинал противно громко храпеть. Он звучал как неуправляемый поезд, скрежещущий по рельсам. Я почти представляю, как моя мама возвращается после своих дел, заводит машину в гараж и нажимает кнопку, чтобы закрыть дверь гаража. Она входит в дом, случайно оставив дверь, соединяющую гараж с домом, открытой, с работающей машиной. Она услышала бы храп моего отца, доносящийся из спальни, но по какой-то причине в тот день она решила присоединиться к нему в постели. Может быть, она слишком много съела за обедом и у нее болел живот, может быть, поэтому она решила вздремнуть? Следователи нашли на ее прикроватном столике упаковку таблеток от изжоги.

Меня утешает то, что они оба легко умерли, как при анестезии во время операции. Медсестра вставляет капельницу тебе в руку, и прежде чем ты успеваешь сосчитать от одного до десяти, ты засыпаешь. Но в их случае они так и не проснулись. Бесшумный убийца, вот как называют угарный газ. Я позаботился о том, чтобы установить детекторы в нашем доме после того, как это произошло, хотя только около четырехсот человек в год умирают от бесцветного, без запаха токсичного газа. Тем не менее, вы должны быть осторожны, учитывать каждую угрозу. Будьте на шаг впереди всего, всех. Вот как устроена вселенная в наши дни.

Но до трагедии, когда я был ребенком, мои родители иногда водили нас в самый модный ресторан в городе. Это случалось только тогда, когда мой отец был в хорошем настроении, когда он получал премию и еще не потратил ее на выпивку или что-то в этом роде. Мы наряжались в свои маленькие костюмчики и галстучки, мама сияла и говорила, что мы самые красивые мужчины на свете, а потом мы ехали в ресторан «Старая часовня». Весь персонал пребывал без ума от нас с братом. Именно там я впервые попробовал прекрасно приготовленную зеленую фасоль, нарезанную тонкими ломтиками и окрашенную маслянистым горчичным соусом. Я помню, как бобы блестели в свете свечи на столе. Я все еще чувствую вкус того первого кусочка, улыбку, которую он вызвал на моем лице. Эти бобы совсем не походили на те, что были у нас дома.

У нас с Мией нет ресторана, куда мы регулярно водим мальчиков. По крайней мере, не с мерцающими свечами и хрустящими белыми скатертями. Нам удастся довольно регулярно садиться вместе за кухонный стол. Но не за обеденный, пока. Мальчики слишком неаккуратны, чтобы обедать над нашим прекрасным тебризским ковром. Подарок от родителей Мии, сувенир из одного из их экзотических путешествий, конечно. Однажды я проверил в Интернете. Ковер стоит почти семьдесят тысяч долларов. Поэтому мы придерживаемся кухни для семейных обедов, хотя ни Миа, ни я не считались бы хорошими поварами, ни в коем случае.

Иногда я помогаю приготовить что-нибудь, но, по правде говоря, обычно за еду отвечает Миа. Очевидно, это имеет смысл: она домохозяйка. Я не понимаю, почему тогда, после всех наших лет вместе, она не выросла и не развила свои кулинарные навыки. Знаю, что она тратила деньги на кулинарные книги и даже на кулинарные курсы, но все же ее лучшие усилия могут быть отмечены только на троечку. Ее еда едва съедобна, на самом деле, по сравнению с изысканной кухней. Каждую неделю по итальянским вторникам мы с мальчиками с трудом пробиваемся через «Лазанью мамы Мии». Каждый раз она сырая и почти безвкусная. Это действительно позор.

В тех редких случаях, когда я отвечаю за прием пищи, мне нравится водить мальчиков в

«Панеру». Это не совсем то же самое, что пойти в «Макдоналдс» или «Венди» на ужин — хотя, конечно, я, как известно, это делаю. Только, пожалуйста, не говорите Мии. Нет, «Панера» — это почти сидячее заведение, на ступеньку выше, скажем, пиццерии или фаст-фуда.

Иногда я пытаюсь уговорить мальчиков есть там зеленую фасоль, знаете ли, ради традиции. Хотя им она не особо нравится. Майки на самом деле хватается себя за горло и издает сдавленные, рвотные звуки. Миа говорит, что он не ест ничего зеленого цвета. Она говорит, что он подрастет и его вкусовые рецепторы созреют. В мое время у этих вкусовых рецепторов не было бы выбора, благодаря дорогому старому папе. Вы ели то, что вам подавали. Но я люблю своих детей. Этих маленьких ребят. Несмотря на семейное сходство, иногда мне нравится вслух задаваться вопросом, в меня ли они такие идеальные.

— Зеленые бобы, — эхом отзывается Миа, отрывая меня от мыслей о родителях, потомстве и крошках на дорогах коврах. Она сидит ко мне спиной. Она кажется заикленной, полностью сосредоточенной на фермерских угодьях, катящихся за окном. Хотя я не могу видеть ее лица, я улавливаю тон ее голоса, что-то похожее на чувство, которое возникает, когда ты не можешь понять шутку. Как будто ты — шутка, как будто ты идиот. Только тот, кого ты любишь, может заставить тебя чувствовать себя так. — Я могу спросить Бака, возможно ли это летом. — Замечаю, что она кивает, пейзаж катится, и общий эффект головокружителен. Я снова перевожу взгляд на дорогу.

С каких это пор мы консультируемся со старым добрым Баксом по всем вопросам, связанным с садом? Я удивлен. А что еще обсуждают Бак и Миа: погоду, плюсы и минусы удобрений, наш брак? Скоро дорога сузится, и она сократится до одной полосы в каждом направлении. Вот тогда мне действительно нужно будет сосредоточиться. Вот тогда-то и становится опасно. Если вы совершите ошибку, вам не будет прощения на двухполосной проселочной дороге.

Глава 2

10:30 утра.

Этот однообразный участок шоссе, участок между Колумбусом и, скажем, большой заправкой, где мы обычно останавливаемся, чтобы залить бензин, скучен: плоские, полу-зеленые сельскохозяйственные угодья и несколько видов из окна, чтобы подпитывать ваше воображение. Обычно, когда мы достигаем этой точки в путешествии, я начинаю мечтать о месте назначения, думая о том первом моменте, когда снова увижу озеро.

Я знаю, о чем вы, возможно, думаете: действительно ли этот парень мечтает об озере Эри? Да. Если вы никогда не были там, то, вероятно, представляете мертвое озеро конца 1960-х годов, питаемое бурной рекой Кайахога. К тому моменту озеро Эри превратилось в токсичную свалку благодаря тяжелой промышленности, размещающейся на его берегах, сточным водам, стекающим в него из Кливленда, и стокам удобрений и пестицидов из сельского хозяйства. Его берега были усеяны мертвой рыбой. Это бедное озеро послужило толчком для принятия Закона о чистой воде в 1972 году, слава богу.

Или, совсем недавно, вы, возможно, слышали о цветении токсичных водорослей, которые превращают воду в озере в зеленую слизь, похожую на ту, что распыляют на зрителей во время подросткового шоу, которое мальчики любят смотреть. Но это случается не все время. Конечно, иногда в воздухе витает неприятный запах мертвой рыбы. Но чаще всего, если я сижу на скамейке возле озера и просто слушаю, как вода играет с валунами на

берегу, чувствую себя спокойно. Полагаю, это трудно объяснить тому, кто никогда не видел заката на озере Эри. Но они красивые. И, если не поворачивать голову слишком далеко влево или вправо, почти можно представить, что находишься у океана. Почти возможно поверить, что можешь начать свою жизнь заново, как солнце, восходящее каждое утро. И тогда все было бы просто, как в маленьком поселке на берегу, где наш домик у озера расположен под большим дубом. Правда звучит романтично?

Наш дом у озера является частью особого закрытого поселения с соответствующим названием Лейксайд, сообщества Чаутаука, основанного методистскими проповедниками более 140 лет назад как летнее убежище для образования взрослых и культурного обогащения, с добавлением большой дозы религии. Не то чтобы в религии было что-то плохое, конечно; просто я не вырос с ней, и мы не растим наших детей в ней. Это не значит, что нам не нравятся удобства, которыми эти прекрасные христианские души благословили сообщество. Даже такой атеист, как я, может оценить его многочисленные достоинства.

В тот или иной момент президенты Улисс С. Грант и Резерфорд Б. Хейс останавливались в Лейксайде. Моя жена любит отмечать, что Элеонора Рузвельт тоже останавливалась здесь. Миа часто цитирует эту женщину. Я нет. Я нахожу ее слишком уродливой — в том смысле, что ее лицо отвратительно. Я не смог бы просыпаться каждое утро рядом с таким лицом. Но Мию это не волнует. Говорит, что Элеонора Рузвельт вдохновляет ее каждый день делать одну вещь, которая ее пугает. Я перефразирую, но вы поняли идею. Я говорю ей, что, увидев эту женщину, идущую на меня в темном переулке, я бы испугался, и Миа не смеется.

Дело в том, что это чудесное маленькое поселение, расположенное на полуострове, на полпути между Толедо и Кливлендом. Но не думайте о тех больших грязных городах, о которых забыли погодные карты. Вместо этого представьте себе место прямо за пределами Мейберри. Помните то телешоу? Нет, я, конечно, недостаточно старый, чтобы смотреть его, но только подумайте о Роне Ховарде, веснушках и более простых временах — вот это место. Его деревянные коттеджи изначально предназначались для использования озера в качестве единственного кондиционера. Сейчас с глобальным потеплением у большинства из них есть сплит-система.

Здесь есть небольшая главная улица с пиццерией, магазином, в котором продаются лучшие в мире глазированные пончики и картофельные пончики, магазины футболок и все остальное. У нас есть исторический постоянный двор, построенный в 1875 году, который мне кажется часто посещают привидения, с его старыми неровными деревянными полами, скрипучими дверями и затхлым запахом, который другие могут назвать очаровательным, но меня он пугает. Окна слишком высокие, на мой взгляд и узкие, как будто внутри есть что спрятать. Это место предполагалось снести бульдозером в середине 1970-х, половина его комнат была непригодна для использования, так как озеро было загрязнено. Его спасла от сноса группа жителей Лейксайда, и с тех пор они медленно восстанавливали его. Хорошо для них, хотя я сомневаюсь, что когда-нибудь решился бы остановиться там. Но здание располагается прямо на берегу озера, и его называют символом радушного приема.

Мое любимое место во всем сообществе — причал и элинг. Он выглядит так по-американски с его декоративной викторианской зубчатой крышей, занимая главное положение в самом сердце этого места. Я легко могу представить себе важных гостей, прибывающих на лодке к этому месту. Мне нравится то, что я чувствую, когда стою в конце причала. Фон дополняет меня, как декорации к фильму: о, смотрите, красивый, богатый

городской житель Пол Стром наслаждается беззаботным днем отдыха в своей общине на берегу озера. Очень по-президентски.

Не уверен, что какой-нибудь нынешний президент вообще доберется до Кливленда, нашего дальнего соседа на востоке, не говоря уже о нашем маленьком пристанище у озера. Но меня это вполне устраивает. Достаточно людей уже обнаружили это место.

Когда мальчишки были маленькими, мы приезжали летом и останавливались у Бунов, наших соседей через два дома в Колумбусе. Это продолжалось около трех лет или около того, а затем мы начали снимать собственное жилье. Когда мы после этого увидели Бунов в пиццерии, это было даже не так неловко. Они переехали, пригласили других соседей занять наше место в их огромном коттедже. Мы не могли купить собственное жилье до прошлого лета, и когда это сделали, наш коттедж оказался на той же улице, что и величественный второй дом Грега и Дорис Бун. Не такой большой, конечно. По иронии судьбы, мы находимся выше по улице на более высоком участке, поэтому сейчас смотрим вниз на их собственность. Это была мечта, ставшая явью, особенно для Мии.

Нам больше всего нравится посещать озеро Лейксайд непосредственно перед сезоном и после него. Сезон — это десять недель в самом разгаре лета, когда место безумно забито туристами, а ворота закрыты. Даже домовладельцы должны платить дурацкие сборы за ворота все лето. Для меня это не имеет никакого смысла, но так оно и есть.

Но, с другой стороны, — а сегодня день позитива, напоминаю я себе, — Лейксайд прекрасен, особенно в относительно пустынное межсезонье, как сейчас.

Я помню нашу первую поездку сюда, когда мы только поженились, Буны пригласили нас с женой остаться на выходные. Мы были в восторге от возможности оставить малыша Майки дома с моими родителями и провести выходные самостоятельно, только вдвоем и с другими молодыми родителями. Это было начало хороших времен в Лейксайде, и все благодаря Бунам. Мы играли в карточные игры, особенно юкер. Пили слишком много, ели слишком много, а потом парни курили сигары на заднем крыльце Грега Буна, в то время как женщины расслаблялись в огромных белых плетеных креслах с розовыми подушками на переднем крыльце Дорис Бун и сплетничали. Мы слышали, как они смеются, вероятно, над нами, с заднего крыльца. Мы, парни, закатываем глаза; женщины такие женщинами, вы же знаете.

Если вы спросите меня, я бы сказал, что до сих пор не совсем понимаю, что произошло, почему Буны перестали приглашать нас, но это не имеет значения. Мы умудрялись приезжать сюда каждое лето, не требуя приглашения, и арендовали отличные места самостоятельно. И теперь у нас действительно есть коттедж, расположенный на зеленом участке над домом Бунов. Если я сижу ночью на своем крытом крыльце, могу даже наблюдать за Грегом на его заднем крыльце, с его гостями-мужчинами, курящими его контрабандные кубинские сигары. Но кому нужен рак легких? Только не мне. Нет, я думаю, что все вышло прекрасно.

Как и у Бунов, наша основная резиденция расположена в очень желанном пригороде Колумбуса - Грандвилле, ближайшем северо-западном пригороде города, и находится примерно в двух часах езды к югу от озера Эри. Все, чем мы владеем в мире, находится в Огайо, в этом политически решающем, лишенном побережья штате. Я уроженец Колумбуса, родился в пригороде, где мы теперь растим наших детей.

Никому не говорите, но тогда это место не считалось высококлассным. Нет, Грандвилл вырос в свое — ну, величие, если использовать подходящий термин, — по мере того, как

Университет штата Огайо и Колумбус росли в известности и богатстве. Раньше Грандвилл был общиной, заполненной мясниками, фабричными рабочими и тому подобными. Теперь в нем живут ребята из загородных клубов и мужчины вроде меня, у которых никогда не бывает мозолей на ладонях. На самом деле, это как у нас с отцом. Приземленный против утонченного. Но что касается выбора места, которое можно назвать домом, то яблоко в моей семье не только не упало далеко от дерева, но и наша дикая яблоня была на самом деле взята из семени яблони в соседнем дворе. Буквально мои родители жили рядом с нами. До несчастного случая.

Да, я купил дом рядом с родителями еще до того, как познакомился с Мией. Я знал, где хочу жить, и когда это стало доступно, я это сделал. Жизнь требует планирования, вы согласны? Моя жена привыкла к этому, хотя, конечно, как и у любой новобрачной, у Мии изначально были свои опасения. Она родом не отсюда, поэтому не понимала, как близкие родственники могут помочь, как хорошо, когда дети знают своих бабушек и дедушек и могут доковылять к их дому. Она оценила обстановку после того, как наш дом был приведен в порядок. Естественно, я позволил Мии и ее маме полностью отремонтировать его. Вы бы даже не узнали этот дом по моим пещерным дням первобытного человека. Но все это было частью плана. Я предоставил оболочку, «сказочный шедевр 1931 года», согласно брошюрам агентства по продаже недвижимости, «который просто требует некоторого ухода». Миа и ее родители предоставили уход и многое другое. Наш свадебный подарок. В качестве благодарности я подарила Филлис, маме Мии, старинную итальянскую мозаичную коробочку для пилюль.

«Это потрясающе, спасибо. Я добавлю ее в коллекцию, рядом с другими, что ты мне подарил. Ты такой заботливый. И у меня нет никаких мозаик, откуда ты это знаешь, Пол?» — Костлявые руки Филлис обвилились вокруг моей талии. Я постарался не вздрогнуть.

«Просто удачная догадка, Филлис», — выдавил я, хотя, конечно, знал. Я сохранил фотографию коллекции Филлис, сделанную Мией, маленькие трофеи, выставленные на зеркальном столике в гардеробной Филлис. Очень важно, чтобы ваша свекровь была на вашей стороне.

В такие утра, как это, до того, как мои родители умерли, мы бы провели мальчиков по зеленой траве нашей лужайки, а затем по дорожке перед одноэтажным домом моих мамы и папы, оставив их на выходные. Мои мальчики еще не были достаточно взрослыми, чтобы заметить, насколько маленьким был дом их бабушки и дедушки по сравнению с остальной частью улицы. Я просто жду, когда новые владельцы разрушат его и построят особняк.

Но в любом случае, когда мальчики были маленькими, запах знаменитого маминого печенья с шоколадной крошкой встречал нас у двери, а разочарованные крики болельщиков на каком-нибудь спортивном мероприятии доносились из телевизора, который мой отец включал слишком громко. Кресло-качалка, в котором мама успокаивала меня в детстве, вернулось в угол родительской спальни. Ящик с деревянными кубиками, с которыми я играл в детстве, волшебным образом появился в гостиной моих родителей, как только Майки стал достаточно взрослым, чтобы начать создавать форты.

Правда звучит как идиллия? Именно так, какой должна быть жизнь для моих привилегированных сыновей. Любящие бабушка и дедушка по соседству, роскошный дом, в котором можно жить, наполненный дорогой мебелью, мама-домохозяйка и трудолюбивый папа. Мои мальчики имели в жизни все это. И они любили моих родителей, особенно маму.

Что касается меня, то пока мои папа и мама следовали моим правилам, все было

идеально. Семья есть семья. Семья прежде всего, и все такое. Если вы не нужны, тогда ладно, стройте другие планы. Но внуки на первом месте. Они нарушили это правило только один раз, мои родители. В моей картине жизни ты всегда находишь время для детей своего любимого сына, несмотря ни на что. Я уверен, что вы согласны.

Конечно, теперь, когда мои родители умерли, мы полагаемся на няnek разного уровня квалификации. Оглядываясь назад, мои родители, несмотря на свой возраст, вероятно, справились бы лучше, обеспечивая безопасность моим сыновьям, чем долговязые подростки, которых мы вынуждены нанимать сейчас и переплачивать.

Например, мои родители стали бы лучшим выбором для этого уик-энда, несомненно, более эффективным, чем Клаудия, которая приехала сегодня утром, выглядя ошеломленной. Большие темные круги залегли под ее широко раскрытыми глазами, а ногти были обкусаны до самой сердцевины. «Может быть, она принимает наркотики», — внезапно думаю я, задаваясь вопросом, следует ли мне спросить мнение Мии. Хотя лучше не надо. Она захочет развернуться, чтобы спасти мальчиков. Нам нужно это время вместе, этот великий день вместе. Клаудия не единственная, кто ошеломлен; по ней просто больше всего заметно.

Я довольно искусно скрываю свои эмоции. Например, моя жена всегда задается вопросом, беспокоит ли меня то, что я живу рядом с призраками моих родителей. Она так не говорит, просто порой замечает, что странно видеть, как новая семья красит входную дверь в другой оттенок коричневого. Мне кажется странным, что они не снесли эту постройку, но я этого не говорю. Такие мелочи, вроде этой, меня не трогают. Большие проблемы, они беспокоят меня, но все же я могу этого не показать. «Бесстрастный Пол», — называли меня друзья, когда я рос. Я горжусь этим. Это сослужило мне хорошую службу в продажах.

Прирожденный продавец, вот кто я такой. Я вовсе не хвастаюсь. На самом деле знаю, что многие люди даже не любят продавцов. Они думают, что мы неискушенные и недалекие, что бы мы ни продавали. Мне все равно, пока я зарабатываю большие деньги. И я это делаю. Это крайне приятно. Даже Миа, когда мы впервые встретились, возможно, считала себя выше меня. Она работала копирайтером в творческой команде, а я был просто специалистом по обслуживанию клиентов. Теперь она знает, что к чему. Мне не потребовалось много времени, чтобы научить ее, как устроен мир.

— Пол, мне нужно в туалет, — объявляет Миа, закрывая журнал на коленях, как будто она могла просто выскочить из машины и облегчиться на обочине I-71.

— О, хорошо, я остановлюсь у следующего съезда и попытаюсь найти какое-нибудь приемлемое место, — говорю я. Удобства на этой дороге в лучшем случае некачественные.

— Убедись, что оно выглядит чистым, — добавляет она, как будто у меня есть возможности рентгеновского зрения. Как правило, мы не делаем перерывов на туалет по дороге в дом у озера. Мальчики это знают, Миа это знает. Но в ее ослабленном состоянии и в этот самый лучший день я сделаю исключение, не стыдя ее. Сегодня я любящий муж, готовый уступить.

— Конечно. Заправка или фаст-фуд? Что выберешь? — предлагаю я. Я не собираюсь быть обвиненным в том, что выбрал для нее не тот туалет. Спрашиваю с теплотой в голосе, хотя мне совсем не хочется останавливаться.

— Я дам тебе знать, когда мы увидим варианты, — говорит она, снова открывая журнал. Я отпущу это, свое презрение к тому факту, что жена не ценит мою готовность остановиться ради нее. Я смотрю на Мию, поглощенную чтением бессмысленной болтовни о знаменитостях, в журнале, раскрытом у нее на коленях.

Она должна перестать читать эту чушь.

— Ты же знаешь, что в этих журналах — сплошные сплетни. Истории о знаменитостях полностью выдуманы. Никто не бывает так счастлив или так печален, как кажется. Жизнь проходит посередине. В средней Америке, как здесь, в глуши, как сейчас, и в середине жизни, как у нас, — говорю я. Сегодня чувствую себя поэтично, хотя ни на мгновение не верю, что я обычен или нахожусь в центре чего-то.

— Пол, я никогда не слышала, чтобы ты называл себя человеком средних лет. — Я думаю, что Миа дразнит меня, но в ее голосе слышится резкость.

— Нет, — говорю я. — Все эти парни там старше меня. Все их снимки обработаны фотошопом. Если бы ты встретила их на улице, тебе стало бы противно от того, сколько им лет. Это не реально. Вот и все. — Я устал от этой темы. Я, конечно, никогда не был сплетником или читателем бульварных журналов, но знаю, как устроен мир. Люди всегда болтают. Черт возьми, несколько лет назад Миа услышала от кого-то на улице, что люди думают, что мы несчастливы. И совсем недавно ходили слухи, что я флиртую с продавщицей в торговом центре. Нелепо. Ненавижу торговые центры. Как правило, я делаю покупки в бутиках или в Интернете. Не то чтобы сплетники заботились о том, чтобы принимать во внимание такие мелочи, как факты.

Во всяком случае, когда несколько лет назад началась первая волна слухов, Миа запустила то, что она назвала «ребрендингом», в Фейсбуке, разместив наши фотографии в разных местах, смеющихся и улыбающихся вместе. Некоторые снимки действительно старые, но пока я хорошо выгляжу, меня это устраивает. Она говорит, что это сработало, потому что до нее больше не доходили слухи. Я не говорю ей, что слышал, и, конечно, не упоминаю слухи о торговом центре, потому что она спросила бы меня, когда и где, кто и в каком контексте, и я, конечно, не смог бы ей этого рассказать. Я не сплетник.

Оглядываясь и вижу, что моя жена читает статью об одном из вечерних телеведущих. Так вот, это работа, которую я мог бы выполнить. Я имею в виду, сидеть за столом, разговаривать со знаменитыми людьми ни о чем, кроме ерунды, и получать деньги, как король. Я даже не знаю, как можно получить такую работу. Присмотревшись повнимательнее, понимаю, что парень в журнале очень похож на Бака, нашего соседа по озеру. Какой-то утонченный взгляд, думаю, вы бы сказали. Худощавое, но мускулистое телосложение, темно-карие глаза, сильная, мужественная челюсть. Это тот типаж, что вы увидите в Нью-Йорке, на Уолл-стрит или по телевизору, а не то, что можно встретить здесь. Вот почему странно, что Бак живет на озере круглый год. Вряд ли кто-то так делает, потому что в межсезонье холодно и одиноко, и никого больше нет рядом. Как будто он шпион и прячется от чего-то или от кого-то, вот что я думаю.

Хотя, похоже, он преуспел. Я слышал, что он продал свой большой дом где-то в Коннектикуте, когда умерла его жена, и теперь здесь «перезагружается», что бы это ни значило. Женщина, которая рассказала мне об этом, знает не так уж много, хотя она — главная сплетница в нашем квартале у озера. На каждой улице есть такая. Она просто не очень хорошо справляется со своей работой. Гугл знает о Баке гораздо больше, чем она. И это не так уж много.

— «Макдоналдс» или заправка? — спрашиваю я, останавливаясь у знака «стоп». Мы в глуши. Город Килборн находится в нескольких милях к западу по шоссе 521. Правый поворот приведет нас к «Макдональдсу», левый — к заправке. И, насколько я вижу, больше ничего нет.

— Макдональдс, — выбирает Миа с тем тоном отвращения, который она использует для всех вещей — людей и ситуаций — которые ниже ее. В последнее время Миа стала мамой, выступающей против ГМО и фастфуда. Она склонялась к этому до своей недавней болезни, но теперь воинственна. Я аплодирую ей за титанические усилия, которые требуются, чтобы сказать «нет» двум мальчикам, которые, как только они станут достаточно взрослыми, чтобы тусоваться с друзьями в торговых центрах или ходить в кино в одиночку, будут первыми в очереди в каждом ресторане быстрого питания в городе, набивая себя всем неорганическим и жареным. Я также отмечал, по крайней мере, раз в год, когда мы едем к озеру, поля, насколько хватает глаз, кукурузы и сои «Монсанто Раундап», гордо обрамляющие шоссе. Это почти не по-огайски, позиция Мии по этому вопросу.

Разве мы не должны принимать наш образ жизни? Мы — государство без обработки почвы, использующие ГРП, ГМО и сою. Это наше наследие, говорю я ей. Знаете ли вы, что Колумбус — мекка быстрого питания? Это правда. Мы являемся тестовым рынком для большинства крупных сетей быстрого питания. Мы те люди, что определяют Америку. Мы — барометры вкуса, по крайней мере такого вкуса, с которым вы можете купить готовую «еду» менее чем за доллар. Мы — родной город «Венди», «Вайткасла» и еще нескольких других, вроде «Ракса», которые приходили и уходили. Помните «Фиш энд Чипс» Артура Тричера? Да, это тоже началось в Колумбусе, благодаря Дэйву Томасу из «Венди», который сколотил состояние на франшизе KFC «Полковника Сандерса». От одной мысли об этой британской рыбе в кляре мне хочется есть. Не то чтобы я сам регулярно употреблял какое-либо из этих низкосортных блюд. Когда я это делаю, это просто удовольствие, приправленное виной. У каждого есть свой порок.¹

— Тебе что-нибудь нужно? — спрашивает Миа, уже открывая дверь.

— Картошка фри? — говорю я, просто чтобы получить реакцию. Это срабатывает.

— Честно, Пол? Я имела в виду, не хочешь ли ты воды, кофе или еще чего-нибудь. Ты же знаешь, как я отношусь к этой так называемой еде. Все исследования сходятся во мнении, что плохое питание приводит к сокращению продолжительности жизни. Я много читала об этом, помнишь? Я пытаюсь стать здоровой, и тебя не убьет, если ты будешь работать над этим сам. — Она наклоняется вперед и указывает на меня пальцем, как на ребенка. Чувствуя ее взгляд на своем животе, я втягиваю его.

Журнал трепещет на ветру от открытой двери, и блондинка-певица на обложке выглядит так, как будто машет мне рукой. Я замечаю, что она симпатичная. Протягиваю руку и разглаживаю обложку, касаясь прохладной глянцевой бумаги.

Моя жена смягчает тон.

— Принесу тебе воды. Увлажнение — ключ к здоровью, — добавляет она и захлопывает дверцу машины, прежде чем я успеваю ответить. Я смотрю, как она уходит. Сзади она выглядит как та же женщина, на которой я женился десять лет назад. Ее волосы все еще свисают до середины спины. Ее попка маленькая, упругая и идеально подтянутая. Она выглядит почти так же, но это не так. Совсем. Но ведь никто из нас на самом деле не остается прежним?

Моя трансформация более очевидна, осознаю я, когда смотрю на свой маленький пивной животик средних лет и вздыхаю. Я обнаружил, что он состоит из чего-то, называемого внутренним жиром. Жиром, который появляется внезапно, как армия призраков, а затем окапывается, чтобы остаться. Неприятно думать, что жир не просто

лежит слоем поверх моего живота, как я себе представлял, а на самом деле находится рядом со всеми моими органами, сочится вокруг них, как будто это часть целого, а не дополнение к верхней части. Дело в мороженом, а не в вишенке. В принципе, они не могут сделать липосакцию и не могут заморозить его. Единственный способ избавиться от жира — тяжелая работа: меньше еды, больше физических упражнений.

Я планирую в ближайшее время заняться этим нежелательным недостатком. Он следующий в моем списке. Я устраню его, как только сделаю все, что запланировал. Это всего лишь вопрос силы воли и умственной стойкости. Они у меня есть, не волнуйтесь. Когда я втягиваю живот, как это было с Мией, он не подчиняется моей команде, даже близко недостаточно. Скоро я им займусь.

В отличие от меня, за последние полгода или около того Миа действительно похудела. Она сбросила детский жир, хотя, клянусь, ест больше и чаще, чем я. И, хотя она выглядит подтянутой, она все равно немного беспокоится о потере веса. Я говорю ей, что это безумие, большинство женщин ее возраста умерли бы, чтобы их вес таял, несмотря на то, что они едят все, что им нравится. И она хорошо выглядит. Она начала бегать трусцой год или около того назад, но сократила пробежки. Просто сейчас ей не хватает выносливости. В основном она использует свободные веса в нашем подвале. Иногда она все еще ходит по нашему кварталу, если у нее есть силы.

Может быть, она такая худая, потому что перестала есть мясо — извините, «животный белок». Все возможно, но я приписываю это скорее стрессу. Вы знаете, как родительство иногда может сказаться на вашем кишечнике. Беспокойство связывает вашу систему узлами, по крайней мере, я так слышал, потому что сам не склонен волноваться. Врачи проверили, нет ли язв, но у нее их не было. Просто загадка, мне кажется.

Она даже обратилась к одному врачу, который предложил ей пропить курсы различных витаминов и минералов, а затем настаивал на этом. Я имею в виду, правда? Что это значит? Тратить свои деньги — вот на это. Миа вернулась домой с травяными сборами на сотни долларов. Конечно, ничего из этого не помогло. Теперь она еще любит пить воду. Поддерживает водный баланс. Она старается пить только из стеклянных бутылок. Удачи тебе с этим, дорогая.

Я замечаю, что Миа собрала волосы в хвост. Вижу, как она стоит у стойки, делая заказ. Другая вещь, которую я замечаю, — это клиенты, мужчины, пялящиеся на нее. Да, ребята, у нее все еще есть это, подтверждаю я кивком самому себе, наблюдая, как они все наблюдают за ней. Теперь она идет к машине, держа в каждой руке по пластиковой бутылке с водой, и на ее лице широкая белозубая улыбка. Ее признали лучшей улыбкой в старшей школе, и она все еще есть, эта улыбка. Хотя сейчас она, наверное, больше. Наши десны отступают с возрастом, делая всех нас с длинными зубами, и особенно Мию. Но не поймите меня неправильно, только я заметил бы такую вещь. Ее ярко-синий хлопковый свитер, синие джинсы и белые теннисные туфли выделяют мою жену среди остальных людей, входящих и выходящих со стоянки «Макдоналдса». Все остальные кажутся более приглушенными — черно-серые и темно-синие люди, одетые для бизнеса, сельского хозяйства или грузоперевозок. Сегодня утром это эклектичная, но монохромная группа, за исключением моей жены и ее ярко-синего цвета.

Миа открывает дверцу машины и проскальзывает внутрь.

— Хороший выбор. Туалет был чистый. Очередь короткая. Вот твоя вода, — говорит

она, протягивая мне холодную бутылку.

Пластик дешевый и потрескивает в моих руках. Это тот тип бутылки с водой, которая выплеснет половину своего содержимого, когда я ее открою. Знаю, что это так. На бутылке будет этикетка, объясняющая, почему этот дешевый, дерьмовый пластик лучше для окружающей среды, чем любой другой, более прочный пластик. Поверьте, это просто дешево. Я также знаю, что должен был выйти из машины, чтобы открыть бутылку. Мне следовало выйти, просто чтобы размяться. Возможно, мне следовало выйти из машины и открыть дверь для моей жены. Я сделаю это, когда мы через некоторое время остановимся заправиться. У нас есть весь день, и моей жене не помешало бы напоминание о том, что рыцарство живо и здорово благодаря Полу Строну.

— Значит, ты считаешь Тейлор Свифт милой? — интересуется Миа, когда я выезжаю со стоянки «Макдоналдса».

— Кто? — Я знаю, кто такая эта поп-старлетка, все знают. Мне даже нравится ее песня «История о нас», но почему моя жена задала такой вопрос?

— Я видела, как ты разглядывал обложку. — Миа держит журнал сплетен, наклонив голову. Ее глаза сияют, как будто она застала меня за тем, как я пью молоко из пакета. Я люблю пить молоко из пакета, но, увы, если моя жена поймает меня, я получу тот же разочарованный, блестящий взгляд. Обычно она кладет руку на бедро, но это трудно сделать на переднем сиденье «Форд-Флекса».

— Зачем мне разглядывать какой-то журнал, когда я могу смотреть на свою прекрасную жену? — Я протестую, сильно нажимая на акселератор, чтобы снова выехать на шоссе.

Я рад, что они наконец завершили проект стоимостью в пятьдесят миллионов долларов по расширению этой автострады до трех полос по обе стороны. Я без проблем возвращаюсь в поток машин. Они потратили более миллиарда долларов на эту дорогу с момента ее открытия в 1960-х годах. Что бы я сделал за миллиард долларов. У Тейлор Свифт миллиард долларов, я уверен.

— Она очень талантливая молодая женщина, но я понятия не имел, что это она на обложке. Они все выглядят одинаково с макияжем, ретушью и всем прочим.

— В этом ты прав, — говорит Миа. Она открыла журнал, лежащий у нее на коленях, и теперь я вижу совсем другую историю. Она открывает бутылку с водой и, как я и предполагал, проливает четвертую часть на журнал. — Черт побери.

Как мило. Запрет Мии ругаться в присутствии мальчиков привел к такой детской реакции моей жены, хотя детей рядом нет. Я должен сказать ей, чтобы она свободно выражалась в моем обществе.

Прежде чем я успеваю ее остановить, она открывает бардачок и роется в нем.

— У меня там нет салфеток, — быстро говорю я. Чувствую, как мои ладони начинают потеть. Смотрю на себя в зеркало заднего вида и замечаю, что мой лоб блестит и внезапно становится влажным. В наши дни так трудно хранить секреты. Люди могут узнать что угодно, разрушить все планы. Иногда достаточно просто открыть не ту дверь. — Просто закрой его. Здесь... — Я знаю, что мой голос звучит скупко, но ничего не могу с собой поделать. Лезу на заднее сиденье, хватаю свой серый свитер и бросаю ей на колени. — Используй его, — мой голос вернулся к своему нормальному тону. Это меня радует.

— Ты странно себя ведешь, — говорит она вместо благодарности. Но я собираюсь не обращать на это внимание. Она не знает, что у меня там спрятан сюрприз, часть нашего особенного дня. Я не могу этого сказать, поэтому ничего не говорю, пока она вытирает

журнал моим свитером.

Она могла бы просто вырвать эти две страницы. Может быть, там есть кто-то важный. Все, что я вижу, — это еще один парень с двухдневной щетиной, сверкающими карими глазами и густой шевелюрой. Еще один похожий на Бака. В ее журнале действительно нет мужчин, похожих на меня, по крайней мере сегодняшнего. На самом деле, это не совсем так. Я мог бы посоревноваться с Джорджем Клуни, ростом я ничуть не ниже. Когда я был моложе, легко мог бы оказаться на обложке журнала как «Самый сексуальный мужчина на свете», если бы захотел. Но как уже говорил, я ненавижу всю эту знаменитую чушь.

— Я собираюсь позвонить Клаудии. Могу я воспользоваться твоим телефоном? Хочу, чтобы она попросила мальчиков позвонить нам после школы, просто чтобы узнать, как дела, — говорит Миа.

Нас не было чуть больше часа. Это просто смешно.

— Мы едем не так долго. Мальчики в школе, и я гарантирую, что они слишком весело проводят время со своими учителями и маленькими друзьями, чтобы думать о нас. Мы можем позвонить им сегодня днем. Нам не нужно разговаривать с Клаудией.

Иногда моя жена ведет себя так, будто дети все еще младенцы в манежах. Это меня раздражает, и их тоже. Они большие ребята, оба учатся в начальной школе. Они станут мужчинами прежде, чем мы это узнаем.

Мои родители начали относиться ко мне и моему брату Тому как к взрослым, как только мы пошли в школу. Папа хотел, чтобы мы окрепли, чтобы мы могли постоять за себя, особенно я, так как был старше. Ах, старые добрые времена. Думая о Томе, задаюсь вопросом, следует ли мне сказать Мии, что, по-моему, Клаудия принимает наркотики, но решаю не заводить ее еще больше.

— Тебе нужно расслабиться, хоть немного. — Я похлопываю ее по бедру, чтобы успокоить.

Я чувствую на себе ее взгляд.

— Знаю. Но дело в том, что они — моя жизнь. Ты поощрял меня, умолял не работать, поэтому я бросила работу в рекламном агентстве, работу, которую любила, и построила весь свой мир вокруг детей. Они просто не нуждаются во мне так сильно теперь, когда большую часть дня проводят в школе. — Ее голос тих, глаза блестят, но на этот раз это потому, что они наполняются слезами.

— Ты хорошо их воспитала. Теперь пришло время для них научиться независимости, чтобы они могли справиться с миром. Мальчики отстраняются от своей мамы, это естественно. Так они становятся молодыми людьми, — говорю я. — Ты все еще слишком нянчишься с ними. Но это часть того, что делает тебя замечательной мамой, такой мамой, какой я представлял тебя, когда мы впервые обсуждали твое пребывание дома. Не плачь, сладкая. — Сладкая, какое интересное слово можно применить к человеку. Я думаю, что она плачет, сочная, сладкая, ее слезы, как настоящий мед, капающий с ложки. — Это наши выходные. С мальчиками все в порядке. — С их няней-наркоманкой, я не добавляю.

Я сверкнул своей самой большой прямоугольной улыбкой, добавив свое фирменное подмигивание, выигрышную комбинацию. Именно эта улыбка запустила тысячу новых аккаунтов для рекламного агентства. Я сплываю, сдерживая улыбку, чтобы заверить Мию, что сегодня радостный день, наполненный весельем.

— Сегодня не день для слез, — мягко говорю я ей. Я добрый, любящий муж. Я понимаю

ее боль, как же иначе. — Это наш особый день, день для размышлений и благодарности за все, что мы создали. День, чтобы насладиться пребыванием вместе.

— Конечно, — соглашается она, делая большой глоток воды из сморщенной пластиковой бутылки. Лицемерка. Она читает мои мысли, умение жены, которое я не могу сказать, что слишком люблю, и произносит:

— У них совсем не было стеклянных бутылок, Пол. Мне нужно начать брать свои стеклянные бутылки с водой в дорогу. Я даже не знаю, есть ли они у меня на озере.

— Не думаю, что в прошлом сезоне ты осознавала опасность пластиковых бутылок с водой, — мягко комментирую я, и теперь она улыбается.

— Ну, ты же знаешь, что я права, — говорит она.

— Любимая фраза каждой женщины, — поддразниваю. Я замечаю, что мы вернулись на счастливую почву. Она даже постукивает большим пальцем правой руки по потрепанному журналу, отбивая такт одной из наших любимых песен: «Все еще та самая».

До этого момента.

— Так как дела у Кэролайн? Все еще флиртует с тобой?

Я делаю глубокий вдох и сжимаю руль.

Глава 3

11-00 утра.

Я проверяю выражение своего лица в зеркале заднего вида, стараясь выглядеть беззаботным: рот расслаблен, плечи опущены. Бесстрастное лицо Пола. Делаю глубокий вдох. Я умею выглядеть невозмутимым, правда, но потом чувствую жар на своих щеках. Делаю вид, что смотрю в зеркало со стороны водителя.

— Кэролайн? — спрашиваю я, на мгновение замирая, когда в мое сознание врывается блестящая серебряная рамка с фотографией улыбающейся молодой пары. Качаю головой, стирая ее. У моего мозга достаточно дел. Я должен вспомнить все, что говорил своей жене о Кэролайн и офисе «Томпсон Пейн» в целом за последние несколько месяцев. Затем, как в одном из проектов Сэма в первом классе, я должен рассортировать то, что было сказано, в одну кучу, а то, чего не было, в другую. Это важное упражнение, которое лучше всего выполнять в подходящих условиях, а не застигнутым врасплох женой. Но для этого уже слишком поздно.

— У тебя дергается челюсть, — замечает Миа.

Это правда. Разжимаю челюсть, двигая ею взад-вперед. Я делаю глубокий вдох и заставляю себя улыбнуться. Досадно, что Миа это подметила. Видимо подрастерял навык. В конце концов, в наши дни мне не часто приходится сохранять покер-фэйс. Я бросаю взгляд на свою жену, которая улыбается, вероятно, из-за моего дискомфорта от этой темы.

Она добавляет.

— Значит, Кэролайн все еще беспокоит тебя?

— Нет, больше нет, — говорю я, медленно подбирая нужные слова. — Она молода. Это ее первая работа. Она просто не знала, что уместно, а что нет, вот и все.

— Все знают, что неуместно звонить боссу домой в полночь, — говорит Миа. — Особенно когда ты пьяна.

— Она была расстроена, Миа. Я же объяснял. — Смотрю в боковое зеркало и проезжаю

мимо дурацкой зеленой «Хонды», которая едет перед нами со скоростью улитки. Уже почти пришло время для двухполосной дороги, так что мне нужно, чтобы эта угроза осталась далеко позади. — Ее отец умер. Она не знала, к кому еще обратиться.

Миа смотрит на меня так, словно все еще не верит мне.

— Значит, ты пожаловался в отдел кадров, но она все еще работает в «Томпсон Пэйн»? — спрашивает она, барабаня пальцами по ручке дверцы. Я вывожу машину обратно на правую полосу.

— Мы не увольняем людей, которым нужна помощь, Миа. Вот почему у нас есть кадровики. Это их работа — объяснять политику компании и помогать людям становиться лучшими сотрудниками. — Чувствую, как мои глаза сужаются. Мне не нравится эта тема. Сам факт того, что мне пришлось говорить о кадровиках, наводит на мысль о неприятном событии. Я стряхиваю с себя вспомнившийся запах удобрений и старого кота.

Миа не отступает.

— И мы предлагаем этим людям, которые нуждаются в помощи, таким как Кэролайн, на которых мы пожаловались в отдел кадров, нашим женам в качестве подходящих няnek? Наверно в рамках какой-то программы реабилитации сотрудников?

— Сарказм тебе не идет, милая. Мы были в затруднительном положении, ты и я, помнишь? И это было сто лет назад. Я не понимаю, почему ты заговорила об этом именно сегодня, — чувствую, как моя челюсть снова начинает сжиматься, и потираю затылок левой рукой. Я бы предпочел говорить о клубничных побегах. Такое ощущение, что меня слишком сильно сдавливают, и весь воздух уходит.

— Верно, — говорит Миа. — Самый лучший день, помню. Я перестану. Хотя эта девица все еще беспокоит меня.

— Дорогая, я даже никогда не видел ее в офисе. — Это абсолютная истина. Я чувствую, как моя челюсть разжимается, как будто кто-то отпустил тиски вокруг моей головы, ослабил хватку на груди. Старый добрый «Томпсон Пейн». Я провел непомерную часть своей жизни в этих сверкающих пригородных офисах. Большая часть моей работы заключалась в том, чтобы убедиться, что все хорошо выглядят для потенциальных клиентов. Женщины носят каблуки и короткие юбки? Парни чисто выбриты и дружелюбны, не угрожающие, но крутые? Рекламные агентства — это все о пыли в глаза, внешнем виде, а не о реальности. Необходимо производить хорошее первое впечатление. И именно поэтому ваш покорный слуга идеально подходил на должность директора по обслуживанию клиентов. Я похож на человека в цилиндре в цирке с тремя кольцами, составляющими суть рекламного агентства. Я — человек, управляющий шоу, общающийся с властными клиентами и сумасшедшей творческой командой, пытающейся их обслуживать. Постоянная стена между персоналом и партнерами, которые никогда не бывают удовлетворены даже нашими огромными успехами. Неужели они думают, что агентство просто работает само по себе? Без меня все развалится, как они, без сомнения, обнаружили.

Когда Джон Ларсон ушел три года назад, и признаю, что приложил к этому руку, я с легкостью перешел на его место. И я извлек урок из его ошибки. Он доверял мне, сделал меня своим номером два. Я позабочусь о том, чтобы никогда не возвышать ни одного из менеджеров по работе с клиентами, отчитывающихся передо мной. В моих глазах они все равны. На самом деле, я позабочусь о том, чтобы они чувствовали себя одинаково неуверенно, чтобы их работа постоянно подвергалась риску. Это даст мне контроль. У меня нет помощника. Он мне не нужен. Совсем. Знаю, о чем вы думайте, для продавца я кажусь

одиночкой. Ирония в том, что большую часть времени я предпочитаю быть один. Люди в целом, и сотрудники в частности, могут доставить больше неприятностей, чем они того стоят. Просто спросите старого доброго Джона.

— Ты что-нибудь слышал о Джоне? — спрашивает Миа, читая мои мысли во второй раз за сегодняшний день. Я упоминал, не так ли, что думаю об этом конкретном ее таланте? Поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее, но ее лицо спокойно, почти дружелюбно, что указывает на то, что тема Кэролайн пока позади.

— Нет, нечего не слышал. Откуда такой внезапный интерес к «Томпсон Пейн», прошлому и настоящему? — Мы подъехали к повороту на двухполосную дорогу. Как только съеду с шоссе, я поверну налево, проезжая мимо одного из знаковых старых амбаров, которые были выкрашены в белый цвет к двухсотлетию Огайо. Я работал над этой кампанией для штата, когда был скромным менеджером по работе с клиентами. Это была хорошая кампания. Полная финансируемых правительством льгот, таких как изысканные блюда за счет налогоплательщиков, и много времени, потраченного на поездки и выявление старых амбаров по всему штату. Идеально подходящая для меня. Много времени в одиночестве.

— О, ну, на самом деле я недавно столкнулась с Джоном в магазине здоровой пищи. Теперь он вегетарианец и выглядит просто великолепно. Он избавился от пивного живота, — сообщает она мне.

Пока она это говорит, я сворачиваю на двухполосную дорогу и не могу оторвать глаз от пути, чтобы посмотреть на нее. Однако чувствую, что что-то не так. Тон ее голоса изменился. Он высокий. Будто она что-то скрывает. Воздух шипит между нами. Как давно она столкнулась с Джоном? Я удивлен. Сколько они говорили, продолжают ли общаться?

Она добавляет:

— Он выглядит великолепно. Говорит, что уход из «Томпсон Пейн» стал для него лучшим решением. Джон основал собственное рекламное агентство, ты знал об этом?

Интересно. Должно быть он не подписывал соглашение о неконкурентоспособности. Я знаю, что он не будет представлять реальной угрозы для «Томпсон Пейн» еще многие годы. Он начнет с того, что перетащит к себе мелких клиентов, которые не получают серьезного внимания от больших парней, таких как «Томпсон Пейн», а затем будет находить более солидных клиентов. Пройдет десятилетие или больше, прежде чем он восстановит свой статус, полетев в Нью-Йорк или Лос-Анджелес для коммерческих съемок. Мне жаль его, беднягу.

— Хорошо для него, — говорю я. Конечно, я желаю ему всего хорошего. Вообще-то, он неплохой парень. Он просто мне мешал.

Я слышу, как моя жена делает глубокий вдох, раздражающий звук, но сосредотачиваюсь на своем амбаре. Мы сейчас проезжаем мимо него, за ним два красных бункера, зеленые поля, без сомнения, трансгенная соя, насколько видно взгляду. Все здесь так, как и должно быть, упорядоченно, симметрично и продуктивно. Прекрасная ферма. Совершенство, полученное с помощью пестицидов и генетической модификации. Если бы только людьми было так легко управлять. Миа бубнит о Джоне.

— После того, как мы встретились, он пригласил меня посетить его агентство. Он даже спросил, не захочу ли я сделать для него кое-какую проектную работу, ну, знаешь, копирайтинг и несколько пресс-релизов. Просто что-то на полставки, так как, как ты сказал, мальчишки весь день в школе и больше не нуждаются во мне. В том же объеме, я бы сказала.

Эта часть дороги опасна. Мне нужно использовать все свое внимание, чтобы ориентироваться. Миа знает это, и именно поэтому сбросила эту бомбу на этом отрезке пути. Я оглядываюсь и вижу ее руки, крепко сцепленные на коленях, ее кольцо сверкает, как лезвие ножа, когда на него попадает свет. Понимаю, что задержал дыхание, и выдыхаю.

Миа не может вернуться в рекламный бизнес — сейчас не время.

— Нет, так не получится, — знаю, что мой тон тверд, мой голос глубок и силен. Мой сценический голос. Когда я был в средней школе, мне нравилось играть в школьных спектаклях. Миссис Белт, моя учительница, сказала, что у меня серьезные актерские способности. Она думала, что когда-нибудь я стану звездой. Думаю, я мог бы стать звездой. У меня была внешность, талант. Полагаю, еще не поздно. — Ты нужна детям, дорогая. Они просто ведут себя так, как будто это не так.

— Я решила, что приму его предложение. Буду работать дома, пока мальчики в школе. — От неповиновения ее голос дрожит. — Мне нужно встряхнуться и занять свой мозг работой. Я раньше не сказала тебе, но у нас такая приятная поездка, и сегодня прекрасный день. Мне показалось сейчас идеальный момент. Пусть это тебя не беспокоит, ладно?

Я не говорю ни слова, молчаливо протестую. Внутри чувствую жар, разгорающееся пламя. Мы никогда не можем предсказать, что на самом деле задумал наш предполагаемый партнер? Даже самые лучшие планы могут быть разрушены. Вот почему я должен оставаться ловким, проявлять гибкость. Не моя сильная сторона. Я сохраню спокойствие, а позже раздавлю эту глупую идею Мии, как таракана. Уверен, что на самом деле она не это имела в виду, вот почему ее голос дрожит. Она на незнакомой территории. Эта смелость на нее не похожа. И мне это совсем не нравится.

Моя жена откашливается и говорит:

— Джон сказал, что в рекламной индустрии в городе так много изменений. Он слышал всякие сумасшедшие вещи.

Она похлопывает меня по ноге, и я чуть не подпрыгиваю. По мне пробегает холодок, и я сжимаю руль. Это вызов, я знаю, но, как и когда Миа стала такой уверенной в себе? Откуда она взялась, эта новая Миа? И что именно она знает?

Глава 4

11-30 утра.

У Мии звонит телефон, и она отвечает на звонок. Из разговора понимаю, что это Клаудия. Я уверен, что они обсуждают планы на выходные для мальчиков. Отключаюсь от нее и на мгновение задерживаю дыхание.

Если она уже знает правду, тогда почему просто не спросит меня напрямую, почему не требует информации? Эта новая, уверенная в себе Миа, кажется способной просто выпалить все в лицо. Это удивительное зрелище — более сильная Миа. Это не моя типичная Миа — я знаю свою жену. Поэтому она копается в вещах, которые не совсем понимает, в вещах, о которых Джон Ларсон не мог знать. У нее должно быть есть несколько фактов, и они придали ей смелости. Нет, никто ничего не знает. Моя жена знает только то, что я ей говорю, и ничего больше. Я делаю глубокий вдох и напоминаю себе расслабиться. Все хорошо. Джон Ларсон не сможет настроить мою жену против меня, как бы сильно я ему не нравился.

Честно говоря, у Джона есть все основания затаить обиду. Я признаю это сейчас. Я

подстроил его увольнение. Как уже объяснял, он когда-то был моим наставником в рекламном агентстве. Он нанял меня в один из самых трудных периодов моей жизни, когда я только вернулся в город из Нэшвилла. Он верил в меня все эти годы. И я тоже его уважал. А еще именно он познакомил меня с Мией.

Я улыбаюсь при воспоминании о нашей первой встрече: Миа Пилмер сидит за столом в конференц-зале со стеклянной столешницей, ее светлые волосы блестят, глаза яркие и умные. Ее длинные ноги подчеркивала узкая короткая черная юбка. Через эту стеклянную крышку можно было оценить все, а у Мии тогда имелось многое, что можно было оценить. Джон сказал мне, что Миа лучший копирайтер в творческой команде, на удивление один из лучших, которых он когда-либо читал, хотя она только что закончила колледж и была очень молода. Будущий креативный директор и, возможно, даже партнер фирмы, сказал он. «Томпсон Пейн и Пилмер», это когда-нибудь случится, предсказал Джон. Она была выпускницей Нью-Йоркского университета, по крайней мере на десять лет моложе меня, и из богатой нью-йоркской семьи. Умна, красива, чиста. В ту минуту, когда сел на стул рядом с ней, случайно/нарочно ударившись бедром о ее ногу под столом для совещаний, я понял, что это она. Почувствовал, как между нами проскакивает искра, притягивая нас друг к другу навсегда.

Миа тоже чувствовала физическое влечение. Я видел, как она покраснела, когда застенчиво отвернулась от меня за столом для совещаний. Ее разум, с другой стороны, требовал некоторого убеждения. Можно сказать, это была работа по продажам.

Джон, да... мы с ним поладили с самого начала. Думаю, проблема была просто в том, что в какой-то момент мы оба поняли, что я стал подходящим человеком на его место. Но он никуда не собирался уходить. Партнеры не собирались делать его партнером, они сказали ему, что на стеклянной стене не появится надпись «и Ларсон». Так что он застрял, бедный Джон. В конце концов, мне нужно было помочь ему двигаться дальше. Я был счастлив оказаться полезным.

— Клаудия говорит, что кредитка не работает, — Миа, качает головой, прикрывая телефон. — На что она должна покупать продукты? Ей пришлось оставить сумки на стойке обслуживания клиентов в «Крогере». Сказала, что вернется, чтобы заплатить. Это неловко, Пол.

— Просто скажи, чтобы она воспользовалась своей кредитной карточкой, и я верну ей деньги, когда мы вернемся, — я умею решать логические задачи.

— Пол, она студентка колледжа. Мы не можем просить ее об этом. — Мышцы на ее щеке натянуты, как резинки, которые вот-вот лопнут. У меня снова спокойное, рассудительное бесстрастное лицо. Конечно, я знал, что карта не сработает, но Миа, понятно, удивлена. Надеюсь, она не потеряет голову из-за такой ерунды. Терпеть не могу, когда Миа начинает ныть и беспокоиться. Это ниже ее, ниже нас.

— Когда мы доберемся до озера, я переведу деньги на карточку. Она заработает к полудню. Ладно? — Теперь моя очередь похлопать ее по ноге. Она игнорирует этот жест и передает сообщение переутомленной Клаудии. Я наблюдаю, как она нажимает кнопку «отбой» на своем телефоне с явным выражением мелодраматического отвращения.

Действительно? Она ведет себя как ребенок. Это всего лишь продукты. Большое дело. Не похоже, что мальчишки будут голодать. Наша кладовая полна превосходных продуктов. У нас в морозилке есть замороженные органические макароны и сыр. Это просто смешно. Ни мальчишки, ни Миа не понимают, каково это — быть голодным, быть обделенным: открыть

дверь пустого холодильника, пустой кладовой. Ну и что с того, что у них нет выбора закусок на выходные?

— Пол, честное слово. Это единственное, о чем я просила тебя, чтобы подготовиться к выходным. Оставить достаточно наличных или, по крайней мере, достаточно денег на кредитке на выходные. Это неприемлемо, — выговаривает мне Миа. Она потирает затылок, пытаясь ослабить резинку, полагаю. Представляю, как ее плечи сжимаются от беспокойства.

На самом деле грустно, что такие мелочи могут так легко вывести ее из себя. В последнее время это не редкость. Похоже, сейчас она способна переживать из-за всего. Она беспокоится о мальчиках, о своем здоровье, о том, как чистят сточные канавы, вывозят мусор, обо всем на свете. Разве не стало бы иронией, если все это беспокойство и есть главная причина потери веса? Это моя теория и я поделился ей с женой.

Ничего из того, что я мог бы сказать сейчас, не улучшит ситуацию, поэтому вместо этого включаю музыку, когда Эми Уайнхаус выкрикивает:

— Ты же знаешь, что я никуда не гожусь. — Я люблю эту песню, весь этот плейлист, и знаю, что Миа тоже любит. Далее — «Холодное, холодное сердце» Дины Вашингтон.

— Мы можем переключиться на радио? — спрашивает Миа. И затем, прежде чем я успеваю ответить, в мои уши врывается с треском местная станция, кантри-певец, причиняющий боль моей психике. Сколько бы я ни объяснял Мии, что джаз — высшая музыкальная форма, а кантри — низшая, она все равно мучает меня.

Волосы у меня на затылке встают дыбом, когда эта дурацкая кантри песня наполняет машину. Но я это переживу. Мы находимся в глуши, примерно в тридцати минутах от пекарни, где остановимся и проверим, нет ли круассанов. Было бы так чудесно, если бы вселенная оставила мне сегодня несколько круассанов. Кажется, я прошу не так уж много. Мне нужно, чтобы Миа расслабилась и забыла о допросе. Возможно, выпечка поможет. Я посоветую ей съесть один-два круассана, а не откладывать их все на завтрак. Время от времени нужно напоминать ей, что стоит расслабиться и не откладывать удовольствие. А потом, если она будет счастлива, Миа снова включит мою музыку.

Я не могу остановиться. Тянусь к радио, нажимаю несколько кнопок; эта нудная музыка кантри — все, на что я могу настроиться. Но она порадует Мию, так как моя жена фанатка музыки кантри. Я был сыт этим по горло, когда жил в Нэшвилле, большое спасибо. Прямо сейчас задаюсь вопросом, почему прекратил подписку на радиостанцию в приложении, плохой шаг, когда дело доходит поездки по Тмутаракани. Теперь я во власти любой станции, которая попадет в зону действия, если только Миа не переключится обратно на мой любовно созданный плейлист. Жаль, правда.

Кантри-певец — единственный, кто издает звук. Тишина между нами отдается глухим стуком в моей голове. Я не хотел, чтобы сегодня было так. Мне приходит в голову, что сейчас самое время извиниться. Дорога впереди свободна, и мне не пришлось никого обгонять на протяжении многих миль.

— Эй, Миа. Прости, — говорю я. — Это моя вина. Я все исправлю, расплачусь по карточке, как только мы доберемся до коттеджа. Клаудия сможет воспользоваться ей сегодня днем, заберёт продукты. Все хорошо. А пока расслабься. Наслаждайся музыкой. Все будет хорошо.

Миа сдвинула солнцезащитные очки на лоб. Она смотрит на меня прищуренными глазами, вероятно, защищаясь от яркого солнечного света. Смотрит на меня так, как ты смотришь на паука, плетущего паутину у твоего порога, одновременно с изумлением и

страхом.

— Что? — мне не нравится выражение ее глаз. Обычно она смотрит на меня с такой уверенностью, с такой любовью. Что-то разрушило это; кто-то или что-то изменило ее мнение обо мне, я понимаю. Как это произошло и когда? Я знал, что все изменится, должно было измениться на самом деле. Конечно, у меня есть план, как с этим справиться.

Я раздумываю, что Миа видит во мне. Видит ли она по-прежнему утонченного взрослого мужчину, которого поклялась любить, уважать и повиноваться десять лет назад? Чувствует ли она все еще мои опытные прикосновения, помнит ли все, чему я ее учил о сексе, о любви? Ценит ли она по-прежнему мои энциклопедические познания в изысканной еде и вине, мечтает ли путешествовать со мной по экзотическим местам, которые, как ей рассказываю, я посетил? Жаль, что у нас не было времени немного попутешествовать, но мальчики появились так быстро, и, в общем, ее место дома. Я уже не уверен, о чем она думает, когда смотрит на меня, совсем не уверен.

Но больше, чем то, что она видит во мне, я не ценю то, что я вижу в ней. Я качаю головой. Это должен был быть лучший день, а он портится, разлагается, как воспоминания детства. У вас все еще есть представление о том, каково это — быть ребенком, но ощущение прыжка в бассейн в беззаботный летний день исчезло. И вы никогда не сможете вернуть его обратно.

Миа снова надвигает темные очки и прикрывая глаза. Она складывает руки на груди и говорит:

— Мы почти у пекарни. У тебя есть деньги на круассаны?

Глава 5

Полдень.

Пекарня закрыта. Круассаны распроданы. Даже издали я вижу, что Миа кипит от злости, сжав руки в кулаки, но, поворачиваясь к машине, она заставляет себя улыбнуться.

Она переживет это, напоминаю я себе. После того, как я вытерплю полчаса музыки в стиле кантри в оставшуюся часть пути до коттеджа, мы снова станем милы друг с другом, когда проедем через ворота Лейксайда. Она счастлива там. Как только мы приедем, она простит меня за наше опоздание.

Пока мы распаковываемся, я поставлю немного джаза, гораздо более совершенную структуру песни, чем это упрощенное оскорбление музыки, ревушей в настоящее время по автомобильному радио. Все будет хорошо, как только мы прибудем. Брак: это взаимные уступки. Сегодня я добиваюсь своего, а на следующий день делаю что-то приятное для своей жены. Вот так это работает. Я глубоко погружаюсь в колодезь терпения и обнаруживаю, что он почти сухой. Почти.

Это всегда плохо, когда я полностью иссякаю, поверьте мне. Многие люди в моем прошлом убедились в этом на собственном горьком опыте. Но теперь я более зрелый, и не позволяю себе так истощаться. Знаю, как успокоить себя, знаю, что и кто мне нужен. И обычно я получаю то, что хочу. Уверен, что вы уже поняли это.

Хорошая новость, связанная с заездом в этот торговый центр в городе Порт-Клинтон, заключается в том, что я наконец-то могу размять ноги. Когда я, припарковав машину и мы вышли, понял, что моя спина затекла и ноет. Я игнорирую эту физическую боль старика, точно так же, как игнорирую кассиров и парковщиков. Все они — сплошное беспокойство,

ниже того, на что я трачу дыхание или мысли.

Свежий воздух приятен, свеж и чист. Хотя отсюда не видно озера, можно почувствовать присутствие воды, как будто вот-вот пойдет дождь. Просто в воздухе витает что-то густое, влажное и тяжелое, как увлажнитель в сухую зимнюю ночь. Рядом с нами припаркованы машины, буксирующие прицепы для лодок. Наклейки на бамперах с гордостью провозглашают Порт-Клинтон столицей судака в мире, хотя я читал, что в последнее время они потеряли это звание. Жизнь: она преходяща. И в жизни всегда есть победители и проигравшие. Приятно быть победителем.

— Как насчет мороженого, дорогая? — спрашиваю я, когда Миа возвращается с хмурым выражением лица. Она хотела убедиться, что пекарня закрыта, пройдя через парковку, хотя и отсюда ясно видно, что внутри никого нет, а на столах стоят стулья. Наверное, ей нравится мучить себя, прижимаясь носом к витрине темного магазина, как щенок, надеющийся, что его заберут из приюта. Как и у большинства этих щенков, шансы были не в ее пользу. Она проиграла.

— Мы опоздали на пятнадцать минут. Они закрываются в одиннадцать тридцать, — говорит она. Я не поправляю ее и не указываю, что на самом деле уже полдень. — Мне сейчас не хочется мороженого.

— Даже у Тофта?

Это знаменитое кафе-мороженое на старейшей молочной ферме Огайо. Я улыбаюсь, думая о ярко-синей вывеске «Тофт», нелепой скульптуре коровы в солнцезащитных очках в белом деревянном загоне на парковке, запахе ванильных бобов и клубники, когда вы входите в дверь. Мы провели много дней во внутреннем дворике с мальчиками. Мороженое капало на круглые синие столы, в то время как они пытались слизать каждую каплю, прежде чем оно растаяло. У меня слюнки текут при одной мысли о ложке шоколадного мороженого. В креманке, а не в конусе. С креманкой ты всегда контролируешь процесс.

— Даже у Тофта. Кроме того, молочные продукты вредны для тебя, ты же знаешь. Это слизь. Идеально подходит для маленьких коров, но и только, — говорит Миа, открывая дверь «Флекса». Если бы между нами не стояла машина, знаю, она бросила бы взгляд на мой живот. Ненавижу, когда она это делает. — Но я бы хотела салат или что-нибудь в этом роде. Как думаешь, в Лейксайде открыты рестораны?

Наши глаза встречаются поверх машины. Она выглядит маленькой и уже не такой злой. Я чувствую себя большим разочарованием. Ненавижу это чувство. Она ждет ответа. Готовлюсь к кантри-музыке, звучащей из динамиков в качестве моего покаяния.

— Да, я проверил. Все открыто. Мы можем поесть в Лейксайде, — говорю с удовольствием. Я вдруг очень проголодался, и надеюсь, что еда исправит чувство пустоты, формирующееся в глубине моего желудка. — сейчас я как раз не отказался бы от пиццы с пепперони. — Открываю дверцу машины и сажусь обратно за руль.

— Пицца — ужасный выбор, Пол. — Миа пристегивает ремень безопасности. Я вижу как она смотрит на мой живот, когда добавляет. — Обработанное мясо, молочные продукты — но, как знаешь. Это твоя жизнь.

— У них и салаты есть, — говорю я. Знаю, звучит как оправдание. Я просто не могу позволить ей надсмехаться и над моей любимой пиццерией. Я даю ей свободу есть, как ей заблагорассудится, так разве не заслуживаю такого же уважения? Она может есть и делать все, что захочет весь день, и все, о чем я прошу, — это уважение. — Ты портишь мне аппетит.

— Может быть, это не так уж и плохо, — произносит Миа. Она считает это забавным. Находит еще одну из своих любимых станций кантри-музыки и включает звук. Я борюсь с желанием закатить глаза. Или нажать кнопку, чтобы запустить плейлист, наш плейлист с песней «Каждый твой вздох». Это та музыка, которую мы должны слушать вместо этого. Я держу обе руки на руле, но для этого нужна сила воли. Брак, снова напоминаю я себе, — это взаимные уступки. Я отдам сейчас, чтобы взять потом. Мы так близко к Лейксайд. Я справлюсь с этим.

Теперь я понял, кого напоминает мне эта новая Миа: работающая девушка Миа. Женщина, с которой я познакомился в «Томпсон Пейн» в конференц-зале. Уверенная. Резкая. Позже, когда мы начали встречаться, она сказала мне, что никогда не была влюблена до меня, по-настоящему. И я сказал ей то, что сказал вам: «Я знал, что мы идеально подходим друг другу с момента нашей встречи». Конечно, до тех пор, пока она будет оставаться той женой, которую я искал.

Она была самой красивой женщиной, что я встречал к тому моменту. Физическое совершенство она сохранила и по сей день, за исключением годов беременности, как уже отмечал. Я применил обаяние Пола Строма, пригласив ее на ужин в тот же день. Джон, конечно, рассказывал мне о политике компании. Но никто не обращал внимания на подобное, особенно когда она касалась таких суперзвезд агентства, какой, как знал, я стану. Я заскочил к ней в офис; был поздний сентябрьский день, и солнце уже клонилось к горизонту. Я постучал в открытую дверь, и она подняла голову. Когда на ее щеках появился легкий румянец, понял, что она моя.

— Есть планы на сегодняшний ужин? — спросил я, прислонившись к дверному проему. На мне был новый дизайнерский костюм, темно-синий, с накрахмаленной белой рубашкой и красным галстуком. Я знал, что хорошо выгляжу.

В ее кабинете царил беспорядок, типичный стол творческого человека, заваленный грубыми набросками и предварительными макетами рекламы; раскадровки телевизионных роликов были прикреплены к покрытой пробкой стене справа от нее. Единственным предметом, не связанным с работой, на столе была фотография ее родителей в рамке восемь на десять, которые были известными манхэттенскими важными шишками, о которых я уже знал из своих исследований. И еще сюрприз: в ее кабинете имелось окно размером с мое. Это означало, что партнеры оценили ее, хотя, конечно, не так, как я.

Сидя за своим столом, Миа моргнула своими большими голубыми глазами.

— Я подумал о «Даймонде», новом ресторане в немецкой деревне. Еще не был там, но слышал, что место потрясающе. Я смогу заказать нам отличный столик. — В этот момент мне удалось улыбнуться и подмигнуть, и я увидел, что она заинтересована. Химия витала в воздухе, настоящий электрический разряд, проносящийся между нами. И мы еще почти не прикасались друг к другу. Я почувствовал влечение к Мие, которое стало основополагающим, на каком-то клеточном уровне. Я знал, что она тоже это чувствовала.

— Звучит неплохо, — сказала она. — Я надеюсь закончить с этим объявлением к шести, самое позднее к семи.

— Закажу столик на семь тридцать. Встретимся там или тебя подвезти? — Я надеялся, что она позволит мне забрать ее и отвезти в ресторан. Тогда у меня была спортивная двухместная черная «Ауди» с откидным верхом. Помню, подумал, что она будет потрясающе выглядеть, сидя рядом со мной. А потом было предвкушение, что я провожу ее до двери, и что меня пригласят войти. Но этого не произошло.

— Встретимся там. Спасибо, Пол, — она снова моргнула, на ее щеках все еще был румянец. Постучала карандашом по столу. Я понял, что ей нужно вернуться к работе.

— Увидимся вечером, — сказал я ей, разочарованный тем, что поеду один. Но продолжал надеяться, что с ужина мы уйдем вдвоем. Я был официально сражен. Знал, что сделаю все, что в моих силах, чтобы Миа тоже поняла, какой я потрясающий. Пришло время для моих лучших действий, моего самого очаровательного обольщения. Конечно, я добьюсь успеха, я всегда добиваюсь этого. Когда у тебя есть уверенность, никому ее не отнять. Я не хвастаюсь, на самом деле, просто говорю, что есть некоторые вещи, в которых действительно хорош, и — женщины — одна из них.

За ужином я продолжил свое наступление. Когда принесли шоколадный крем-брюле, вы бы видели ее лицо.

— Это мой любимый десерт, — обрадовалась она, хлопая в ладоши, когда они поставили перед ней на стол изысканный заварной крем. — Откуда ты знаешь?

Забавно, что вы можете узнать в Интернете, маленькие детали, которые могут многое рассказать о человеке, если только знать, где искать. Как фотографии на сайте светского журнала — очаровательная молодая женщина на банкете со своими богатыми родителями, изящные блюда с неким изысканным десертом на столах перед ними. Я никогда не упускал возможности собрать информацию о людях в моей жизни — коллегах, клиентах, деловых конкурентах. Женщинах. Никогда не знаешь, когда обычная мелочь может переломить ситуацию в твою пользу. Но я вряд ли мог сказать Мии что-либо из этого. В конце концов, это наше первое свидание. Вместо этого я улыбнулся, подмигнул ей и сказал:

— Удачная догадка.

С приятными воспоминаниями о Мии, которая смаковала свои десерты, свежими в моей памяти, мне удалось отключиться от ужасной музыки кантри, бомбардирующей мой мозг. Вместо этого я сосредоточился на счастье, которое чувствую, въезжая в Лейксайд без необходимости платить взнос. Ворота не закрываются до выходных в День памяти. Я улыбаюсь, когда веду «Флекс» слишком быстро, не обращая внимание на знак «15 миль в час», в наше блаженное маленькое убежище.

Всякий раз, когда приезжаю в это место, с его очаровательными коттеджами, большинство из которых имеет кресла-качалки, усеивающие веранды, в это сообщество с его обширными парками с зеленой травой и большим голубым небом и видом на воду, вспоминаю, что я сделал это. Знаю, что все будет хорошо, независимо от того, что принесет будущее. Я всегда в это верил. Миа все еще любит меня. Делаю глубокий вдох, втягивая в легкие самую суть Америки.

Наслаждайся поездкой, говорю я себе, замечая маленькие домики в розовых, белых, красных и зеленых тонах, выстроившиеся вдоль улицы, с развевающимися флагами, с тюльпанами, с цементными гусями, украшенными по-весеннему. Наслаждайся поездкой по этому живописному райскому уголку, направляясь к озеру Эри, озеру настолько мелкому, что вся вода пересыхает каждые два с половиной года. Держу пари, вы этого не знали.

А вы знаете, что если не нажимать на тормоз, когда доберетесь до конца этой улицы, вы проедете по ярко-зеленой траве, по темному песчаному пляжу и въедете в воду, оказавшись на дне самого мелкого Большого озера в Соединенных Штатах?

Конечно, оно все еще достаточно глубоко, чтобы убить вас.

12:30 дня.

Я поворачиваю направо и, к счастью для нас, нахожу место для парковки, вселенная компенсирует отсутствие круассанов. Именно так и должен пройти этот день — гладко, радостно. Теперь, когда мы наконец-то здесь, в Лейксайде, все будет хорошо. Ну, если не обращать внимание, что здесь многолюдно. Это неожиданно. Я представлял, что мы найдем Озеро пустынным, как старый западный город после золотой лихорадки. Но видимо не сегодня.

С улицы я вижу, что кафе «Слоупи Спорт» переполнено отдыхающими со среднего Запада. Без сомнения, они все приехали из Огайо, наслаждаться первыми солнечными выходными в мае. На удивительно оживленной главной улице города я вижу мужчин в спортивных шортах и футболках. Футболках, которые сменяются майками, когда погода станет теплее.

Многие ребята, которые отдыхают здесь, болеют за «Кливленд Индианс» и «Бакейс Огайо Стэйет». Они положат футбольный мяч, который захватили, на сиденье рядом с собой, и будут играть в пас со своими детьми после обеда. Они будут расстроены, очень расстроены, если их сыновья не закрутят идеальную спираль к десяти годам. Я знаю по опыту, поверьте мне.

Женщины ходят в эластичных штанах для йоги или в теннисной одежде, хотя мне это не всегда нравится. Если вы не худая женщина, вам следует надеть платье. Свободное платье, которое скроет все ваши излишества, скроет ваши грехи.

Дети гиперактивны, как и мои мальчики, когда они здесь. Они согласятся посидеть со своими родителями ровно столько, чтобы съесть кусочек пиццы, а потом убегут, наслаждаясь свободой юности в месте, где никогда не происходит ничего плохого.

Несколько подростков, которых я вижу на тротуаре, выглядят липкими и потными, как будто им не помешал бы долгий душ.

Я скрываю свое презрение к своим братьям из Огайо за бесстрастным лицом и темными очками. Мне не стоит удивляться, что мы с Мией не единственные, кто надеется на спокойный уик-энд, но это так. Я полагался на свою память о прошлогоднем предсезонном визите, но, возможно, это было в апреле. Но все в порядке. Я привыкну.

Ты должен быть ловким, если хочешь чего-то добиться в жизни, вот чему я научился. Возьмем, к примеру, мое ухаживание за Мией. Конечно, первое свидание прошло хорошо, но я понимал, что мне нужно не ослаблять напор.

Миа Пилмер привыкла к лучшему, что можно купить за деньги, и я знал, что в глубине души она чувствует притворщиков. Я ждал целых два дня, прежде чем снова пригласил ее на свидание. Позволил воспоминаниям о нашем первом свидании, нашем первом целомудренном поцелуе поселиться в ее сердце.

А потом, когда мы «просто случайно» оказались в лифте одни, я пригласил ее поужинать в лучшем ресторане города в пятницу вечером. Конечно, она сказала «да», и, конечно, я удивил ее, заказав фуа-гра. «Я очень ее люблю. Вы полны сюрпризов, мистер Стром».

Мне нравится думать, что я все еще такой. Это дар, эта способность предугадывать потребности людей. Я не могу сказать, что мне не нравилось быть на шаг впереди своей будущей молодой жены. Довольно скоро все, чем Миа наслаждалась, слушая мои рассказы о зарубежных путешествиях и телевизионных съемках в экзотических местах, все, что ей нравилось, что, как ей казалось, она видела во мне, стало олицетворением меня. Это то, кем

я являюсь сейчас, с ней. Это то, кто мы есть вместе.

«Слоупи Спорт» располагается в центре Лейксайда, на углу Второй улицы, в части причудливого квартала с витринами в старом кирпичном здании. Я открываю дверь в зеленой раме и пропускаю Мию вперед. В дверях стоит толпа. Она вжимается обратно в меня, подальше от крупного, мускулистого мужчины в рубашке, стоящего перед ней. Приятно чувствовать ее тело рядом со своим. Мое сердце переполняется любовью. Я обнимаю ее за талию и крепко прижимаю к себе. Вдыхая знакомый цветочный аромат, я представляю, как мы займемся любовью, как только доберемся до коттеджа.

Мы будем держаться за руки, когда подойдем к входной двери, и я поспешу отпереть ее, увлекая Мию за собой в наш второй дом. Мне становится жарко от одной мысли об этом. Я обниму ее за талию, притяну ближе к себе и наклонюсь для поцелуя. Она прижмется, приоткроет губы, и я почувствую, как у нее подгибаются колени. Подхватываю ее на руки и отнесу на диван в гостиной. Это ново, мы еще не использовали его таким образом, как это было бы при нашей первой встрече, когда влечение оказалось сильнее здравого смысла. Эта мысль заставляет меня улыбнуться.

Потный парень в белой майке и зеленом фартуке машет в воздухе какими-то меню, покрытыми пластиком, в нашем направлении и говорит:

— Сюда.

Я обнимаю Мию за талию и шепчу ей на ухо:

— Ну разве я не знаю, как стильно угостить обедом мою жену?

Миа смеется, возможно, ее первый искренний смех за день, когда я иду за ней к угловой кабинке, идеально подходящей для двоих. Идеально, пока вы оба худые, должен заметить я, пытаюсь проскользнуть на свое ярко-красное сиденье, едва протискивая живот под пластиковой столешницей, привинченной к стене и накрытой полиэтиленовой скатертью в зелено-белую клетку. Если дышать неглубоко, я буду в порядке.

Мне нравится эта угловая кабинка, хотя она рассчитана на подростков, я сижу спиной к стене. Я вижу, как все приходят и уходят. Возможно, я и не щеголяю в майке, открывающей мои мускулы, но не волнуйтесь. Я могу защитить свою жену от всего, что может встретиться на нашем пути.

Стены и потолок выкрашены в зеленый цвет, и кто-то выбил на стенах белый решетчатый шахматный узор. Это место буквально завалено спортивными памятными вещами. Футбольная символика штата Огайо доминирует, наряду с сувенирами от любой другой спортивной команды штата Огайо, которую сотрудники «Слоупи» считают достойной. Они знают своего клиента, это точно.

Штат Огайо и остальные вымпелы представляют собой яркий и красочный ало-серый контраст с зелено-белым декором. Этот образ невозможно воспроизвести, но он каким-то образом работает в этом маленьком кафе. Это кажется странным и в данный момент чрезвычайно уютным. Но не в районе моего живота. Я должен больше слушать Мию, когда дело касается моей диеты.

— Хороший выбор, — Миа, кажется, расслабляется. Она улыбается своей широкой улыбкой и смотрит на мой живот. — Ты в порядке в этой кабинке? Ты выглядишь немного стесненным.

Я собираюсь рассматривать ее комментарий как проявление беспокойства, а не как язвительность.

— Я в порядке. Было приятно обнимать тебя. Нам следует делать это почаще. — Мне

почти кажется, что я вижу круг румянца на ее щеках, почти.

— Ммм, — говорит она, когда на стол падает меню специальных блюд.

Официантка, которая бросила его, похоже, студентка местной средней школы. Очаровательные ярко-розовые полоски пробегают по ее длинным каштановым волосам. У нее татуировка вокруг правого запястья и блестящее круглое кольцо в носу в левой ноздре. Я бы не пустил ее в дом в таком виде, даже если бы она была моей дочерью. Я бы не позволил ей прийти, если бы она была подругой одного из моих сыновей. Хорошо, что у меня только мальчики. Да, знаю, что мальчики тоже могут делать татуировки, красить волосы и прокалывать различные придатки. Мои не будут.

— Что я могу принести вам двоим выпить? — спрашивает она. Если бы она жевала резинку, эффект был бы полным.

— Чай со льдом, пожалуйста, — делает заказ Миа. — Без сахара. Без подсластителя.

— Мне тоже, — говорю я, хотя на самом деле хочу водку со льдом, без фруктов. Но, увы, в Лейксайде сухой закон, так что мне придется подождать, пока не окажусь в своем коттедже, чтобы выпить. Да, это сообщество трезвенников, заполненное пьющими. Мы просто носим наши коктейли в пластиковых стаканчиках и притворяемся, что это кока-кола. Лицемерие забавно и почему-то правильно. К сожалению, сейчас только полдень.

Еще в эпоху расцвета рекламы, задолго до выхода сериала «Безумцы»², но до появления более управляемых человеческими ресурсами правил, многочасовые обеды с алкоголем были в порядке вещей. Это то, что вы делали, чтобы развлекать клиентов, открывать счета или просто тусоваться с другими парнями. Это были те самые дни.

Конечно, если вы пытались пробиться наверх, как я в первые дни в «Томпсона Пейн», вы никогда на самом деле не пили много, как остальным казалось. Нет, я следил за тем, чтобы стакан босса никогда не был пуст, быстро прикуривал кончик его сигары и всегда рассказывал самые смешные шутки. Я заставлял Джона смеяться до тех пор, пока ему не указали на дверь. Это просто то, что вы делаете в рекламе.

— Как думаешь, сколько ей лет? — спрашивает Миа, явно имея в виду существо в розовую полоску, которое приносит нам чай.

— Скорее всего, только в старшей школе, все еще живет дома, пугая своих родителей, которые потеряли над ней всякий контроль. Жутко, правда? — Мне становится все труднее дышать в этой кабинке, чем больше я думаю о подростках и татуировках и проецирую и то, и другое на своих маленьких мальчиков. Мои мальчики в подростковом возрасте — это то, что я представлял себе с равной смесью надежды и страха. Даже в шесть и восемь лет они уже знают, что им никогда не разрешат вернуться домой с татуировкой. Они знают мои правила, по крайней мере, те, что я могу озвучить им в этом возрасте. Никаких татуировок. Никаких подружек с татуировками. Никаких ругательств. Никаких возражений. Когда-либо. Бросайте футбольный мяч, как мужчина, по идеальной спирали. Всегда. Они живут в условиях диктатуры, а не демократии. Конец истории.

— Не думаю, что она выглядит жутко, Пол. Просто выражает свою личность. Она показывает свою индивидуальность с помощью внешних проявлений, таких как татуировки и уникальный цвет волос. Жаль, что у меня не хватило смелости сделать это в старших классах или вообще когда-либо, — говорит она.

Мы молчим, пока девушка ставит перед нами пластиковые стаканчики с чаем. Миа погружена в свои мысли, думая обо всех маленьких восстаниях, в которых она должна была участвовать в юности. Надеюсь, она забудет о тех, что упоминала во время поездки. Она

действительно должна просто отпустить все эти идеи. Ради нас обоих. Ради самого лучшего дня. Она бросает на стол свое липкое, покрытое пластиком меню.

И добавляет:

— Я была такой хорошей девочкой. Всегда старалась угодить. Сначала мои родителям, потом тебе. Мне так и не удалось взбунтоваться.

— Я просто не вижу тебя с пирсингом в носу. — Я пытаюсь казаться беззаботным, расслабленным, но в моей голове снова звонит маленький тревожный колокольчик. Конечно, ты была хорошей девочкой, вот почему мы так хорошо поладили. Мы идеально подходили друг другу и во многом подходим до сих пор. Мой сигнал тревоги не оставляет меня. Я все переосмысливаю, потому что Миа разговаривала с Джоном. Мне нужно успокоиться, но беспокойство, появившееся в поездке, все еще остается. Почему, я не уверен. На самом деле это не имеет значения. Это просто слегка сбивает с толку, это неповиновение, которое появилось в Мие, которое она демонстрировала во время нашей поездки и продолжает сейчас. Ее маленький бунт, спровоцированный, я полагаю, моим бывшим деловым партнером. Как мило. И как это расстраивает.

Миа говорит:

— Дело не в пирсинге или татуировках. Речь идет о том, чтобы не быть отражением того, кем тебя хочет видеть кто-то другой. Ты, наверное, не понимаешь, о чем я говорю. Ты всегда был так уверен в том, кто ты есть, чего ты хочешь.

— На самом деле я не могу представить свою жизнь по-другому, — заявляю я. Интересно, просит ли она меня о чем-то, о каком-то понимании? Каком-то виде сострадания или сочувствия. Я не силен в этих эмоциях, или, если быть честным, в любых эмоциях, кроме гнева. Ярость таится глубоко внутри меня, готовая выплеснуться, когда это будет необходимо. Но для этих других, более женских чувств мне приходится притворяться.

Например, я научился подражать взгляду людей, когда им грустно. Уголки рта опускаются, глаза наполняются слезами. Еще когда мы только начинали серьезно встречаться, когда я убедил ее, что я тот самый, Миа сказала мне, что иногда ей кажется, будто я реагирую на все с пятисекундной задержкой. Как в прямом эфире, когда режиссер думает, что может произойти что-то достойное цензуры, поэтому они оставляют место для запикивания.

Конечно, услышать от нее такое было забавно.

— Миа, — объяснил я тогда. — Есть разница между тем, чтобы не выражать эмоции и не чувствовать их. Помнишь, я — Бесстрастный Пол? Это и благословение, и проклятие. Я парень. Таковы мы, генетически. Знаешь, твердый снаружи, мягкий внутри. Эта задержка, дорогая, только в твоей хорошенькой маленькой головке.

Мы были на ужине, еще одно довольно модное заведение, которое с тех пор прекратило свою деятельность, кажется, французское. Миа посмотрела на меня поверх мерцающей белой свечи и сказала ни с того ни с сего:

— Ты, кажется, не слушаешь, Пол.

Конечно, я прибывал в недоумении. Я слушал, внимательно слушал, но чего я не делал, так это возможно не показывал ей, что слушаю. Ошибка. Но понятия не имел, почему она так решила. Все было замечательно. Секс, ужины, все. То, о чем я размышлял, когда она удивила меня своим случайным наблюдением, так это потрясающий секс, которым мы занимались только этим утром. Секс был восхитительным, как только я, так сказать, открыл ключ к ее сексуальности. Физической страсти, которой ей не хватало в ее стерильном,

привилегированном воспитании, ну, этого следовало ожидать от богатых. Они одна сплошная чопорность. Но теперь, за закрытыми дверями, моя Миа была свободна от всех этих глупых запретов, по крайней мере, от большинства из них. Но почему она так сказала?

— Что-то не так? — Я схватил свой бокал с вином и сделал большой глоток.

— Помнишь, я говорила тебе, что лучшая подруга моей матери умерла сегодня утром? Она была для меня как вторая мама. — Да, да, помнил, но в основном я помнил секс. Он начинался как мой способ обеспечить комфорт, но можно с уверенностью сказать, что я успешно отвлек ее от любого внимания, кроме своего. По крайней мере, я так думал.

Я заметил, что глаза Мии наполнились слезами. Она грустила. Я не помнил, чтобы сам грустил весь день в офисе, разделяя тем самым ее горе. Я должен был нежно баюкать ее после секса и сказать, как мне жаль, что та женщина умерла. Мне следовало войти в ресторан с хмурым выражением лица, с печально опущенной головой.

— Мне очень жаль, Миа. Я совсем забыл. — Я потянулся через стол и похлопал ее по руке. Как по команде, мои глаза заблестели печалью.

Она, казалось, рассматривала меня, наклонив голову. Печаль сменилась чем-то другим, чем-то, что я не мог прочесть. Мне нужно сменить тему.

— Эй, так, когда похороны? Я бы хотел пойти с тобой.

Миа вернулась к грусти, наклонилась вперед и взяла меня за руку. Я сказал правильные вещи. Конечно, я так и сделал.

— Мне бы этого хотелось. Похороны в эту пятницу. И ты заодно сможешь познакомиться с моими родителями.

Дерьмо. Я убедил ее в своих скрытых эмоциональных глубинах, но теперь мне придется лететь к ней домой. Я понимал, что должен покончить с этим так или иначе. Может быть, похороны отвлекут их всех. Мне нравилось, когда в подобных ситуациях внимание сосредотачивалось где угодно, только не на мне, когда я ставил приманку, но еще не поймал свой призовой улов. Я знал, что чем меньше людей в этом замешано, тем лучше, но уже слишком поздно. Я направлялся на похороны в Нью-Йорк и на встречу с ее родителями. Помните, я ловкий, всегда держу себя в руках. Я, как всегда, сыграл в свою пользу.

В наши дни дома я король нашего замка, и моей королеве нужно вернуться в строй. Для Мии уже немного поздно размышлять о том, чтобы найти себя. Что она может найти такого, чего я еще не предоставил? Она знает, что я всецело за традиционную семью и что я буду заботиться о ней и мальчиках. Я всегда в действии, как супергерой. Я занимаюсь планированием, достижениями и успехом. И защитой. Я защищаю ее и детей от любого вреда, который может им угрожать. От бабушек и дедушек и нянь, от бродячих собак и ревнивых соседей. Мы выше их. Они это знают, Миа и мальчишки. Особенно мои мальчишки. Я говорил им об этом с тех пор, как они были маленькими. Они — моя жизнь, мое будущее.

Через стол от меня волосы моей жены кажутся почти белыми в ярком солнечном свете, льющемся через окно. Она прелестна. Но что-то не так.

— Все эти разговоры о бунте. Ты пытаешься мне что-то сказать, Миа? — Я наблюдаю, как она опускает глаза, внезапно очарованная меню. Она что-то скрывает. Ее выдают глаза. Через мгновение она смотрит на меня.

— Нет, Пол. Я просто веду дружескую беседу, вот и все. И кстати о друзьях, ты в последнее время разговаривал с Ричардом или Тони? — спрашивает она. Миа пролистала блестящее меню, без сомнения, в поисках самого низкокалорийного предложения. Почему она спрашивает о старых школьных и студенческих друзьях? Это странно. В наши дни у меня

нет друзей, как таковых. Теперь я семейный человек.

Миа добавляет:

— Я имею в виду, что всякий раз, когда вижу вещи из штата Огайо, я вспоминаю о них. Вы с Ричардом были близки еще в старшей школе, ты мне говорил. То же самое было с Тони во время учебы в колледже. Я помню, как они оба присутствовали на нашей свадьбе. Не думаю, что мы видели их с тех пор. Время от времени мы с моими старыми подругами созваниваемся. Я знаю, что с детьми трудно поддерживать настоящую связь. Большинство моих дружеских отношений пострадали с тех пор, как мы поженились. Но вы, ребята, разговариваете, наверстываете упущенное? Ричард все еще живет в Грандвилле? Тони в Нэшвилле?

В средней школе и колледже ты должен тусоваться с друзьями. Вести себя как приятели, заниматься мужскими делами вместе. Когда ты закончишь школу, ты найдешь работу и женишься. Вот что ты делаешь. Пока ваша будущая невеста не скажет, что вам нужны шаферы на свадьбу, а затем вы вытащите парочку из прошлого, как сезонный рынок, открытый только на небольшой промежуток времени.

— Я не уверен. Я потерял их из виду, — говорю я. — Почему ты придаешь этому такое значение? Это все в прошлом. Сейчас наше идеальное настоящее. — Она подливает масло в огонь. Это неразумно.

— Просто интересно, — замечает она, когда жуткая официантка появляется у нашего столика. Она постукивает карандашом по блокноту, и этот звук раздражающе стучит мне в висок.

Почему моя жена до сих пор не проявляла никакого интереса к моим так называемым друзьям? Почему они теперь обрели значение? Они никогда ее не интересовали. Старшая школа — это то, что нужно пройти. Пройти, чтобы жить дальше. Студенческие братства, такие как то, где я встретил старого доброго Тони, ну, давайте будем откровенны, они являются средством для достижения цели. Вступите в одно из лучших, несмотря на отсутствие у вас наследства, и вы на коне. По крайней мере, у меня получилось. Все «парни» имели некоторое представление о том, что я состою в «Сигма Чи». Внезапно я стал одним из лучших кандидатов в землячество — я, парень из ниоткуда, без связей. Безумие. Я понятия не имею, как им вообще пришла в голову эта идея. Ну, может быть, и знаю. Но это сработало. Я использовал это в своих интересах следующие четыре года, и когда закончил, был более чем счастлив оставить весь этот пьяный беспорядок позади. Все, кроме того, чему я научился на одном из моих любимых занятий, то есть греческой мифологии. Некоторые вещи в Нэшвилле были очень хорошими, по крайней мере, поначалу.

— Что вы будете? — спрашивает наша официантка, Призрак Будущего подростков. Она меня пугает.

— Салат Кобб. Соус отдельно. Ни ветчины, ни индейки, ни бекона. Только помидоры и яйца, и никакого сыра, — говорит Миа.

Розовые Волосы и я оба закатываем глаза. Я обнаруживаю, что она мне немного нравится.

— Я возьму маленькую пиццу с пепперони и дополнительным сыром, — говорю я, и мой желудок соответствующим образом урчит. — Сильно не жаривайте.

Я снова задаюсь вопросом, почему Миа вспомнила моих друзей из другой жизни. Меня беспокоят все эти вопросы. Они сбивают меня с толку. Она уже спрашивала меня сегодня о моем бывшем боссе Джоне, коллеге Кэролайн, а теперь Ричарде и Тони. Что-то не так.

— К чему все эти вопросы сегодня, дорогая? — Лучше сразу выяснить к чему весь этот интерес. А потом я займусь этой нелепой идеей Мии о том, что она выйдет работу и будет работать на Джона. Из всех людей выбрать именно его, уму непостижимо.

— О, я и не думала, что спрашиваю так много, на самом деле, — говорит Миа с улыбкой. Но только улыбка не выглядит счастливой, скорее обеспокоенной, встревоженной. Это из-за того, что моему животу не хватает места в этой кабинке, или это что-то большее, что-то более глубокое, чем мой висцеральный жир? Я не уверен, но знаю, что снова настороже. Миа промокает глаза тонкой бумажной салфеткой. — Прости. Просто кажется, что мы давно не разговаривали.

Так ли это? Я думаю, мы часто разговариваем. С мальчиками это конечно тяжело, но все же мы разговариваем. Правда, утром я стараюсь поскорее выйти за дверь. А потом, когда возвращаюсь домой к ужину, за столом мы больше говорим о детях. В постели мы оба читаем или смотрим телевизор. Может быть, она и права. Мы обмениваемся поверхностными любезностями, но в этом нет ничего плохого. Я чувствую, что она наблюдает за мной.

— Дорогая, мы разговариваем больше, чем многие пары, — убеждаю я. Но мне интересно, правда ли это. Я знаю, что в последнее время стараюсь очень мало разговаривать, быть полезным в хозяйстве, физически с мальчиками, но сохранять дистанцию эмоционально. Для меня это нетрудно. Я бы никогда ни с кем не поделился тем, что у меня на уме, особенно с Мией. Мне не нравится размышлять о том, как много я общаюсь или не общаюсь с кем-либо. Чем меньше о вас говорят, тем лучше. Чем меньше о вас говорят в городе, тем меньше вещей, которыми могут поделиться сплетники. Однако неизбежно, что люди будут говорить обо мне и моей семье. Нам можно позавидовать: успешному бизнесмену, его прекрасной молодой жене и двум их сыновьям-херувимам, живущим на лучшей улице в лучшем пригороде. На самом деле это позор, когда твоя жизнь становится предметом зависти и возбуждает разные сплетни.

Миа выглядит так, словно собирается возразить, когда появляется Подростковый Кошмар и бросает салат Мии перед ней, а мою пиццу ставит передо мной. Пахнет божественно. Пицца с пепперони — это аромат счастья и свободы. Это то, что вы едите, когда вам весело, когда вы не беспокоитесь о весе, деньгах или о чем-то большем, чем то, что показывают по телевизору сегодня вечером. Пицца — это блаженство в книге моей жизни.

Я откусываю большой кусок блаженства. Чувствую, как жир стекает по моему подбородку. Эта пицца такая вкусная, что у меня возникает искушение продолжать есть вместо того, чтобы воспользоваться салфеткой. Шеф-повар «Слоупи» получил международную награду и отправился в Италию, чтобы посоревноваться с этой пиццей. Я смакую кусочек во рту, но все же вытираю лицо.

Миа продолжает с того места, на котором мы остановились.

— Откуда ты знаешь, что мы разговариваем больше, чем другие пары? С какими твоими друзьями ты мог бы сравнить? — спрашивает она. У нее на вилке наколота черная оливка, она висит в воздухе, как миниатюрный молоток. Миа кладет оливку в рот и медленно жует. Она намекает, что у меня совсем нет друзей. Это тема, которую она по какой-то причине обсуждает весь день. Она знает, что у меня нет времени на друзей. Я сосредоточен на семье. Это моя роль прямо сейчас. Я устал от всей этой дискуссии. Пришло время сменить тему.

— На самом деле, я бы сказал, что все наоборот — другие пары сравнивают себя с нами

и видят свои недостатки. Мы благословлены. Красивые, здоровые дети, лучший дом на улице. — Я откладываю свой кусочек райской пепперони и наблюдаю, как она с отвращением смотрит на него. Вместе мы смотрим, как жирный сыр сочится на мою тарелку. — В любом случае, я начинаю думать, что это глупый разговор. Мы находимся в нашем любимом месте отдыха в мире. Пришло время расслабиться и повеселиться. На самом деле, есть только один вопрос, который я хотел бы обсудить до того, как мы официально начнем наш отпуск. Я хотел бы поговорить об этой так называемой работе, которую, как ты думаешь, ты начнешь в понедельник. Разве не это ты хотела обсудить, дорогая? — Я улыбаюсь, наклонив голову с сочувствием и пониманием, как будто вы обнаруживаете, что ваш ребенок случайно намочил штаны. Они смущены тем, что это вообще произошло, поэтому вы относитесь к ним с состраданием, а не со злостью. Это то, что я до сих пор учусь делать. Это нелегко — притворяться заботливым.

Лицо Мии превращается в бурю, голубые глаза сузились, подбородок в гневе направлен на меня.

— Да, Пол, именно это я и сказала. Я начинаю работу в понедельник. Я внештатный сотрудник, и в восторге от этой новой возможности. Ты должен сказать: «Поздравляю».

Не зная, как отреагировать на ее слова, запихиваю оставшийся кусок пиццы в рот, сырные нити прилипают к моему подбородку, прежде чем я вытираю их. Медленно жую. Моя жена не работает. Это не про нашу семью. Несмотря ни на что. Она остается дома и заботится о доме и о детях. Оптимально, если она научится готовить, так, по крайней мере, она накроет хороший стол. Это то, о чем мы говорили, о чем мы договорились, уже на нашем самом первом свидании.

Как сильно отличается ее лицо, смотрящее на меня через стол, от того каким оно было тем вечером с крем-брюле более десяти лет назад. В тот волшебный вечер мы прибыли в ресторан «Даймонд» почти в одно и то же время, и, придерживая дверь открытой для Мии, я боролся с желанием наклониться вперед и поцеловать ее. Ощущая свежий цветочный аромат ее волос, я отметил, как черное платье облегалo ее тело, и видел, как ее голубые глаза заблестели в тусклом свете ресторана, когда она оглянулась через плечо, заправила волосы за ухо и улыбнулась мне в ответ.

Мы провели за ужином почти три часа, разговаривая и смеясь, узнавая друг друга лучше. Выражение ее лица было любящим и теплым, никакого вызова. Она поделилась своими мечтами, и я последовал ее примеру. Поэтому, конечно, она обнаружила, что мы оба хотели детей и как мы оба тосковали по традиционной американской семье. Она не совсем четко сформулировала ту часть мечты о работающем отце и сидящей дома маме. Но и то, что она уже сказала было прекрасно, для остального потребовалось бы время и мягкое убеждение.

Я знал, что влюбился в работающую женщину, но на самом деле она не нуждалась в работе, особенно когда я буду обеспечивать ее. Не с тем трастовым фондом, которым она владела. Хотя это было так мило. Многие из богатых ленивы. Они даже не пытаются доказать свою ценность. Но не Миа. Она была трудолюбивой, умелым копирайтером. Была. Эта работа ценна для нее, только для нее, в только в тот момент времени. Она свела нас вместе, потому что иначе наши два мира никогда бы не столкнулись.

— Итак, твоя цель — дети и белый штакетник? — спросил я при мерцающем свете свечей. Мое сердце билось от волнения. Она была моей идеальной женщиной.

— Да, конечно. Вся эта пригородная мечта, — она улыбнулась. — Я имею в виду, после того, как немного поработаю. Я люблю свою работу. Я никуда не тороплюсь. И, к счастью, я

молода.

Да, она молода, но я был умен. Работа казалась веселой только в том случае, если вам поручали хорошие проекты, если вас хвалили, учили. Я мог бы остановить весь ее порыв в «Томпсон Пейн» несколькими удачными словами в адрес партнеров. И как только она забеременеет, ей не понадобится офис, чтобы чувствовать себя важной персоной. Она бы заполучила меня. И ребенка.

— Нет более важной работы, чем быть мамой, — сказал я, наклоняясь вперед и борясь с желанием взять ее за руку. Еще слишком рано. Существовали определенные шаги, которые нужно предпринять, когда завоевываешь объект своего желания. Сейчас время слушать, продолжить изучение ее семьи, ее прошлого. Но у меня было еще несколько открытий, например, то, что она написала в своем школьном ежегоднике как «самое большое желание».

— Есть еще одна мечта, верно? В этой хорошенькой маленькой головке, должно быть, крутится роман-бестселлер. Ты можешь писать, пока ухаживаешь за ребенком.

Ее глаза блеснули в свете свечей.

— Ты все продумал. Как ты узнал, что я хочу написать роман?

Действительно, как.

— Я обнаружил, что большинство копирайтеров — разочарованные романисты.

Мы, казалось, договорились обо всем. Я не пересматриваю историю. Я нет. Она мечтала о муже. Сделано. Путешествиях по миру. (Я сказал ей, что мы это сделаем, но мы этого не сделаем.) Она мечтала о доме в пригороде и детях. Сделано. Она мечтала стать работающей мамой. (Ни за что.) Она мечтала найти более взрослого, более искушенного мужчину, который мог бы обеспечить и научить ее смыслу любви. Сделано.

На самом деле все было довольно просто. Мне даже не нужно было так сильно ее очаровывать. И когда я проводил ее до очереди камердинеров у «Даймонда» той ночью, я обнял ее за талию, посылая электрический разряд. Она слегка прислонилась ко мне, пока мы ждали ее машину.

— Увидимся завтра. Спасибо за чудесный вечер, — сказала Миа, садясь за руль своей машины, «Фольксваген Раббит», в то время как я дал чаевые парковщику. Я придержал дверцу ее машины и наклонился вперед, надеясь на поцелуй. Моя голова буквально кружилась от желания и бутылки вина, которую мы разделили.

— Я прекрасно провел время, спасибо, что пришла, — проговорил я. Миа кивнула, а затем подняла лицо ко мне, когда я наклонился и нежно коснулся губами ее губ. Через мгновение я отстранился. Я убедился, что мы оба хотели большего, нуждались в большем.

— Увидимся завтра, красавица. — Закрыв дверь и помахал рукой, когда она отъехала, стуча колесами по кирпичным улицам этой исторической части города. На самом деле мне не нужно было саботировать ее карьеру в агентстве. Как только она узнала, что беременна всего через несколько недель после нашего медового месяца, она уже была готова уволиться. Я имею в виду, что она жаловалась на свою работу несколько месяцев. Вскоре после нашего первого свидания ее назначили вести скучный аккаунт электроники, а, как всем известно, технический копирайтинг — это самое худшее. Она ненавидела этот аккаунт. Понятия не имею, почему ее туда назначили. Ну, может быть, я это и предложил. Но все же это помогло ей увидеть, где ее место: дома. Все получилось, она согласилась.

Но сейчас, прямо сейчас, мы ни в чем не сходимся во взглядах. Ни в еде, ни в воспитании детей, ни о том, что она хочет работать вне дома. Я знаю, вы думаете, что,

учитывая обстоятельства большинства супружеских пар в целом и мои в частности — а вы даже не знаете всей истории — я должен быть благодарен, что она хочет внести немного дополнительных денег в домашний бюджет. Возможно, я подумаю об этом. Но не в том случае, если это означает, что она будет работать с Джоном. Ни в коем случае. Вместе они знают обо мне слишком много.

— Я не могу поздравить тебя, Миа, потому что запрещаю это, — заявляю я ей сейчас. Мои руки на коленях сжаты в кулаки. Я в ярости. Я знаю, что происходит на рабочих местах. Я порвал салфетку, и белые кусочки рассыпались по полу вокруг моих ног, как снежинки.

Лицо Мии расплывается в улыбке, а затем она начинает смеяться. Это не счастливый смех. Появляется наша официантка в розовую полоску и наливает нам чай со льдом быстро и небрежно из пластикового кувшина.

— Рада видеть, что кто-то хорошо проводит время. Что вас так рассмешило? — спрашивает девушка. Она вполне уверена в себе. Миллениумы не уважают частные разговоры. Я уже собираюсь прихлопнуть Черепашку Ниндзя-подростка-Мутанта, когда Миа говорит:

— Он.

Миа указывает на меня пальцем.

— Мой муж не хочет, чтобы я возвращалась на работу. Я пытаюсь убедить его, что мне скучно весь день, пока наши мальчики в школе. Но он считает, что женщины не должны работать вне дома, как только они выходят замуж. В этом вопросе он такой старомодный. Я полагаю, это очаровательно. Думаю, он хочет, чтобы я была только для него. — Миа подмигивает мне, улыбаясь. Однако я не верю, что улыбка искренняя.

Призрак Подросткового Будущего говорит:

— Это круто. В том смысле что, я думаю, если вы хотите работать, он должен позволить вам. Каждый должен иметь возможность делать то, что он хочет, но, похоже, у вас довольно выгодная сделка. Лично я предпочту выйти замуж за богатого парня, остаться дома и рожать детей.

Я нашел неожиданного союзника, с кольцом в носу и черной подводкой для глаз, парящей, как летучие мыши, над обоими глазами. Думаю, можно сказать, что у нее свой собственный стиль.

— Да, моя жена живет мечтой, идеальным сценарием, как и ты однажды. — Я киваю Мии, которая смотрит на меня и качает головой в медленном, размеренном «нет». — Можно нам счет, пожалуйста? И коробочку на вынос для моего последнего кусочка.

— Конечно, — говорит официантка, поспешно удаляясь. Интересно, пугаем ли мы ее сейчас больше, чем она меня?

— Ты единственный в своем роде, Пол, — произносит Миа. Она легко выскальзывается из нашей кабинки. Мне кажется, что она убегает от меня, но это смешно. Мы приехали сюда вместе. Ей некуда бежать. — Я подожду тебя у машины. Мне нужно позвонить. Клаудии.

— Скажи ей, что деньги будут на счету через полчаса, — говорю я. Миа поворачивается и идет к выходу, толкает обеими руками и с грохотом выходит через сетчатую дверь. Я смотрю, как она идет по тротуару, пока не исчезает. Мне нужно снять это напряжение, успокоить ее. Моя жена не должна убегать от меня, она должна быть рядом со мной. Я хорош в этом, напоминаю себе. Обычно я спокоен и держу себя в руках, пряча огонь глубоко внутри. Последние шесть месяцев были тяжелыми, и я немного потерял свою власть над домом — судя по этому представлению, а также по разговору в машине, кажется очевидным,

что Миа мной недовольна. Но я не волнуюсь. Я знаю Мию, мою чуткую, милую жену. И, конечно, у меня есть свой план.

Я тоже ненадолго подумываю о том, чтобы позвонить. Было бы приятно поговорить с кем-то добрым и любящим, с кем-то, кто все еще влюблен в меня. Но я советую себе не делать этого.

Для этого еще будет время.

Глава 7

14-00 часов.

Я оплачиваю счет и засовываю последний кусочек блаженства в коробку, чтобы насладиться позже. Здесь так дешево по сравнению с ценами в городе, и я щедро даю чаевые розововолосой девушке. Я вижу, что она наблюдает за мной, явно привлеченная взрослым, утонченным и успешным мужчиной. Без сомнения, ей бы хотелось, чтобы в ее жизни был такой отец. Улыбаюсь и выскальзываю из кабинки. Мне нужно сосредоточиться. Мне нужно найти Мию.

Надеваю очки, выходя на солнечный свет и на оживленный тротуар. Туристы прогуливаются взад и вперед по этой главной торговой улице, трижды пересекая ее, создавая препятствия для любого нормального жителя, бездумно петляя и бросаясь в художественные магазины и магазины безделушек. Должно быть правило, согласно которому взрослые не могут ходить по трое в ряд или даже по двое по переполненным тротуарам. Все должны идти гуськом, держа цель в поле зрения, быстро и целеустремленно. К сожалению, люди большую часть времени похожи на овец. Им нужен пастух, иначе они превратятся в беспорядочное месиво.

Кроме детей, понимаю я, когда мимо меня пробегает банда подростков. Они целеустремлены. Наши дети ничем не отличаются. Они любят эту улицу. Здесь, внизу, они могут купить конфеты и дешевые новые игрушки за четвертаки и, самое большее, за доллар. Я вижу, как мимо проносятся пара мальчиков на велосипедах, и с нежностью думаю о своих сыновьях. Я скучаю по ним, прямо сейчас. Вспоминаю, как они махали своими маленькими ручками на прощание, когда я высаживал их сегодня утром в школе. Такие милые, такие доверчивые. Я скоро снова буду с ними. Ну, а прямо сейчас мне нужно найти свою жену, и мне не терпится добраться до коттеджа.

Я замечаю Мию, и меня охватывает облегчение. Она прислонилась к боку «Форда» и смотрит на меня, разговаривая по телефону. Машу ей, но она не отвечает. Она заканчивает свой телефонный звонок, когда я сокращаю расстояние между нами. Я притягиваю ее к себе, осторожно, чтобы не испачкать жирной коробкой от пиццы ее прекрасный синий свитер.

— Дорогая, давай больше не будем ссориться. Давай подумаем о твоей работе, а не просто ухватимся за первое предложение. Если после того, как ты немного подумаешь, после того, как мы вместе взвесим все «за» и «против», ты все еще будешь заинтересована в том, чтобы вернуться в рекламный бизнес, давай отправим твое резюме и получим предложения от разных компаний. — Проблема решена. Это то, чем я занимаюсь.

Миа смотрит мне в глаза, ее губы приоткрываются, но она не произносит ни слова. Я отпускаю ее и открываю перед ней пассажирскую дверцу, и она проскальзывает в машину. Закрываю за ней дверь и иду в свою сторону, посмеиваясь при воспоминании о нашем первом свидании и о том, что могут изменить десять лет.

— Мы почти добрались до твоей клубники, — я меняю тему. — Пришло время увидеть твоих маленьких клубничных деток.

— Да, ты прав. Мне не терпится посмотреть, как у них дела, — говорит она. Ее слова звучат искренне, счастливо. Я думаю, мы вернулись в нужное русло. Нажимаю кнопку, чтобы опустить наши окна, наслаждаясь бризом с озера слева от меня.

Между озером и этой улицей находится сердце Лейксайда, главный парк с полем для гольфа, детской игровой площадкой, беседкой для выступлений и кортами для шаффлборда³. Шаффлборд здесь — серьезный бизнес. Я слышу, как дважды прозвенел церковный колокол. Два часа. Этот день проходит слишком быстро.

После парка велосипедов становится меньше, и я могу ехать немного быстрее, теперь пятнадцать миль в час. На Лорел-стрит я поворачиваю направо, заставляя себя игнорировать огромный коттедж Бунов, возвышающийся на углу, надеясь, что они не приехали на выходные.

Оказавшись на Лорел, вижу наш коттедж, слева от меня, ярко-белый на фоне пышной зеленой травы нашего двора. Я сворачиваю на нашу подъездную дорожку и, переводя дыхание, останавливаю машину. Еще до того, как выключаю зажигание, Миа выходит из машины, не сказав ни слова. Я ставлю машину на стоянку и тянусь за коробкой, которую поставил на пол позади себя. В ней лежит последний кусок пиццы с обеда, и меня так и подмывает проглотить его прямо сейчас. Но я должен следовать за Мией. Она, без сомнения, направляется проверить свой урожай клубники.

Последовав за ней на задний двор, я вздрагиваю. Рядом с Мией стоит мужчина и смотрит вниз, в сад. Мужчина подтянут, с широкими плечами и темно-каштановыми волосами. Это Бак, быстро понимаю я. Я узнал бы его где угодно. Они стоят так близко, что их плечи почти соприкасаются. Бак и Миа. Как долго он торчит здесь, ожидая прибытия Мии? Является ли ее приезд главным событием его дня, его недели?

— Привет, Бак, — говорю я, мой голос отражается от заднего забора, звуча громко и сильно. «Я защищаю то, что принадлежит мне», — говорит голос.

— Пол, — приветствует Бак, оборачиваясь и протягивая руку. Его точеное лицо выбрито и без морщин. Я замечаю ямочку на правой щеке, которую раньше не видел. Как мило. Крепко пожимаю его руку, надеясь, что ему больно.

— Они пустили корни, Пол. Бак оказал мне такую услугу, заботясь о них, — говорит Миа. Ее голос сочится восхищением и любовью, совсем не похожим на тот тон, который я испытывал большую часть сегодняшнего дня. Она кладет руку на предплечье Бака и добавляет:

— Я лучше пойду помогу Полу разгрузить машину. Приходи сегодня вечером на коктейль.

Что? Я ошеломлен. Это наш совместный уик-энд. Что она делает, приглашая Бака выпить, даже не спросив меня сначала?

— Дорогая, у нас есть планы, — говорю я. — Прости, Бак. Это наш маленький уик-энд для отдыха. Уверен, ты понимаешь.

— Без проблем, — говорит Бак, моргая, но удерживая мой взгляд.

— Не будь смешным, Пол. Бак оказал неоценимую помощь с клубникой. Давай будем вести себя по-соседски, хорошо? Приходи в шесть, — говорит она, прежде чем пройти мимо меня обратно в направлении нашей машины.

Я поворачиваюсь и смотрю на нее, не в силах встретиться взглядом с Баком. Я унижен,

но сейчас больше ничего не хочу сказать этому человеку. Я уйду, направляясь обратно к машине, оставляя Бака одного на нашем заднем дворе. Представляю, как он самодовольно стоит там, наш сосед-садовый гном, наблюдая, как я следую за своей женой, как дрессированная собака. Ну, эта собака не очень хорошо обучена, и она сторожевая, а не комнатная собачонка. Я не дам Мие оставить за собой последнее слово.

Добираюсь до «Форд Флекса», когда Миа разгружает багажник, доставая корзину для белья из нашего дома. Понятия не имею, чем она ее наполнила, но, скорее всего, это то, что нам здесь не нужно, и, вероятно, не нужно было и в Грандвилле. Комфорт для моей жены всегда и везде. Мы так счастливы.

— Миа, мы можем поговорить? — говорю я, стоя между моей женой и домом.

— Не мог бы ты помочь сначала отнести вещи внутрь? Я бы хотела все разобрать, — говорит она, обходя меня.

Замечаю, что у нее нет ключа от коттеджа, но она поворачивает ручку входной двери и входит внутрь. Почему коттедж был не заперт? Я удивлен.

— Миа, подожди, — говорю, торопясь к двери. — Дверь не была заперта. Мне нужно убедиться, что никто не вломился.

— Пол, сегодня приходила бригада уборщиков. Я сказала им оставить ее незапертой, — говорит она, протискиваясь мимо меня, чтобы отнести свою белую пластиковую корзину к дивану в гостиной. — Ты можешь сходить за багажом?

Насколько эта сцена отличается от того, что я себе представлял. Не будет никаких страстных занятий любовью, чтобы начать нашу прекрасный уик-энд, только не с глупым соседом, ошивающимся на нашем заднем дворе.

— Конечно, — соглашаюсь я, возвращаясь к входной двери.

Коттедж небольшой, может быть, 2000 квадратных футов, но он прекрасный. Деревянные полы делают помещение теплым и уютным. На первом этаже есть крытая веранда, удобная кухня и столовая, а также небольшая семейная комната. Наверху три маленькие спальни. Он был построен в 1927 году или около того, после первого большого строительства летних домиков прямо рядом с озером. Вторая волна строительства была более утонченной, если вы спросите меня. Второй квартал от озера предоставляет каждому дому больше земли. Чем больше земли, тем больше дома. Мне нравится большой дуб во дворе перед домом, и мне нравится, что вокруг коттеджа много зеленой травы. Я быстро выглядываю на задний двор и замечаю, что Бака нет. Конечно, он не пойдет против моих желаний и не придет выпить. Это наш особый день, и трое — это толпа.

Во время моего второго и последнего похода к машине мой телефон жужжит в заднем кармане. Я достаю его и проверяю номер. Улыбаюсь, хотя знаю, что сейчас не могу ответить. Я провожу качественные выходные со своей женой. И совершенно очевидно, что это время вместе было необходимо. Интересно, какие еще сюрпризы жена приготовила для меня, кроме ее новообретенного желания работать и новой уверенности в том, что она может прямо противоречить моим желаниям перед незнакомыми людьми.

Я закрываю багажник и выкатываю наши чемоданы на дорожку перед домом. Здесь все просто, спокойно, вдали от шума главной улицы, стрессов жизни большого города. Ветер треплет новые зеленые листья на дубе, и я знаю, что все успокоится. Нам просто нужно распаковать вещи и восстановить наш ритм. Это будет самый лучший день.

Внутри я тащу чемоданы к подножию лестницы. Слышу, как Миа поднимается в нашу

спальню. Стены и полы тонкие, полагаю, результат того времени и убеждения, что для летних коттеджей не требовалась изоляция. Я беру чемодан Мии и несу его вверх по лестнице, ставя на лестничную площадку, прежде чем спуститься вниз и забрать свой.

К тому времени, когда я снова поднимаюсь наверх, Миа вкатила свой чемодан в нашу спальню — оазис белой мебели со светло-голубыми стенами — и усердно распаковывает вещи, когда я присоединяюсь к ней в комнате. Здесь достаточно места для нашей двуспальной кровати и по маленькому столику с каждой стороны. Вот и все. Один комод в конце кровати разделен посередине, и каждый из нас получает свою половину каждого ящика. В маленьком шкафу вмещается восемь подвесных предметов, сверху. Вся комната с ее белой мебелью, постельными принадлежностями, занавесками и уютными размерами обычно кажется очень успокаивающей. В данный момент в ней тесно. Воздух пульсирует от напряжения так же, как и в машине. Вжух.

Я бросаю взгляд на Мию. Лицо моей жены, кажется, смягчилось, морщины по краям рта стали не такими глубокими. Может быть, она согласна с нашим решением, с окончанием обсуждения. Я видел это, читал это чувство на ее лице. Или, возможно, я принимаю желаемое за действительное. Расстегиваю молнию на своем чемодане и молча распаковываю вещи. Вместо того чтобы снова продолжать разговор, я решил позволить ей заговорить первой, позволить ей объясниться.

Она сама все объяснит, я в этом уверен. Миа усвоила этот урок много лет назад. Это было в начале нашего брака, и Миа была рада услышать от школьной подруги, что та сейчас в городе по делам. Мы еще не знали, что беременны, и поэтому не было причин, по которым она не могла бы встретиться со своей подругой пропустить по коктейлю, по крайней мере, никаких логических причин, которые я мог придумать в то время. Поэтому она ушла, пообещав позвонить мне, если ее не будет больше двух часов.

Она забыла позвонить. И она не отвечала ни на один из моих звонков, так как они один за другим переходили на голосовую почту. Я был в панике. Я позвонил в бар на Хай-стрит, куда, по ее словам, они собирались, но парень, который ответил на звонок, сказал, что ее там не было. Я как раз собирался позвонить в полицию, чего обычно никогда не делал, когда в дверь ворвалась Миа, глаза блестели, щеки покраснелись от алкоголя. Она замерла в холле, как олень в свете фар раз перед тем, как его сбивает грузовик.

— Пол, что случилось? — Я понял, что она заметила огонь, вспыхнувший в моих глазах.

— Ты так и не позвонила. Где ты была? У меня в голове проносились все эти мысли о том, что с тобой случилось, ужасные мысли. Молодожен исчезает после ночи в городе. Такой заголовок в «Коламбус диспэтч».

Миа отступила на шаг, на ее лице появилась нервная улыбка.

— Я была с Кэти, как тебе и говорила. Мы решили пойти поужинать. Извини. Мне было весело. Мы не виделись много лет.

Мои кулаки сжались по бокам. Я глубоко вздохнул, гордясь тем, как научился справляться с этими ситуациями.

— Миа, я не прошу многого. Просто предупредить, если задерживаешься. Я так волновался. Иди сюда.

Она пересекла комнату и упала мне на грудь, пахнущая пивом и сигаретами, бормоча извинения.

— Это больше не повторится. Когда мы с Кэти вместе, мы просто теряем счет времени. Так было всегда. Ты понимаешь?

Нет.

— Это эгоистично с твоей стороны, теперь, когда у тебя есть муж, но я, конечно, понимаю. Знаю, что это больше не повторится.

— Нет, конечно, этого не будет, — согласилась она, когда я потянул ее за волосы, наклонил ее лицо ко мне и сильно прижался губами к ее губам. Конечно, она больше никогда не встречалась с Кэти, и провела ту ночь, всячески извиняясь передо мной в постели, занимаясь сексом в лучшем виде. Я улыбаюсь воспоминаниям и собираюсь окликнуть Мию, чтобы напомнить ей о той ночи, но потом вспоминаю, что она должна заговорить первой.

Глава 8

16-00 часов.

Миа со мной не разговаривает. Это совершенно очевидно. Она вышла из белоснежного облака нашей спальни, не сказав ни слова. Но опять же, я тоже с ней не разговариваю. Мы находимся в каком-то толи странном перемирии толи в своего рода безмолвном споре. Я надеюсь, что она размышляет о своем отношении и о том, как портит наш лучший день вместе.

После всего, что я сделал для нее и нашей семьи, можно было бы ожидать, что она будет более благодарна, более признательна и уважительна к моей позиции по таким вопросам, как, например, работа на моего бывшего босса. Это чистое безумие. Это приведет к драме, а я ненавижу драму. Дело в том, что все мои коллеги восхищаются мной, а мой бывший босс Джон — ну, он меня боялся. Конечно, не того, что я причиню ему физическую боль. Он просто боялся, что я отниму у него работу. Оказывается, он был прав.

Если бы он не начал поддерживать спортивную команду своего сына с помощью маркетинговых долларов компании, он, вероятно, смог бы продержаться вечно. Но он совершил критическую ошибку, и как только я раскрыл ее с помощью нескольких своевременных и конфиденциальных советов, отправленных на голосовую почту генерального директора с нелепым названием «поговори со мной», ну, конечно, его попросили уйти. Это все. Я просто не вижу никакой причины для Мии начинать с ним разговор, даже если они когда-то работали вместе в «Томпсон Пейн». Прошлое всегда должно оставаться в прошлом. Почти всегда.

Я скучаю по Кэролайн. Ну, вообще-то, я скучаю по работе, но по ней скучаю особенно. Если бы вы знали обстоятельства, вы, вероятно, сказали бы, что я сумасшедший, если все еще испытываю эти чувства, но я испытываю. Когда закрываю глаза, она — та женщина, которая всплывает в моем сознании. Это действительно постыдно.

Я закрываю ящик комода и медленно иду по коридору. Останавливаюсь перед фотографией мальчиков в рамке, оба сидят на коленях у Мии, с улыбками на своих маленьких мальчишеских лицах, солнце сверкает на озере позади них. Я сделал эту фотографию, может быть, пять лет назад, когда мы были гостями Бунов. Но теперь мы не гости. Мы — резиденты. Владельцы коттеджа. Люди со вторым домом. Жизнь, к которой привыкла моя жена, — вот что я воссоздал для нее здесь.

Рядом с фотографией мальчиков и Мии в рамке фотография родителей Мии, Филлис и Дональда Пилмера-младшего из Хэмптона, штат Нью-Йорк. Это та же фотография, что стояла на столе Мии в «Томпсон Пэйн».

Я беру ее в руки, чтобы изучить. Филлис — более взрослая версия моей жены, с более

короткими волосами и более круглым лицом. У Дональда большой нос, который Миа, к счастью, не унаследовала, и круглые темные очки, из-за которых кажется, что он пристально разглядывает вас при каждой встрече, как и меня при нашей первой встрече более десяти лет назад. Он лысый, без сомнения, причина некоторого его презрения ко мне: моя пышная шевелюра, должно быть вызывает у него раздражение.

Она их единственный ребенок, моя жена. Я знаю, они считают, что она вышла замуж слишком рано, слишком быстро и ниже своего статуса. Конечно, я много работал, чтобы попытаться завоевать их расположение. Они — семья. Наша первая встреча, когда я сопровождал рыдающую Мию через всю страну на похороны, прошла нормально. Ее родители горевали и в основном игнорировали меня. Они недооценили мою стойкость, и отец Мии, в частности, вероятно, пинает себя по сей день.

Он должен был заметить мое приближение, но не заметил. После похорон в Нью-Йорке наша следующая встреча состоялась в Колумбусе. Миа пригласила своих родителей прилететь на ужин, чтобы по-настоящему познакомиться со своим новым парнем, вашим покорным слугой.

Конечно, я включил все свое обаяние. Надел свой лучший костюм и пригласил их в частный городской клуб на Брод-стрит, клуб «Колумбус». Когда-то это был особняк губернатора, и еще не так давно женщины могли входить в него только через боковую дверь. Мне нравилась эта традиция. Отец Мии, казалось, был впечатлен историей этого места, когда я показал ему окрестности, пока Миа и ее мама сидели и сплетничали в одной из передних комнат.

— Эта фотография сделана в 1930-х годах, в очень старом лагере для мальчиков в штате Мэн. Эксклюзивном. Мне так повезло, что я поехал туда, — сказал я, указывая на фотографию долговязых белых мальчиков в рамке, сидящих на причале на перевозданном озере. — Пошел по стопам моего старика.

— Вот как, — заметил Дональд. — Я ездил в лагерь для мальчиков в штате Мэн. Именно его посещение сделало меня тем, кто я есть сегодня. — Он хлопнул меня по спине, и я подумал, что все в порядке. — Сколько раз ты там бывал?

Вот в чем проблема со всеми этими летними лагерями, школами-пансионатами, вступлением в братство, привилегированностью. Это трудно подделать. Что бы он ни спрашивал, это был код для чего-то другого. Я повернулся.

— Дональд, а в каком братстве ты состоял? — К тому времени, когда он должен был ответить, мы вернулись к дамам.

— У нас были «финальные клубы»⁴, гм, ты не поймешь. Миа, ты прекрасно выглядишь, — похвалил Дональд. Напыщенный придурок.

Хозяин показал нам наш отдельный кабинет, стол на четверых перед ревушим камином. Я заказал композицию из белых роз в центр стола.

— Посмотрите на это. Мои любимые цветы, — проворковала Филлис, наклоняясь вперед и вдыхая аромат роз. Я поднял глаза и увидел, что Миа улыбается мне.

— Как заботливо, Пол, — сказала Миа и сжала мою руку, когда я отодвинул для нее стул.

— Пол, это для меня? — Филлис держала инкрустированную золотом антикварную коробочку для таблеток, которую я велел поставить на ее место. Я смиренно кивнул. — Изысканно. Спасибо тебе.

Я чувствовал, как Дональд смотрит на меня взглядом, противоположным тому, который

посылали мне Миа и Филлис. Но было уже слишком поздно. Я сделал предложение несколько месяцев спустя, позвонив, чтобы попросить руки Мии у Дональда, оправдываясь тем, что не мог оторваться от работы, чтобы пролететь через всю страну и попросить лично.

Позже я узнал, что мать Мии позвонила ей в слезах, умоляя притормозить со свадьбой, хотя я уже подарил этой женщине первую из того, что должно было стать морем старинных коробок для таблеток, предназначенных для того, чтобы завоевать ее, предательницу. Но Филлис опоздала. Сочетание химии и обещаний зацепило за крючок. Миа вышла из-под родительского контроля.

Из плюсов, они относятся ко мне с уважением. Им приходится, если хотят видеть своих единственных внуков. Каким-то образом они понимают это, может быть, потому, что я, возможно, намекнул на это Дональду во время нашего второго телефонного разговора, вскоре после того, как мы объявили, что у нас будет ребенок.

— Поздравляю, Пол. Быстрая работа. — Слова Дональда были полны отвращения, как будто он съел тухлое яйцо и не знал, куда его выплюнуть.

— Большое тебе спасибо, Дональд, или лучше сказать, дедушка.

Я стоял в своем офисе, в своем угловом офисе в рекламном агентстве, чувствуя, что весь мир у моих ног. И это было так.

— Сейчас, возможно, самое подходящее время, чтобы наладить наши отношения, знаете ли, ради внуков. Я только что прочитал статью об этом.

— Неужели? Как интересно. Позволь мне дать тебе небольшой совет, Пол. Не берите на себя смелость указывать мне, как инвестировать мои деньги. Я позабочусь о своей дочери и ее детях. Но не жди от меня ничего, Пол. Ни цента. Я вижу тебя насквозь. — Его слова прозвучали как гравий. Жаль, что он не проникся симпатией к своему единственному зятю. Его потеря. Мы могли бы вместе отправиться на рыбалку или, возможно, вместе вступить в инвестиционный клуб. Из своих исследований я знал, что он любит совершать дорогие поездки. Поиграть в гольф в Шотландии со своим единственным зятем было бы здорово.

— Послушай, Дональд. Могу я говорить открыто? Я хорошо забочусь о твоей дочери и буду хорошо заботиться о твоих единственных внуках. Я не знаю, почему тебе не нравлюсь, но хотел бы, чтобы мы с тобой смогли подружиться. Как мне кажется, это может принести пользу нам обоим. Я помогу тебе сохранить твои отношения с Мией и твоими внуками — отношения, которые, как ты знаешь, не закончатся хорошо, если ты заставишь ее выбирать между нами, — а ты получишь сына, которого у тебя никогда не было. Давай вместе отправимся в путешествие, в Шотландию или еще куда-нибудь. Что скажешь? Ты легко изменишь свое мнение обо мне. — Я прокрался в угол своего кабинета, стер немного пыли с листа фикуса. Клининговую компанию явно придется снова сменить.

— Мы не будем друзьями, молодой человек, и ты, конечно, не мой сын. Ты муж моей дочери. Вот и все. И ничего больше. — На этот раз его голос был тихим.

Я понизил свой, чтобы соответствовать.

— Ну, Дональд, много теряешь. Как и ты, я хозяин в своем доме, и, если ты когда-нибудь захочешь увидеть своих внуков, тебе лучше убедиться, что хозяин счастлив. До скорого. — Повесив трубку, я позвонил своей секретарше. Мое растение тонуло в пыли. Это было действительно неловко. Что делать, если клиент заметит?

— Немедленно смени клининговую компанию.

— Мистер Стром, мы только два месяца назад сменили службу. Дайте им шанс. — Я знаю, что моя секретарша не хотела снова заниматься поиском другой службы уборки, очень

жаль. Мне не нравилось, как моя секретарша смотрела на меня в последнее время, как будто оценивала. Никогда не стоит допускать неуважения со стороны подчиненных. По-видимому, мне придется заменить не только клининговую компанию.

— Это не подлежит обсуждению. Просто сделай это, — заявил я. — И закончив, возьми лишние полчаса на обед. Ты этого заслуживаешь.

Я был требовательным начальником, но мог быть и добрым. Спросите кого угодно. До определенного момента. Для нее этот момент наступил. Когда мое терпение иссякло, все было кончено. Она узнает об этом, когда вернется со своего сверхдлинного обеденного перерыва.

Но с родителями Мии я должен быть деликатным в своем контроле. Я, конечно, разрешаю Пилмерам видеться с мальчиками с тех пор, как Миа сказала, что они создали для них большие трастовые фонды. Так мило, и она дала мне доступ к учетным записям, чтобы я мог следить за ними. Уверен, старому Дональду это не понравится, но мне все равно. Миа была влюблена, и то, что принадлежало ей, принадлежало теперь и мне.

И когда им разрешено навестить нас, мои родственники души не чают в Майки и Сэме, как и должно бабушке и дедушке, привозя им подарки, соответствующие их возрасту, как и положено. Я забочусь о том, чтобы такая возможность не случалась слишком часто, растягивая время между визитами — их в Огайо и нашими в Нью-Йорк, — чтобы быть уверенным, что долгий перерыв заставляет их сердца становиться нежнее или, по крайней мере, добрее, когда дело доходит до их единственного зятя.

Я знаю, что Миа и ее мама часто общаются в видеочатах, и тогда мальчики видят свою единственную живую бабушку. Теперь, когда я сделал Филлис бабушкой, она преодолела все давние сомнения по поводу нашего поспешного брака, поэтому продолжаю пополнять ее коллекцию коробочек для лекарств. Легкий подкуп.

Приятно, что Миа выросла в богатой семье, особенно в конце года, когда нам дарят серьезные деньги. Мы часто не приезжаем в Нью-Йорк на Рождество. Обычно у меня удобные всплывают обязательства по работе. Но деньги все равно приходят, чеки засунуты в хрустящие льняные конверты. Четыре чека, по одному на каждого из нас. Возможно, это могло стать причиной для рождения третьего ребенка. Если бы знал об этих чеках, поступающих каждый год, или высчитал вознаграждение за жизнь третьего ребенка, я, вероятно, сказал бы «да» еще одному.

Эти подарки очень помогают, но они поступят только через семь месяцев. Не совсем вовремя. Квартальные дивиденды по акциям Мии тоже не повредят, хотя эти деньги уже потрачены. Я даже представить себе не могу, сколько акций мы получим во всех этих компаниях с голубыми фишками, как только Филлис и Дональд умрут. Они моложе, чем были мои родители, но живут в большом сумасшедшем городе, так что кто знает, что с ними может случиться. Ее наследство может появиться в любой день, в любое время. Точно так же, как письмо, которое появилось от тexasского дяди Мии, брата Дональда Деррика, паршивой овцы семьи. Совсем этого не ожидал. Вот почему не нужно беспокоиться о деньгах. Возможности возникают постоянно. Я ждал, чтобы поделиться тexasскими новостями с Мией, и сделаю это, когда придет время.

Конечно, я знал, что Миа Пилмер богата, мне сказали это еще до того, как я с ней познакомился. Но я даже не думал о ее деньгах, когда ухаживал за ней. Я был известным рекламным менеджером, а она молодой красавицей, только что окончившей колледж. С чего бы мне вообще думать о такой вещи, как ее будущее наследство от родителей, или дяди, или

чего-то еще? Это так мелко.

До меня дошли слухи, что отец Мии — коррумпированный бизнесмен, который всему научился у своего отца, Дональда Пилмера-старшего. Уверен, что вы тоже про них слышали, так что я не сплетник. Просто всякий раз, когда определенная семья так богата на протяжении многих поколений, вы можете быть уверены, что они где-то жульничали на этом пути. Бароны-грабители, инвестиционные банкиры, банкиры в целом, вы знаете этот тип. Особенно когда они из Нью-Йорка.

Вы можете подумать, что я говорю подобным образом, потому что завидую, но это далеко не так. Я ценю хорошую аферу, и сам извлекаю выгоду из коррупции, так что тем лучше для Пилмеров. Просто в семьях, как эта, нужно быть осторожным. Однажды ваша удача иссякнет. Вам не захочется оказаться тем, кто все испортит, так сказать, в конце очереди. По крайней мере, мои мальчики будут носить фамилию Стром в своих паспортах, даже если в их карманах окажутся наличные Пилмера.

Я слышу, как открывается входная дверь, и задаюсь вопросом, входит Миа или уходит. Ставлю фотографию ее родителей обратно на столик в прихожей, рядом с фотографией моей семьи, за вычетом меня. Я замечаю, что оставил отпечатки пальцев на обеих серебряных рамах. Мне не хочется их вытирать.

Глава 9

17-00 часов.

Я поспешил вниз по лестнице и обнаружил, что Миа вышла на улицу. Она стоит на нашей лужайке перед домом, прижимая телефон к уху. Вероятно, сводит с ума няню своими проверками каждые несколько часов. Я бы уже захотел ей врезать. Может быть, именно поэтому Клаудия принимает наркотики, чтобы справиться с непрекращающимися звонками Мии.

Зайдя на кухню, отмечаю время на круглых часах, прикрепленных к стене над задней дверью. Сейчас пять. Вполне приемлемое время, чтобы насладиться коктейлем. Я оглядываю простую кухню, снова привыкая после того, как не был здесь с прошлого лета. Все на месте, спасибо Мии и бригаде уборщиков, которых она вызвала. Замечаю счет на стойке.

Едва разборчивым почерком написано: «За генеральную уборку. Пожалуйста, отправьте платеж немедленно. Спасибо. Бетси.» Образ Бетси всплывает в моем сознании: женщина с отсутствующими зубами, от которой пахнет пепельницей. Она и ее команда хорошо справляются с уборкой, несмотря на ее личный токсичный запах. Я никогда не готовил коттеджи после зимнего перерыва, но представляю, что это, должно быть, грязная работа. Дом стоял плотно закрытый с конца октября. Всевозможные жучки, грязь и кто знает, что там скопилось, я уверен. Отвратительная работа, намного ниже всего, чем я хотел бы зарабатывать на жизнь. Как получилось, что некоторые из нас работают уборщицами, а некоторые — руководителями? Снова вселенная, наделяющая умом, внешностью и очарованием немногих избранных из нас, счастливицов.

Я открываю шкаф и достаю бокал для коктейля, а затем еще один для Мии. Собираюсь, так сказать, помахать белым флагом в виде водки с тоником. Открываю холодильник. Там пусто. Мы не ходили в магазин за лаймами или чем-то еще. Я понимаю, что должен предложить пойти. Открыв заднюю дверь, выхожу на подъездную дорожку, обхожу дом,

чтобы найти Мию. Она стоит ко мне спиной и все еще разговаривает по телефону, склонив голову набок и наклонившись к телефону, который держит в руке.

Тихо подхожу к ней сзади. Она не знает, что я здесь.

— Я так рада. Это прекрасно... да, мам, я в порядке, — говорит она, и когда у меня возникает вопрос, почему она разговаривает с Филлис, Миа поворачивается и кричит, роняя телефон в траву. — Пол! Зачем ты подкрался ко мне?

Я поднимаю руки, потрясенный вспышкой и страхом в ее глазах. Понятия не имею, почему она такая нервная, но приписываю это нашим предыдущим напряженным разговорам. Мне нужно успокоить жену, вернуть наш лучший день в нужное русло. Ей нужно выпить. Я смотрю, как она наклоняется и берет свой телефон.

— Миа... — начинаю я, но она рукой, останавливает меня.

— Мам, я в порядке. Пол просто подкрался ко мне, вот и все, — говорит моя жена в трубку. Проходит мгновение. Интересно, что Филлис говорит своей дочери? — Хорошо. Да. Я позвоню тебе завтра. Еще раз спасибо.

Она нажимает кнопку отбоя, а затем смотрит на меня.

— Что ты делал? Почему ты подкрадывался ко мне? — спрашивает она. Я вижу панику в ее глазах.

— Успокойся, милая, — я делаю шаг ближе к ней, желая заключить в свои объятия. Она отступает назад, сжимая плечи, глаза широко раскрыты и не мигают.

— Ты напугал меня, — Миа скрестила руки на груди, словно защищаясь.

— Ясно. Я как раз выходил, чтобы спросить, не хочешь ли ты коктейль. И, если ты захочешь лайма, я с радостью съезжу в магазин. И куплю все, что тебе нужно, — предлагаю я. Хочу напомнить ей, что я ее рыцарь в сияющих доспехах, но не делаю этого.

— Да, это было бы прекрасно. У меня есть целый список вещей, которых нам не хватает. И ты перевел деньги? Для мальчиков? — спрашивает она. Теперь Миа, кажется, успокаивается. Ее глаза не такие большие или дикие.

— Перевел, — заверяю ее. Это ложь. Но я разберусь с этим, как только вернусь внутрь. — Где список? Я постараюсь побыстрее. Если только ты не хочешь поехать со мной?

— Нет, я останусь и закончу приводить коттедж в порядок. Список на столе у входной двери, — сообщает она.

— Хорошо, я займусь этим, — поворачиваясь я, чтобы идти обратно к дому. Но останавливаюсь и смотрю на жену. Я вдруг забеспокоился. Странно, что она разговаривала со своей матерью в пятницу вечером. Обычно светская жизнь Филлис и Дональда не допускала никакой вечерней болтовни. Они ценят время коктейлей больше, чем кто-либо другой. Я изучаю свою жену и говорю:

— Эй, с твоей мамой все в порядке?

— Да, с ней все в порядке. — Миа моргает, разрывая зрительный контакт, а затем наклоняется, желая вырвать то, что должно быть сорняком, с клумбы, которая окружает наш дом. Знаю, что скоро она посадит горшки с ярко-красной геранью, чтобы дополнить ярко-красную дверь коттеджа. Клумбы в саду будут заполнены белыми цветами: маргаритками, гортензиями и другими сортами, которые я не могу назвать. Некоторые волшебным образом появляются сами, а некоторые растения Миа высаживает в тщательно выкопанные ямки, как будто они маленькие дети, нуждающиеся в заботе. К середине лета ее сады, наши сады, всегда становятся предметом разговоров в Коламбусе. Я знаю, что и здесь так будет. Она все еще не смотрит на меня, сосредоточившись на прополке. Ее руки покрыты мокрой, вонючей

грязью. Я принимаюсь.

Стою, не двигаясь с места. Она перестает пропальывать, выпрямляется и говорит:

— Мы с мамой просто болтали, ты знаешь.

Она вставляет этот рефрен «ты знаешь» в конец своих предложений, когда хочет, чтобы разговор закончился. То, на что она явно надеется, продолжая игнорировать меня, умудряясь выдерживать почти все, что находится в пределах досягаемости. Интересно, не выдерживает ли она какие-нибудь многолетние растения, но я держу язык за зубами. Она разбирается в садоводстве так же, как я в продажах. Решаю пока оставить этот разговор с ее мамой в стороне. Я чувствую уверенность в том, что Филлис находится под моим контролем и что она под моими чарами с момента первой коробочки для лекарств.

— Хорошо. Рад слышать, что Филлис в порядке. Надеюсь, ты передала ей мои наилучшие пожелания. Ну, я поехал, — говорю я и ухожу. Больше не позволю странному поведению Мии беспокоить меня. У нас будет лучшая ночь, которую мы когда-либо проводили вместе. Это сгладит любое напряжение, оставшееся от поездки.

Вероятно, странности Мии связаны с ее новыми ограничениями в питании. С тех пор как нашла врача-холиста, она стала еще более раздражительной. Несколько месяцев назад она обратилась к нашему семейному доктору. Он диагностировал моей жене простое переутомление, после того как исключил волчанку, а затем язвы. Может быть, это общая усталость, сказал он нам. Так много занятых мам страдают от этого. Он отправил нас домой, сказав Мии, чтобы она больше спала каждую ночь. Блестящий диагноз.

Самостоятельно Миа нашла какую-то квазимедицинскую практику, которая верит в «холистическую» медицину⁵. Раз в неделю ей делают капельницы с витаминами, она ест вегетарианскую пищу, пьет воду из стеклянных бутылок, но все равно чувствует себя неважно. Бедная Миа. Кажется, ничто не помогает от ее постоянной боли в животе и общей тошноты. Я позабочусь о том, чтобы она очень хорошо поела сегодня вечером.

Вернувшись на кухню, я наливаю рюмку водки и быстро опрокидывая ее в себя. Легкая дрожь пробегает по моему телу, когда алкоголь попадает в мой организм. Прохожу по дому и нахожу список на столе рядом с входной дверью, как велела Миа. Ее четким и элегантным почерком написано гораздо больше, чем лаймы: сыр, крекеры и виноград. Кофе на утро. Хлеб и арахисовое масло. Вода в стеклянных бутылках. Салат и яблоки, органические. Любимые хлопья Мии с молоком. Джем для круассанов. Что ж, ей это не понадобится.

Полагаю, это не такой уж длинный список. Ничто по сравнению с тем, что она покупает в продуктовом магазине для нас с мальчиками каждую неделю. С удовольствием займусь покупкой по этому списку, говорю я себе и нацепляю на лицо улыбку.

Выезжая с подъездной дорожки, понимаю, что в машине все еще витают ароматы нашей поездки. Салон пахнет новым органическим лосьоном для тела Мии с ароматом лайма и кокоса и моим пряным лосьоном после бритья. В воздухе чувствуется легкий привкус пота и запах жира от пиццы с пепперони, от ломтика, который я не смог доесть и взял с собой, что теперь ждет меня в холодильнике. И есть еще один запах, который я улавливаю, когда машу Мии и сворачиваю за угол, наблюдая, как она и наш коттедж исчезают в зеркале заднего вида. Это запах моих мальчиков, отчетливая смесь вонючего потного футбольного снаряжения и свежести после ванны.

Недолго, я задаюсь вопросом, не следовало ли мне включить их в эти выходные, сделать их частью планов. Нет, все в порядке. Они — будущее, символы моего бессмертия. Им хорошо дома с Клаудией.

Глава 10

18-15 вечера.

Я медленно еду по Второй улице и замечаю очередь из двадцати или около того человек, ожидающих, чтобы попасть в «Слоупи». Это место будет забито на все выходные, и моя любимая розововолосая официантка получит несколько хороших чаевых.

Я рад, что забронировал для нас столик на сегодняшний вечер в новом итальянском ресторане в Порт-Клинтоне. На самом деле у него есть свой собственный сад с травами, который сделает мою жену счастливой. Надеюсь, там не так людно, как здесь. Я все еще удивляюсь, что у стольких людей появилась такая же идея отправиться на озеро в эти выходные. Думаю, для большинства американцев экономика вернулась в нормальное русло.

Проезжаю мимо парка, освещенного уличными фонарями в сгущающихся сумерках, и вижу молодую мать, катающую своего ребенка на качелях. У меня в голове так много воспоминаний, как Миа качает наших мальчиков, их визги восторга плывут по воздуху, достигая меня, когда я сижу на скамейке в парке, наблюдая за ними всеми. Я почти уверен, что ни один из моих мальчиков не унаследовал мою ярость. Не замечал никаких намеков. Никаких швыряний камнями, никаких искореженных и уничтоженных игрушек. Вместо этого они хорошо играют вместе, вежливы и счастливы, я думаю. Тьма ярости, передающаяся из поколения в поколение, не охватила их, хотя, скорее всего, она проявится у их детей. Это сильный ген, гнев. Но пока я буду продолжать лелеять их счастье. Они — мой дар миру, мои сыновья.

Я останавливаюсь перед коттеджем Бунов. Кажется, во всех комнатах этого места горит свет. Они, без сомнения, развлекают людей из нашего района, пьют и ужинают с ними в своем великолепном историческом коттедже. Пытаюсь заглянуть в окна, чтобы увидеть, кто еще может сидеть за их длинным столом на двенадцать персон. Но все, что я могу различить, — это фигуры людей, возможно, некоторые общие характеристики, но недостаточно, чтобы определить, кто они такие. Большинство соседей меня не знают или не хотят знать, и это чувство взаимно. Есть еще одно чувство, которое я могу назвать: презрение. Но они знакомы Мией, многие из них, и даже дружат с ней. Миа — человек, с которым многие хотят подружиться.

Возьмем, к примеру, Бака. Я сворачиваю за угол на Лорел-стрит, и наш коттедж тоже светится светом. На застекленной веранде можно разглядеть двух человек. Они сидят в креслах, стоящих лицом к дивану. Мебель старая и довольно неудобная. Древний уличный плетеный набор сам по себе ценен — такие просто больше не делают, — но ткань, покрывающая подушки, отвратительна. Безвкусный зелено-розовый цветочный узор, который напоминает мне любимый рисунок чайной чашки моей матери, разбитой. Я знаю, что этот комплект прилагался к коттеджу, и мы не вкладывали деньги в новые подушки. Возможно, потратимся этим летом. Потому что независимо от того, как часто чехлы стираются, всегда остается запах пыли, затяжной и густой. Он забирается на вашу одежду, когда вы сидите слишком долго, проникает в ваши поры, как небольшая доза яда. Подкрадывается к вам, я думаю. Я начинаю чихать, если провожу там больше десяти минут.

Миа знает это, и все же, вот они сидят. Вдвоем. В моем коттедже. На моем крыльце во время моих романтических выходных. Я впииваюсь ногтями в ладонь, наслаждаясь жжением.

Въехав на подъездную дорожку, останавливаю машину перед задней дверью. Понимаю,

что Мии не нравится, когда паркуюсь здесь, она считает это ленью и предпочла бы, чтобы я заезжал в гараж. Это более цивилизованно, объясняет она. Возможно, это и так, но я спешу, и у меня три продуктовых пакета. Мне не терпится расспросить Мию о кредитной карте, поскольку оплату по ней отклонили, но я подожду, пока Бак уйдет. Что случится очень скоро. У нас ведь планы на ужин.

Я открываю багажник и беру пакеты в руки. Пытаюсь сообразить, как повернуть ручку, чтобы открыть заднюю дверь, когда Миа открывает ее для меня.

— Почему ты так долго? Я думала, ты заблудился, — говорит Миа. Ее лицо покраснелось, то ли от смеха, то ли от алкоголя. Или и то, и другое. Она выхватывает один из пакетов из моих рук, когда Бак появляется позади нее.

— Я могу помочь? — проявляет вежливость Бак. — Должно быть, в бакалее была большая очередь.

— Да, там была очередь. — Мой тон спокойный, размеренный. Я борюсь с огнем. Кладу два пакета на стойку рядом с тем, что бросила моя жена. Заглядываю в третий пакет и замечаю пачку сигарет. Я собирался оставить их в машине. Незаметно засовываю пачку в рукав рубашки. Спрячу их в своем портфеле наверху.

— Мы разгрузим пакеты, Пол. Давай я приготовлю тебе что-нибудь выпить? Водка с выжатым лаймом сейчас подойдет, — предлагает Миа. — Иди сядь и расслабься.

Я не хочу покидать кухню, но мне нужно избавиться от сигарет.

— Отлично, звучит неплохо. И, дорогая, нам нужно уехать минут через десять, чтобы успеть к заказанному столику на ужин, — говорю я. Мне кажется, замечаю, как моя жена и Бак обмениваются взглядами, своего рода молчаливое общение. Но я мог что-то перепутать. Мой разум сегодня занят другим. Ничего не говорю, просто выхожу из комнаты. Мне все еще нужно вынуть сюрприз из бардачка, но каждый раз, когда вспоминаю об этом, кажется, что наш сосед рядом. Я принесу его сегодня вечером, после ужина, как только старый добрый Бак исчезнет навсегда.

Я поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, спешу в нашу спальню, засовываю сигареты в карман внутри портфеля и застегиваю его на молнию. Ненадолго захожу в ванную, быстро чищу зубы и брызгаю водой на лицо, добавляя немного лосьона после бритья. Рассмотрев свою рубашку в зеркале, решаю, что мне следует переодеться. Это наш особый день. Я спешу обратно в нашу спальню и достаю свой любимый тонкий темно-синий кашемировый свитер. Натягиваю накрахмаленную белую футболку, а затем свитер. Мои глаза все еще темные, но немного посветлели из-за свитера. Мои джинсы выглядят прекрасно, а кожаные мокасины сами по себе являются заявлением. Подарок от Мии пару лет назад, они от Гуччи. Классические.

Выключив свет в спальне, я возвращаюсь вниз.

— Мы с Баком перебрались внутрь, — говорит Миа, когда я спускаюсь по лестнице. — Знаю, как ты ненавидишь это затхлое старое крыльцо. Вот твой напиток.

Я только сейчас понимаю, что Миа переделась в платье. Средней длины, блестящий шелк цвета шампанского. Она на каблуках, и ее ноги выглядят фантастически. Я должен был сказать ей об этом. Уверен, Бак уже опередил меня. Бак сидит в моем любимом кресле. Я пристально смотрю ему в затылок, когда иду в гостиную.

Миа поставила мой напиток на кофейный столик рядом со своим. Она похлопывает по диванной подушке. Этот диван новый. Декоратор помог нам выбрать всю эту зону отдыха. Диван светло-коричневого цвета, твердый, но все еще пушистый. Два клубных кресла обиты

бледно-голубым хлопком. Это самые удобные кресла, которые у меня когда-либо были. Бак сидит за кофейным столиком напротив Мии, в одном из моих удобных клубных кресел. Они гораздо удобнее, чем диван, но я решаю сесть рядом со своей женой, сжимая ее колено рукой.

— Ой! — вскрикивает она, убирая ногу от меня. Должно быть, я схватился слишком сильно.

— Прости, милая, просто хотел сказать тебе, как здорово ты выглядишь в этом платье, — говорю я. — Увлёкся. Ваше здоровье!

— Как заботливо, Пол, — заявляет Миа. Ее тон заставляет меня думать, что она вообще не верит, что я могу увлечься. — Твое здоровье.

— Твое здоровье, — поддерживает Бак, поднимая свой бокал в мою сторону. Его красивое лицо ведущего новостей не выглядит веселым. Не думаю, что ему понравилось, когда я прикасался к собственной жене. Его глаза сужаются, когда он говорит:

— В каком ресторане вы обедаете сегодня вечером?

— О, какое-то новое итальянское заведение в Порт-Клинтоне, — отвечаю я. — У них есть свой собственный сад с травами, так что я знал, что Мии оно понравится. — Поворачиваюсь, чтобы улыбнуться своей жене, и она мягко улыбается в ответ. Я могу обнять ее за плечи и притянуть к себе, просто чтобы увидеть его реакцию и ее. Может быть, романтический поцелуй в щеку тоже не станет лишним?

— «Чао Белла», — сразу понимает Бак. — Милое местечко. Хорошая атмосфера для здешних мест.

— Рад, что ты одобряешь, — ехидничаю я. — Ну, судя по времени. Нам пора идти. — Я улыбаюсь Мии и борюсь с желанием поднять ее с дивана за руку. А еще сопротивляюсь желанию вышвырнуть Бака из своего дома. Лучшее, что я могу сделать, — это встать. Так я и делаю.

— Ты задерживался, и я перенесла бронирование на полчаса позже, — заявляет Миа. — Так что сядь, расслабься. У нас есть время допить наши напитки.

Хорошо сыграно, Миа, думаю я. Мои мысли заняты сегодня вечером, как я уже упоминал, и они переносятся в другое время, в другой дом, в другой счастливый час, на этот раз в Нэшвилле, штат Теннесси, с другой блондинкой. На самом деле она была подделкой Мии. Ее звали Лоис, и она была очаровательна. Она сказала мне именно эти слова: «Сядь, расслабься, у нас есть время допить наши напитки». Без сомнения, вы уже поняли, что мне не нравится, когда мне говорят, что делать. Тогда мне тоже не понравилось.

Я был молод. Я еще не научился контролировать свой гнев. Я не знал, что могу, например, просто встать и пойти на кухню, притворяясь, что ищу лед и закуску. Лоис открыла дверь в своем халате, даже близко не будучи готовой. Она велела мне сесть и ждать, как собаке. Я шагнул в дверь и закрыл ее за собой. Тогда мой характер, мой гнев взял верх: удар кулаком по красивому лицу, так я отреагировал. К тому времени мы с Лоис были вместе уже больше года. Она никак не могла предвидеть этого, так как до тех пор наши отношения состояли из сплошного веселья и отличного секса. Но в ту роковую ночь мы должны были присутствовать на коктейльной вечеринке, устроенной в мою честь профессором, с которым я работал. Это было очень важное событие, благодарность и поздравления, так сказать, знакомство с обществом. Лоис не была готова, когда сказала, что будет готова. Она совершенно не уважала меня и важность этого вечера. На самом деле в случившемся не было моей вины.

Кровь текла у нее из носа, когда она в шоке смотрела на меня, перед ее халата стал красновато-коричневым, ее ярко-голубые глаза блестели от страха и слез. Я посмотрел на свой кулак, потер костяшки пальцев в том месте, где они соприкоснулись с ее плотью, и покачал головой.

— Лоис, пожалуйста, никогда не указывай мне, что делать, — проговорил я. Мы были в ее крошечной квартирке, теперь нашей, месте, которое я хорошо знал с тех пор, как мы занимались любовью почти на каждой ровной поверхности и предметах мебели. Быстро прошел на кухню, открыл кран и намочил кухонное полотенце, прежде чем обернуть его вокруг нескольких кубиков льда. Вытащил рулон бумажного полотенца из держателя и протянул ей все. Я с отвращением покачал головой. Теперь мы точно не придем вовремя на прием. Она все испортила.

— Тебе нужно приложить лед к лицу. Ляг на спину, и кровотечение остановится, — посоветовал я. Конечно, совсем не был уверен, что это так. Несколько раз я дрался с мальчиками своего возраста, но ни один из них не получил серьезных травм. Мой отец всегда был осторожен, его удары наносились в места, что легко замаскировать одеждой. К сожалению, травма Лоис казалась серьезной и вполне заметной.

— Уходи, — прошептала Лоис. Она отказалась взять лед или бумажные полотенца, поэтому я бросил их на диван рядом с ней. Она сильно дрожала, и я подумал, не следует ли мне обнять ее, крепко сжать. Я почему-то боялся, что, может быть, причину ей еще большую боль. Могу причинить ей еще больше страданий. Я стоял там, обездвиженный, мои ноги стали тяжелыми, словно попали в цемент. В голове промелькнули воспоминания, когда я видел, как мой отец бил мою мать. Ее крики, его пустые обещания. Эти воспоминания такие громкие и яркие проносились в моей голове.

Но между Лоис и мной в тот момент стояла только тишина. Помню, я посмотрел на часы. Их циферблат был залит кровью.

Мы познакомились на занятиях по греческой мифологии в выпускном классе колледжа, когда я бездельничал в последнем семестре своей студенческой жизни, и она была молодой, очаровательной первокурсницей. Она называла меня Зевсом в постели, когда я доводил ее до оргазма, как никто другой раньше. К этому моменту она была прилежной второкурсницей, и я проводил исследование потребителей для профессора, того, чью вечеринку только по приглашению мы собирались пропустить в этот вечер, пока ходил на собеседования в рекламные агентства в городе. Я наконец-то согласился на должность менеджера по работе с клиентами в престижной местной фирме. Этот фуршет был моей прощальной вечеринкой и моим знакомством с важными людьми в Нэшвилле. Эта ночь должна была стать моим стартом в мире рекламных агентств. Почему она не понимала, насколько это важно?

— Лоис, никто не должен знать о том, что здесь произошло, ты понимаешь? Я завтра приступаю к работе, — объяснил я. Мой голос звучал спокойно. По-отечески. Вполне логично, что она хотела бы, чтобы моя новая карьера началась хорошо, без сплетен и слухов и тому подобного.

Ее дрожь становилась все более сильной, но глаза смотрели на мне пристально, как будто она видела меня изнутри, мои органы, мое маленькое бьющееся сердце. Поток крови из ее носа замедлился, но теперь ее халат был испачкан. Кровь брызнула ей на колени, в складки белого хлопка.

— Если ты уйдешь и больше никогда мне не позвонишь, никто не узнает. Если увижу тебя или услышу о тебе, я выдвину обвинения, — сказала она. Ее голос дрожал от страха.

«Выдвинешь обвинения, зачем бы тебе это делать?» — хотел я сказать. Я бы объяснил их тем, что у нее бред, что она упала на кухонный стол, но хотела обвинить меня. Конечно, я мог бы снять любые обвинения так же быстро, как она смогла бы их выдвинуть. Мой отец. Я научился у него всем трюкам. Но на самом деле она мне больше не была нужна. Пришло время двигаться дальше, строить свою карьеру. Мне больше ни к чему эта ситуация с багажом в колледже.

— Как пожелаешь, — сказал я, кланяясь в пояс, прежде чем уйти. Это была отсылка к ее любимому фильму «Невеста-принцесса», и ее реакция не была типичным ответом. Когда я открыл дверь и шагнул во влажную ночь Нэшвилла, ее проклятие последовало за мной. Но я знаю, что в ее сердце все еще оставалась любовь ко мне. Я забываем. О, и прием с коктейлями прошел потрясающе. Бедняжка Лоис передавала привет, но не смогла прийти, так как плохо себя чувствовала.

Сейчас, стоя на кухне, я слышу, как моя жена смеется в гостиной. Сама того не желая, она разжигает огонь своими словами, своими действиями и своей радостью. Но все нормально. Я научился контролировать себя с той ночи в Нэшвилле. Я говорю себе расслабиться. «Миа не хотела расстраивать тебя сегодня вечером».

Знаю, что она не пытается меня разозлить. Мы вместе долгое время, у нас сложились прекрасные отношения. Она просто развлекает нашего ненужного гостя, нашего одинокого соседа-неудачника. Но скоро мы отправимся на ужин, и все снова будет под контролем. Нам нужно обсудить работу, Бака, ситуацию с кредитной картой сегодня вечером во время ужина. Это может быть неудобно, но как только она поймет мои приоритеты, у нас будет лучшая ночь на свете. Ее, безусловно, можно спасти. И вот так просто я успокоился.

Я вытираю вспотевшие ладони о штанины брюк, прежде чем вернуться в гостиную, неся пакет кешью, который купил в продуктовом магазине.

— Кто-нибудь будет орешки?

И Миа, и Бак качают головами. Я пожимаю плечами, переносу пакетик на диван и сажусь рядом с женой.

— Итак, Бак, ты действительно провел здесь зиму? Это правда, что ты в самом деле живешь здесь целыми днями, круглый год?

— Провел и живу. На сегодняшний день. Это отличное место, чтобы обрести покой и подумать. Для меня это работает, — говорит он. Его ямочка появляется, когда Бак улыбается нам, счастливой паре на диване. Он, должно быть, так ревнует. Он так одинок.

— А это правда, что твоя жена умерла? — спрашиваю я. Ну, мы никогда не обсуждали отсутствие у него супруги, как мужчина с мужчиной. По крайней мере, я не обсуждал это с ним. Кто знает, что знает Миа. Все, что я слышал так это слухи, что его жена умерла. Я подумал, что стоит проявить интерес к нашему гостю.

— Пол. Seriously? — возмущается Миа. Я замечаю, что ее щеки пылают, и она качает головой взад и вперед. Смущение — вот что это за эмоция. Очень жаль, Миа.

— Да. Это правда. Рак легких четвертой стадии, неоперабелен. Она была некурящей. Проснулась посреди ночи, задыхаясь. Пять месяцев спустя я похоронил ее. — Бак рассказывает все это без эмоций. Так, как я мог бы произнести это слова, если бы не практиковал эмоциональные реакции. Это заставляет меня задуматься о Баке. Он добавляет:

— Это были самые трудные пять месяцев в моей жизни.

— Худшие для нее, — замечаю я. Судя по всему, моя шутка не была хорошо воспринята ни моей женой, ни нашим гостем.

— Бак, прости, — извиняется Миа. — Я пришла к выводу, что Полу немного не хватает эмоционального интеллекта. Он пытается, но, ну, Пол, ты же понимаешь, что это было бесчувственно, верно?

Я сунул спички, которые остались на стойке, когда они выгружали пакеты с продуктами, в свой карман. Прямо сейчас представляю, как вытаскиваю их, зажигаю все и бросаю в свою жену. Огонь. Моя левая рука скользит в передний карман, но я не могу достать спички, сидя. Делаю глубокий вдох и улыбаюсь своей жене. Она такая милая.

Я снова обращаю свое внимание на незваного гостя.

— Я сожалею о твоей потере, Бак. Так вот почему ты бросил свою работу и переехал сюда, в такую глушь?

Работа соседки-шпиона может оказаться под угрозой, говорю я себе. Я знаю, что в любом случае могу ходить вокруг нее кругами, если бы мне нравились сплетни. Чего я не делаю.

— Да. Я продал все, что мы построили вместе. Наш дом, нашу квартиру в городе, наши машины, кроме одной. Я продал свой бизнес и просто сел в машину и поехал. Каким-то образом свернул с шоссе направо и оказался здесь, — говорит Бак. Он вытирает ладони о штаны, как бы давая понять, что на этом его объяснения заканчиваются.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на свою жену. Она сияет, на ее лице такая широкая и такая фальшивая улыбка, что, должно быть, у нее болят щеки. Или, может быть, это искренняя улыбка. Та, что я никогда не увижу. Та, что зарезервирована для Бака, садового гнома.

— Это идеальное место для исцеления, — поддерживает Миа.

Кто бы сомневался. Мои мысли возвращаются к Лоис. Я, конечно, снова видел ее в кампусе, но она меня не видела. Я знал расписание ее занятий, хотел удостовериться, что она ничего не испортит для меня и моей новой работы в самом модном рекламном агентстве в Нэшвилле. Поэтому следил за ней. Я хорош в слежке, как уже отмечал. У нее все хорошо зажило. Из слухов узнал, что она сказала своим друзьям, что потеряла сознание и упала. Низкий уровень сахара в крови или что-то в этом роде?

Узнал, что она действительно перенесла операцию, чтобы все исправить. И я думаю, что ей, возможно, как-то подкорректировали кончик носа, косметическое улучшение. Она хорошо выглядела, когда я видел ее в последний раз. Даже лучше, чем до этого маленького инцидента. Воспользовалась ситуацией и улучшила свою внешность, вот это моя маленькая Лоис. Она выполнила свою часть нашего соглашения, и я тоже. Я человек слова. Начав свою успешную рекламную карьеру в Нэшвилле, я вернулся в Коламбус. Что касается Лоис, то она замужем, у нее теперь куча детей. Все к лучшему.

— Вам двоим лучше идти, если не хотите опоздать, — замечает Бак. Он встает. Как заботливо. По его команде моя жена наконец поднимается.

— Да, я готова, — говорит она. — Только возьму свою сумочку.

— Не провожай, — произносит Бак. — Желая хорошо провести время. — Он неловко машет мне рукой, без сомнения, боясь пожать ее. Я все еще не получил ответа на то, что он делал до того, как появился в нашей жизни, но не думаю, что он был настоящим ведущим. Какой-то бизнес, вот что он сказал. Думаю, я ему поверю. А пока я просто хочу, чтобы он убрался отсюда.

— Хорошо, что ж, приятного вечера. — Провожая его до двери, я спрашиваю:

— В твоей жизни появились какие-нибудь особенные дамы, Бак? — В конце концов,

прошел год с тех пор, как умерла его жена, а у мужчин есть потребности. Я думаю, что это то, что парень сказал бы другому парню.

Рядом со мной появляется Миа. Она, должно быть, подслушала меня, потому что говорит:

— В самом деле, Пол?

Бак хихикает.

— Все в порядке, Миа, — заверяет он. — Я уверен, что Пол просто желает мне всего наилучшего, не так ли, Пол? — Бак крепко хлопает меня по спине. Братское похлопывание, вот как я расценю это. Опускаю руку в карман, растирая спички между пальцами.

Глава 11

19-30 вечера.

Мы по-прежнему опаздываем на наш ужин, хотя Миа перенесла заказ на более позднее время. Я знал, что так и будет. Сегодня вечер пятницы, и на дорогах полно туристов, как мы, прибывших на озеро. Мы застряли в пробке. Делаю глубокий вдох. Я ничего не могу сделать, кроме как попытаться расслабиться. Я позвонил в ресторан, и они придержат наш столик. Это особый столик, для особого вечера. Я благодарен им за понимание и дам чаевые хозяину. Надеюсь, Миа захватила наличные.

— Давай позвоним Клаудии и проверим, как там мальчики, — говорю я. Знаю, что Миа напряжена рядом со мной, крепко сжимает руки на коленях. Она, наверное, беспокоится, что я расстроен из-за нашего позднего прибытия в ресторан, но я покажу ей, что со мной все в порядке. Позвонить мальчикам — это предложение мира. Я нормальный, любящий муж и отец.

— Их нет дома. Они едут за пиццей, — говорит она.

— Ну, Клаудия может ответить по своему мобильному телефону в пиццерии, разве нет? — Логичный вопрос, я думаю.

— Давай не будем беспокоить их во время ужина, — просит Миа. Это странно. Она — тот человек, который звонил Клаудии по крайней мере четыре раза с тех пор, как мы ушли из дома этим утром. — Имею в виду, они едят пиццу в кино. Сегодня выходит новый анимационный фильм о супергероях. Я попросила ее сводить мальчиков. Я все спланировала заранее и купила билеты онлайн.

Волосы у меня на затылке встают дыбом. Неужели моя жена лжет мне? Я удивляюсь. Это не имеет смысла, совсем нет. Отказываюсь верить, что это так. Я знаю свою жену. Моя жена любит меня, и, рассуждая логически, понимаю, что должен доверять ей так же, как она должна доверять мне. У нас двое сыновей и совместная жизнь. Она подумала наперед и купила им всем билеты в кино. Это заботливо, она добрая. Мне нужно расслабиться.

Любовь — такая сложная вещь для нас, людей. Мы усложняем, мы волнуемся, мы пытаемся анализировать. Это чувство легче понять, если думать о нас всех как о животных, с потребностями и желаниями. Вот кто мы такие, все мы. Теперь, подумайте вот о чем: моя жена любит меня почти так же сильно, как Гретхен. Гретхен извлекает выгоду встречаясь с беззаботным Полом, Полом без обязательств. Миа, ну, она получает немного менее блестящую версию Пола, которого видит Гретхен, версию меня, которую любит Гретхен. У Мии было это однажды, в начале наших отношений, но теперь у нее двое детей и, ну, история со мной. Хорошее и плохое. Надеюсь, она все еще помнит те ранние, блестящие

годы.

Ах, Гретхен. Она та, с желанием кому я боролся позвонить с тех пор, как мы ушли из дома этим утром. Это она звонила мне несколько раз с тех пор, как мы уехали. Милая девочка. Я знаю, что она скучает по мне. Она напомнила мне, что в эти выходные у нас шестимесячная годовщина. Но мне не подходит разговаривать с ней в этот день. У меня есть правила. Я не хочу, чтобы вы плохо думали обо мне из-за существования Гретхен, поэтому, пожалуйста, не надо. Наши отношения никому не вредят. Они просто приносят больше радости миру в целом.

Теперь мы вместе почти каждый день, и тот факт, что я сегодня не прикасался к ней и не разговаривал, причиняет боль. Не поймите меня неправильно, в моем представлении она не выше Мии, она особенная. Гретхен веселая, в то время как Миа — семья. Гретхен молода и чертовски... простите, у нас отличный секс. Миа — это семейные ужины, клубничные грядки и скрэббл.

Достаточно ли хорошо я вам все объясняю? Они не имеют ничего общего друг с другом, и они никогда не встретятся. Я — единственное что их связывает, круг в середине диаграммы Венна, на котором с одной стороны изображен круг Гретхен, с другой — Миа. Их жизни никогда не пересекутся. Они никогда не встретятся, хотя Гретхен живет в соседнем пригороде, в пяти минутах езды отсюда. Так устроен мой мир. Здесь чисто и аккуратно. Определенно. Я все контролирую.

Тем не менее, Гретхен злится, что я уезжаю на эти выходные, и сказал ей, что мы не будем разговаривать по телефону. Я удивлен, что она позвонила мне, так как знает правила. Она понимает, как обстоят дела. Я сказал ей, начиная наши отношения, что люблю свою жену и что никогда ее не оставлю. Хотя, между нами говоря, в жизни ведь нет настоящих абсолютов? У нас с Гретхен есть что-то особенное, но не такое особенное, как у меня с Мией. Я знаю, что это, возможно, сбивает вас с толку, но мои отношения с любовницей не имеют ничего общего с моими отношениями с женой. Они совершенно разные, но и те, и другие ценны. Сегодня не тот вечер, когда я должен думать о Гретхен, но по какой-то причине мои мысли заняты именно ею.

Вчера мы обедали в постели, и Гретхен была одета в темно-синюю шелковую ночную рубашку, которая облегла ее тонкую фигуру, подчеркивая пышную грудь. Она великолепная брюнетка, ей под тридцать, работает в магазине нижнего белья в торговом центре под названием «Я вижу Лондон». Мы познакомились полгода назад, когда я пошел в торговый центр, чтобы убить время, может быть, купить подарок для Мии. Я внезапно обнаружил, что у меня слишком много свободного времени в течение дня, и поход по магазинам казался таким же хорошим занятием, как и любое другое. Я сказал себе, что если увижу кого-нибудь, то объясню, что это исследование клиентов для новой рекламной кампании. Я имею в виду, что только женщины ходят в торговые центры днем, все это знают. Но у меня была деловая причина.

Я забрел в магазин, ломаясь от шелковых нарядов всех оттенков радуги. Как только увидел Гретхен, почувствовал знакомое влечение, треск, электричество — и я понял, что нам с ней суждено быть вместе. Я начал с того, что попросил ее помочь мне выбрать комплект нижнего белья. Мы перешли к обсуждению качества шелка — учитывая мои обширные путешествия по Азии, хотел только самого лучшего и знал, как его определить, сказал я ей.

Ее глаза заблестели в тот момент, стоило мне упомянуть о путешествиях, и я понял, что она клюнула на приманку.

— Позвольте мне отвести вас в отдел элитного нижнего белья, — сказала Гретхен, поворачиваясь и перекидывая свои длинные темные волосы через плечо.

— Я последую за вами куда угодно, моя дорогая, — ответил я, добавив свою фирменную улыбку и подмигнув.

Как будто никого больше не было в магазине, никого больше не было во всем торговом центре. Мы с Гретхен флиртовали по крайней мере час, пока она предлагала мне варианты для рассмотрения, пока наши кончики пальцев слегка касались шелковых вкусностей, пока мы говорили о нашей общей любви к джазовой музыке (да!). Нашей общей мечте переехать на пляж (почему бы и нет?) и провести новогоднюю ночь в Париже (давайте сделаем это). Она была очаровательна, молода, полна энтузиазма, и влечение было сильным, мгновенным. Все вышло случайно, поверьте. Возможно, я оставил свое обручальное кольцо в машине, но это просто несчастный случай.

— Так кто же та счастливая леди, которая наденет это? — спросила она, закончив заворачивать мою покупку в плотную белую подарочную бумагу и завязывая ее красным шелковым бантом. Она протянула пакет мне. Я сразу заметил, что ее пальцы были блаженно безукоризненны.

Тогда я улыбнулся, немного подождав.

— Я надеюсь, тебе белье понравится. Оно для тебя.

Ее прелестное личико в форме сердечка залилось краской, когда я вручил ей подарок.

— Я не могу.

— Можешь. Я настаиваю. Уверен, что на тебе оно будет смотреться чудесно. — Я посмотрел на часы. — Мне нужно бежать. Встреча на работе. Было приятно поговорить с тобой, Гретхен.

Я повернулся, чтобы уйти, гадая, зацепился ли мой крючок. Подошел к двери бутика и уже собирался выйти в торговый центр, когда почувствовал руку на своем плече.

— Пол, подожди. Могу я увидеть тебя снова? — спросила Гретхен. Ее румянец стал еще ярче. — Мне тоже очень понравилось с тобой разговаривать.

Я вытащил из бумажника визитную карточку, новую карточку, с моим мобильным телефоном вместо той, где был мой рабочий номер. Но за исключением этого незначительного отличия это была точная копия моей настоящей визитки «Томпсона Пейн», в комплекте с моей должностью «Директор по обслуживанию счетов». Женщины любят Сумасшедших Мужчин.

— Позвони мне. Мне нужно бежать.

Трудно уйти, когда потоки притяжения так сильны, но, к счастью, именно это я и сделал в тот день. Это делает возможный первый поцелуй намного более страстным и желанным, поверьте мне. Я знаю об этих вещах. Когда выходил из магазина, я увидел Дорис Бун, стоящую рядом с растением в горшке в торговом центре. Она смотрела на меня так, словно я совершил преступление. «Это не противозаконно делать покупки днем в торговом центре, не так ли, Дорис?» Мне захотелось сказать ей. Вместо этого я слабо помахал рукой и поспешил на стоянку. Дорис ничего не видела, сказал я себе тогда. Я всего лишь проводил исследования.

От Гретхен пахнет крепкими духами всякий раз, когда она возвращается домой с работы в «Я вижу Лондон». Она говорит, что французские духи прокачиваются через вентиляционные отверстия, бесцветный ароматизированный газ. Запах ужасный, и я чихаю, как будто пытаюсь посидеть на своей открытой веранде в Лейксайде. Она пытается принять

душ до нашей встречи, до того, как я подойду к ее двери, но иногда просто не успевает, а я совсем не могу ждать. У меня нет выбора. Ее кожа безупречна, губы полные и розовые. Просто думая о ней сейчас, я чувствую, что начинаю возбуждаться.

Но мне нужно сосредоточиться на своей жене. Только сегодня вечером, несколькими минутами ранее, Миа сказала незнакомцу, что у меня не высокий эмоциональный интеллект, что смешно, и теперь она лжет мне о моих детях.

— Как называется фильм, Миа? — Мы на другом светофоре. Красное свечение заполняет машину, когда я поворачиваюсь к ней лицом. Она выглядит испуганной, или, может быть, это просто багровое свечение.

— «Супер Собака», — говорит она. — Это что-то новенькое. Мальчики очень взволнованы. Мы можем позвонить им завтра утром. Без сомнения, они будут в постели еще до того, как мы закончим ужин.

— Давай позвоним им сейчас. Может быть, фильм еще не начался.

Если я ожидал спора, то ошибся.

— Конечно, — соглашается она. — Позвони со своего телефона по громкой связи. Так мы оба сможем разговаривать.

Я достаю свой телефон и набираю номер Клаудии. Индикатор загорается зеленым, когда телефон продолжает звонить, а затем переходит на ее голосовую почту. «Это Клаудия. Оставьте сообщение». Запись ее голосовой почты звучит так же лишённой энергии, как и сам человек. Определенно наркоманка.

— Клаудия, Пол Стром и Миа звонят, чтобы пожелать спокойной ночи мальчикам. Если вы не в кино, пожалуйста, перезвоните нам. Надеюсь, все хорошо. Спасибо, — говорю я в воздух. Я так и не положил деньги на кредитную карточку. Она, должно быть, платит за попкорн и пиццу со своего собственного счета. К счастью, Миа уже позаботилась о билетах. Если они там, напоминаю я себе. Но на самом деле, где еще они могли быть? Моя жена мне не лжет. Я расслабляю плечи и нацепляю на лицо улыбку.

— О, ну, я думаю, ты была права, — я бросаю взгляд в ее сторону.

Миа кивает рядом со мной. Я включаю поворотник, и мы въезжаем на парковку ресторана. Мы на месте.

— Здесь мило, Пол, — замечает она, когда мы останавливаемся перед парковщиком. Не во многих ресторанах на озере есть парковщик. Я рад, что она впечатлена, как и я. Молодой человек открывает дверь Мии, и я наблюдаю за его лицом, когда он оглядывает ее. Неплохо, можно прочесть по его лицу.

— Добро пожаловать в «Чао Белла», — говорит второй парень, открывающий мне дверь.

— Спасибо, — я забираю у него билет и спешу к жене. Обнимаю Мию за талию и смотрю на свою жену, чувствую ее в своих объятиях. Она такая милая и добрая. Почему мой разум воображает, что она делает что-то хитрое? Мы поднимаемся по ступенькам ресторана и попадаем в святилище тусклого освещения, внимательного обслуживания и темных панелей. Я мгновенно доволен своим выбором, своим прекрасным вкусом.

— Это прекрасно, Пол, — восхищается Миа. Администратор провожает нас к обещанному столику у окна, угловому столику с видом на озеро. Мне нужно подсунуть этой юной леди немного денег. Все, что у меня осталось в бумажнике, — это десятидолларовая купюра. Надеюсь, этого достаточно. Когда я протягиваю ей деньги, она кивает и улыбается. Внезапно задаюсь вопросом, взяла ли моя жена свою кредитную карточку. Я смотрю, как

она вешает сумочку на спинку стула, и чувствую облегчение.

— Добро пожаловать, — приветствует мужчина, на вид примерно моего возраста, а также, похоже, наш официант. У него белые волосы, холодные голубые глаза и цвет лица почти такой же бледный, как белая льняная скатерть. Он одет в черный смокинг, черные брюки. Вполне официально. Мне это нравится. — Я понимаю, что у вас особенный вечер. Могу спросить: годовщина, день рождения?

— Нет, просто самый лучший день, — отвечаю я. Миа смеется вместе со мной. Мне нравится этот звук.

— Ну, я бы сказал, что такой повод требует немного шампанского, — замечает официант.

Я смотрю на Мию. Вежливо позволить вашей спутнице ответить.

— Конечно, шампанское звучит чудесно, — соглашается она. — Тебя это устраивает, Пол, или ты хочешь коктейль?

Моя жена тоже такая вежливая, такая милая.

— Я бы с удовольствием выпил с тобой шампанского, дорогая.

— Замечательно, — говорит официант и быстро уходит.

Мы оба смотрим в окно. Я замечаю маяк, примостившийся на скалах, его яркий прожектор предупреждает лодочников об опасности. Когда луч прожектора поворачивается, он оставляет за собой еще большую черноту.

Глава 12

20-00 вечера.

— Так как прошел твой день, Миа? — У меня такое чувство, будто я по-настоящему не разговаривал со своей женой с тех пор, как мы приехали. Пришло время быть вежливым и дружелюбным, чтобы насладиться прекрасным ужином, сидя за нашим специальным столиком на берегу озера.

— Замечательно, правда, — говорит она. Появляется официант, проходит обычный ритуал с шампанским — хлопок и все такое. Как только наши бокалы наконец равномерно наполняются, он уходит. Миа поднимает свой бокал. — Твое здоровье.

— Да, твоё здоровье, дорогая, — говорю я. — И, послушай. Я сожалею о сегодняшнем обеде. Чувствую, это выбило нас из колеи. Мысль о том, что ты работаешь на Джона, вызывает между нами столько стресса. Давай оставим это в прошлом, ладно?

— Конечно. — Миа улыбается, оглядывает зал и смотрит на наших братьев по ужину. — Довольно шикарное заведение для здешних мест. Я рада, что принарядилась.

— Ты выглядишь великолепно, почти так же молодо, как в первый раз, когда я увидел тебя в конференц-зале «Томпсон Пейн».

— Должно быть, из-за освещения. Старый добрый «Томпсон Пейн». Я даже не могу поверить, что ты заговорил о нем. — Миа все еще улыбается, но ее глаза нет.

Мое сердце колотится в груди.

— Почему бы мне не упомянуть об агентстве? Это стало частью нашей жизни с тех пор, как мы вместе.

— О, Пол. Я знаю, тебе должно быть неловко, но не пора ли рассказать мне? — спрашивает Миа. О чем она говорит?

— О чем ты, Миа? — Я делаю глоток шампанского. Теперь припоминаю, что на самом

деле не люблю шампанское, но алкоголь приветствуется. — Ты плохо себя чувствуешь? Что-то не так?

— Вот это я и хотела бы узнать.

— Тогда нет, конечно, все в порядке. Меня трудно сбить с толка, дорогая.

— Ха. Что ж тогда, я думаю, это облегчит наш разговор. Ты хочешь знать, о чем я говорю, Пол? — спрашивает она. — Тогда ладно. Для начала, когда ты собирался сказать мне, что у тебя нет работы?

Бум. Вот оно. Интересно, как давно она знает? Я подозреваю, что Джон сказал ей, но это не имеет значения. Я был готов к этому.

— Это временная ситуация, которую легко исправить. Не хотел беспокоить тебя без причины. Я прошел собеседование и ожидаю предложения со дня на день, — сообщаю я. Видите, простой вопрос, идеальный ответ.

— Дело не в этом. Ты даже не сказал мне, что тебя уволили, — говорит Миа. К счастью, она понизила голос при слове «уволители». Такая ложь.

— К твоему сведению, дорогая, меня не уволили, я ушел сам, — сосредотачиваюсь на том, чтобы излучать вид превосходства. Никто бы меня не уволил.

— Они позволили тебе уйти в отставку, но тебя попросили уйти. Я все об этом знаю, Пол. И о твоей настоящей проблеме с Кэролайн.

Появляется официант и протягивает меню моей жене, прежде чем предложить его мне. Он наполняет наши бокалы шампанским, оба почему-то пустые за такое короткое время. В них почти ничего нет. Меню впечатляет, тяжелое, весом с молоток в моей руке. Он кланяется и отходит от стола. Я делаю большой глоток шампанского.

— Что это может быть за проблема? — удивленно спрашиваю я. Она затевает то, чего не должна делать. Миа больше не является частью «Томпсона Пейн», не была почти десять лет. Миа не знает, что произошло или не произошло с Кэролайн или с чем-то еще. Что бы она ни слышала, это сплетни. Я ненавижу сплетни. Миа была всего лишь скромным копирайтером, работавшим над техническими руководствами. Она больше ничего не знает о мире рекламы. Ничего.

— Пол, ты собираешься заставить свою жену обсуждать твою одержимость молодой женщиной на работе? Seriously? Может, нам просто стоит уйти, — говорит Миа. Она закрывает меню и кладет его на стол.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Что бы ни слышала Миа, Кэролайн — не одержимость. Совсем нет. Она проблема, была проблемой, но теперь все в порядке.

— Этот романтический ужин — часть нашего лучшего дня. Конечно, мы не уйдем. Я упущу из виду тот факт, что ты по какой-то причине автоматически встала на сторону кого-то, кого ты никогда не встречала, вместо своего мужа? И ты веришь тому, что говорит Джон, человек, который завидует мне и моему успеху, а не тому, что я тебе говорю? Я вижу, в каком оказался положении, — я излучаю праведное негодование, делая еще один большой глоток шампанского.

Смотрю на Мию, и она встречается со мной глазами, наши взгляды пересекаются через стол. Кто моргнет первым? Мое меню теперь тоже лежит на столе. Я чувствую, как мои руки сжимаются в кулаки поверх меню.

— Это просто смешно. Я не буду сидеть здесь, пока моя жена извергает необоснованные обвинения. Больше нечего обсуждать мою ситуацию. Давай поговорим о Джоне, его болтливости и его нелепом предложении о работе, которое ты не примешь!

Глаза Мии вызывающе сверкают на меня. Я отвожу взгляд и поворачиваю голову, чтобы осмотреть ресторан. Вижу, как официант топчется на месте, наблюдая, его бледно-голубые глаза обвиняют меня в том, что я придурок. И я такой и есть. Я щелкаю рукой и прогоняю его прочь. Он исчезает.

— Дело не в Джоне. Он даже не тот, кто мне сказал. Ты знаешь, кто это сделал? Дорис Дорис Бун, из всех людей, — высказывает мне она. Теперь ее руки сложены вместе поверх меню, как будто в молитве.

Дорис Бун? Откуда Дорис что-то знает о моей жизни? И если она знает, то кто еще знает? Я вспоминаю Дорис, прячущуюся за растением в торговом центре. Я вижу, как Дорис сплетничает на своем крыльце у озера, вижу, как она приходит ко мне домой, чтобы поговорить с Мией после того, как я уйду на работу. Дорис Бун училась в классе моего брата Томми, когда росла. Похоже, она знакома с семьей Стром. Она всегда была проблемой. К счастью, я преуспеваю в решении проблем.

— Говорят, жена всегда узнает об этих вещах последней, — добавляет Миа. Она говорит это спокойно, без гнева. Я смотрю, как слеза скатывается по ее щеке. Эта единственная слеза смягчает мое сердце, гасит пламя. Я не монстр. Она вытирает капельку кончиками пальцев и делает глоток шампанского.

Бедная девочка.

— О, дорогая, это Кэролайн была одержима мной, и это вышло из-под контроля. Так неловко для всех участников, особенно для меня. Во всяком случае, я в данном случае жертва. Ей нужна помощь. А что касается работы, то пора было уходить. Я работал там целую вечность. Я не сказал тебе, потому что просто пытался защитить тебя и мальчиков, пока не сделаю свой следующий шаг. Это будет отличная работа, лучше, чем что-либо в «Томпсон Пейн». На самом деле, наверное, одна из лучших работ в Колумбусе. И обещаю, я собираюсь объявить о великих переменах. — Медленно тянусь через стол и накрываю ее руки своими. Она не отстраняется. — Все будет хорошо. Разве я не всегда заботился о тебе? У меня есть несколько предложений о работе, которые я обдумываю. Я просто хочу, чтобы все было идеально и здорово. Лучше, чем у всех. И у нас есть твой трастовый фонд.

Глаза Мии впиваются в мои. Я вижу там огонь. Это беспокоит меня, и я пытаюсь перевести дыхание. Напрягаю руки, прижимаюсь к ее рукам на столе. Но не могу остановить то, что она начала. Почему она поднимает все эти темы на свет? Сегодня, из всех вечеров. Может быть, в ее глазах и горит огонь, но теперь она снова зажгла мое пламя.

Но почему она плачет? Ее слезы кажутся настоящими. Миа смотрит прямо на меня. Она не моргает. Мне не нравится то, что она видит, мне не нравится, как она выглядит.

Она совершает большую ошибку. Бросая вызов самому нашему фундаменту, нашей сказочной жизни. Это действительно позор. Сейчас больше, чем когда-либо, она должна сосредоточиться на всем, что есть хорошего между нами.

Рядом с нами сидит компания из четырех человек. Женщины смеются громкими отрывистыми взрывами. Мужчины дают друг другу пять. Разве они не знают, что это романтическое место, тихое место? Я ничего так не хочу, как заставить их замолчать.

Глава 13

20-15.

Требуется больше усилий, чем я готов признать, чтобы игнорировать шумную компанию и сосредоточиться на моей жене. Миа опускает взгляд на стол и убирает свои

руки от моих. Она вытирает вторую слезинку и изучает меня так, словно никогда раньше не видела.

— Это трастовый фонд для мальчиков, а не для нас. Мы не будем прикасаться к нему, — заявляет она.

— Конечно. Без проблем, — произношу я. Почему бы просто не согласиться с ней на данный момент? Мне нужно успокоиться, я должен успокоиться. Пришло время сделать заказ. Нам нужно поговорить о еде и развлечься. Я открываю меню и внимательно читаю.

— Ты голодна? Я умираю с голоду. Слышал, у них потрясающая телятина с пармезаном. О, и для тебя, посмотри на все эти салаты с закусками. Так много всего на выбор. — Это дар жизни. Выбор. Так много. Вы совершаете ошибку, и резко меняете направление. Двигайтесь дальше. Лоис, например, просто ошибка, и теперь я с женщиной, от которой должен был иметь детей. Все остальное — просто фоновый шум.

Официант скользит к нашему столику, старательно избегая встречаться со мной взглядом, и вместо этого сосредотачивает свое внимание на Мии. Он должен. Она прекрасна, моя жена.

— Готовы сделать заказ?

— Я буду салат с лососем, без лосося, пожалуйста, — говорит она официанту.

— Да, конечно, мадам. Может быть, немного ризотто? Вегетарианского? — предлагает он. Если официант и находит заказ Мии таким же нелепым, как и я, это не отражается на его лице. У этого парня просто нет чувства юмора, совсем нет.

— Пожалуй, и спасибо вам, — благодарит Миа.

— Могу я быть вам еще чем-нибудь полезен? — спрашивает он. Что за напыщенный вопрос? Я имею в виду, он — официант. Полезен?

— Нет, я в порядке. Это все, — уверяет она его. Ее глаза блестят, но по щекам не катятся слезы.

Мудак. Кем он себя возомнил?

— Я буду телятину и домашний салат для начала, — говорю, держа свое меню в воздухе. Он берет его, не глядя на меня, и уходит. Надеюсь, он понимает, что теряет всякую возможность получить чаевые.

Я оглядываю элегантный ресторан, накрытые белым льном столы, теперь заполненные блестящими посетителями, женщины в своих лучших платьях и украшениях, мужчины выглядят так, как мужчины выглядят во всех ресторанах такого рода: одинаково издалека. Вблизи, вот когда вы можете определить количество нитей в ткани, покроей куртки. Волны вежливой беседы и взрывы смеха захлестывают нас, когда мы молча сидим в своем углу.

Как загнать себя в угол в ваших отношениях, спросите вы? Я уверен, что вы никогда не были здесь раньше. Ха! Как правило, все начинается с небольших недоразумений, оскорблений, которых не прощают, если хотите знать. И тогда негативные чувства вырастают, как детская башня из кубиков. Один кубик, помещенный немного неправильно, и все рушится. Со своей стороны, я считаю, что был справедлив и всепрощающ. Я стараюсь не цепляться за вещи, быстро ставлю свои кубики, если завершить метафору. Но, честно говоря, для меня это легко. Я всегда знаю, что будет в шахматной партии жизни. Просто нужно думать на несколько шагов вперед. Всегда.

Возьмем, к примеру ситуацию, когда мальчики были младше. Сэм был новорожденным, а Майки — чуть старше двух лет. Оба еще в подгузниках. Тогда это были сумасшедшие дни, беспокойные времена. Я приходил с работы пешком — в большинстве случаев возвращался

домой прямо из офиса, пропуская важные посиделки с клиентами, — чтобы помочь. Миа просто смотрела на меня с темными кругами под глазами и передавала мне то одного ребенка, то другого. Она выглядела ужасно, действительно ужасно. Меня так и подмывало позвать маму на помощь, но я знал, что это означало бы, что открою дверь и маме Мии, чтобы она тоже пришла с ее назойливым неодобрением, а этого мы допустить не могли. Мне нужно было, чтобы они остались в Нью-Йорке, продолжая строить свою империю. Поэтому вместо этого я был рядом с Мией как можно больше. Она когда-нибудь поблагодарила меня? Нет. Разве я держал обиду на нее за это? Конечно нет. Но мы никоим образом не собирались добавлять третьего ребенка к тому беспорядку, который создали. Я помог нам обоим в этом, сказав «нет» другому ребенку. Пусть она и сходила с ума или что-то в этом роде, желая родить девочку.

Так вот, видите ли, я мог бы использовать это время против нее. Но я этого не делаю. Я отпустил все эти грязные, раздражающие годы. Но сейчас она что-то имеет против меня. Это странно. Это не похоже на Мию, и я этого совсем не заслуживаю. Теперь она сидит напротив меня, но не как женщина, которая загоняет меня в угол. Ее поведение не соответствует ее словам. Вместо того чтобы выглядеть сердитой, она просто выглядит грустной. Как будто это я, а не она, ускорила этот поворот в наш вечер, что, конечно, смешно. Это все ее вина.

Она отворачивается от меня и смотрит через стекло на воду, спиной к остальной части оживленной комнаты, ее прекрасное лицо в профиль ко мне. Кажется, она вытирает слезу, но я не могу быть уверен. Она сосредотачивает свое внимание на том, что находится прямо за окном ресторана. Я, конечно, знаю, что озеро где-то там, темное и задумчивое, и маяк с его вечно яркими предупреждениями.

Но когда я приглядываюсь повнимательнее, мое лицо почти касается стекла, я вижу внешнюю террасу, своего рода дополнительную зону со столами и стульями. Я полагаю, что в хорошую погоду и, конечно, днем ресторан расширяется за счет сидячих мест на открытом воздухе. Палуба, которой ресторан должен пользоваться в разгар летнего сезона. Сегодня ночью там никого нет.

Я оглядываюсь на свою жену. Сейчас Миа улыбается. Я вижу ее лицо, полностью отраженное в стекле, свет свечи освещает ее белые зубы, маленький носик, блестящие глаза. Но почему она улыбается? Видит ли она кого-то или что-то, чего я там не вижу?

— Что-то смешное? — спрашиваю. Ее настроение, если правильно понимаю, было злым, а теперь грустным. Улыбка не подходит. Моя жена ерзает на стуле, а затем поворачивается и смотрит на меня. Она подскочила на стуле? Неужели она забыла, что я здесь?

— Нет, ничего, — заверяет она и больше не улыбается. — Пол. Каковы твои планы? Если тебе до сих пор не предложили работу ни в одном рекламном агентстве по всему городу, а я подозреваю, что и не предложат, то ты займешься чем-то другим? Искал другие возможности?

Очевидно, она не слушала, когда я сказал ей, что у меня есть много вариантов. Мне не нравится, что разговор перешел на то, что я не работаю в рекламной индустрии, которую мы оба любим, — а не на то, что я запрещаю ей работать в рекламе. Мой агент сообщил мне, что для меня есть вакансия, в журнале «Коламбус Сити», и больше ничего. Звонок сегодня утром, тот самый, из-за которого мы задержались с отъездом. Мой агент взволнован и считает, что это «идеальное предложение». Но он — идиот, если думает, что это подходящая

работа для человека моего делового положения.

Журнал предлагал мне должность директора по развитию, что звучит надуманно и, вероятно, так оно и есть. Отдел продаж — все десять человек — будут отчитываться передо мной. Да, определенно название должности не соответствует действительности. Я был бы менеджером по продажам в городском журнале. Это не то, что я хочу делать. Это намного ниже моего уровня мастерства. Но, если придется, я возьмусь за эту работу. Временно, пока не найду что-нибудь подходящее. Хотя, конечно, не хочу этого делать, включать эту скромную работу в мое резюме. Но я могу взяться за нее, если придется. Просто напротив меня сидит так много денег, почему я должен так низко опускаться?

— Искал и ходил на собеседования. Как уже сказал, у меня есть несколько предложений, которые я обдумываю. Я рассмотрю их все и выберу лучшее. Скоро я тебе скажу, — отвечаю я. Мой бокал с шампанским давно пуст, и мне нужно выпить. Поскольку официант одновременно игнорирует и ненавидит меня, я, скорее всего, останусь без напитка до конца этой жалкой трапезы. Осматриваю ресторан, ближайшие к нам столики и встречаюсь взглядом с молодой, полной женщиной, которая является официанткой за соседним столиком. Она кивает в ответ на мою волну, как будто сейчас подойдет. Надеюсь, наш официант не предупредил ее.

— Так это и есть твой план? — спрашивает Миа. Ее руки скрещены на груди, и она наклоняется вперед, как директор школы, который позвал вас в свой кабинет, чтобы вы могли выбрать свое собственное наказание. Кто бы согласился с этим? Я бы не стал. — Твое выходное пособие, если ты его получил, уже давно закончилось. Все наши счета почти пусты. Ты не чувствуешь никакой срочности?

Этот ужин войдет в историю как самый длинный. Борюсь с желанием проверить свои наручные часы — это изящные часы смарт-часы, но, если не поверну запястье точно так, как нужно, дисплей останется черным, и я, очевидно, должен нажать кнопку сбоку, чтобы высветить проклятое время. Я тоскую по старым временам часов, которые просто показывали время. Интересно, где мои старые часы из Нэшвилла? К сожалению, я так и не убрал пятно крови с ремешка.

Все в порядке. Я уже знаю, что время течет так же медленно, как и с моим младшим сыном, когда ждешь, пока он выполнит задание. Я ценю терпение как добродетель и аплодирую тем, у кого оно есть, до тех пор, пока они не встанут у меня на пути. Однако вот мы и подошли к вопросу о деньгах/работе. Но все в порядке. Как уже отмечалось, я ожидал этого.

— На самом деле я действительно получил выходное пособие, — говорю я. Это ложь. Когда тебя увольняют, ты получаешь не так уж много. Они дали мне зарплату за два месяца в качестве символического жеста. Только и всего. Тебя просто вызывают в офис идиотки из отдела кадров и говорят, что ты уволен. Ваши вещи упакованы в коробки незнакомыми людьми. Охранники сопровождают вас из здания, как будто вы собираетесь впасть в ярость или что-то в этом роде. Как будто ты знал, что тебя уволят, и принес с собой пистолет. Но ты не знал, потому что эти люди подлые. Нет, я полагаю, они специально не предупреждают, поэтому вы не можете взять пистолет и снести голову молоденькой идиотке — начальнику отдела кадров с опущенными глазами. Я ненавижу людей из отдела кадров. Если подумать, я никогда не уходил по собственному желанию.

Она села за свой стол, указывая на стул перед собой. Ее звали Ребекка Мор. Все пространство позади нее было заполнено растениями в горшках, как в дикой детской, и

пахло удобрениями. Растения загоразивали окно, так что получался бесконечный пасмурный день. Конечно, это была не первая наша встреча. Она позвонила мне почти три месяца назад, чтобы сообщить, что коллега подала на меня иск о домогательствах. Я был ошеломлен. По двум причинам. Во-первых, ее наряд. Я имею в виду, что мы должны были быть лучшим рекламным агентством в регионе, и эта женщина была одета, я не шучу, во что-то из обычного торгового центра. Черные брюки из полиэстера, светло-розовая блузка, которая едва прикрывала ее гигантскую грудь. Ее опущенные глаза подчеркивали черные очки в форме кошачьего глаза. Я чуть не расхохотался, подумав, что творческая команда обманом втянула меня в съемку телевизионной рекламы прямо здесь, в наших офисах. Ребекка Мор не могла работать в «Томпсон Пэйн». Она недостаточно крута.

— Садитесь, мистер Стром, — предложила она, указывая на белое кожаное кресло. Я сел, играя свою роль.

— Зови меня Пол, — сказал я, изливая свое очарование. Оглядел ее офис, пытаюсь найти скрытые камеры творческой группы за одной из пальм в горшках. В любой момент мог появиться один из молодых парней из этого отдела, с волосами, собранными в конский хвост, и он сказал бы: «Мы разыграли тебя, чувак».

— Что-то смешное, мистер Стром? — спросила Ребекка. Я прикусил нижнюю губу, чтобы не расплыться в улыбке. Возможно, это была не коммерческая съемка. Без проблем. К концу встречи она будет в моих руках, мягкая как пластилин, вот что я думал.

— Как долго ты работаешь в агентстве, Ребекка? Добро пожаловать, — произнес я.

По ее язвительному взгляду, склоненной набок голове, понял, что сказал что-то не то.

— Я работаю в агентстве в качестве директора по персоналу уже два года, мистер Стром. Мы вместе бывали на совещаниях. Но это не важно. Это официальное предупреждение. Вы не должны вступать в ненужные контакты на работе с мисс Кэролайн Фишер. Вы должны прекратить приглашать ее на свои проекты. Ей была предоставлена возможность подать на вас иск, но она дает вам шанс, мистер Стром.

Ребекка закрыла папку на своем столе, как я предположил, мою папку, и положила на нее свои очки.

Выпрямился напротив нее и моргнул. Я был не столько шокирован, сколько зол. Как посмела Кэролайн, та, кому я помогал расти и процветать в агентстве, отвернуться от меня? Между нами было что-то особенное. Что-то, соперничающее с нашей с Мией связью. Я знаю, что она тоже это чувствовала. Кэролайн была новичком в агентстве, новичком в городе. Я заметил ее в тот день, когда старый мистер Томпсон показывал ей окрестности. Но на второй день она оказалась предоставлена сама себе. Ей нужен был наставник, кто-то, кто научил бы ее всему, и я с радостью готов был ей помочь. Когда увидел, как она пересекает парковку, я направился к лифту, и, можете догадаться, что в итоге мы вместе поднялись наверх. Только мы вдвоем.

Вы уже знаете, что мне нравится определенный типаж. Худая, молодая, с длинными волосами. Кэролайн подходила по всем параметрам. У нее длинные пепельные волосы, ниспадающие на плечи, зеленые глаза, на работу она ходит в обтягивающих джинсах, на высоких каблуках и в блейзерах. От нее у меня перехватывает дыхание.

— Вы возглавляете клиентский отдел? — спросила она, как только я представился в лифте. — Это работа моей мечты. Я имею в виду, когда-нибудь.

Она покраснела, не уверенная, правильно ли я отнесусь к ее стремлению занять мою должность. Конечно, я не чувствовал угрозы. Только завелся. Действительно возбуждился.

— Ну, чтобы подготовиться к твоему возможному занятию моей должностью, для начала я могу взять тебя поработать над проектом эфирных масел? На данный момент — это наш самый интересный клиент, ориентированный на потребителя. — Я предложил эту позицию, представив, как натираю Кэролайн лавандовым маслом, ее плечи, бедра.

— Это было бы потрясающе, спасибо, мистер Стром, — сказала она.

— Зови меня Пол. — Я пожал ей руку, когда двери лифта открылись, задержав немного дольше, чем положено. Сексуальная энергия пробежала между нами. Многообещающее начало.

А потом — бум. Как только она узнала, что женат, я внезапно стал преследователем. Мы много часов работали над отчетом по проекту об эфирном масле, готовясь к большому выступлению, когда моя секретарша прервала нас, объяснив, что моя жена на линии и это срочно. Это было не так. У Майки поднялась температура, вот и все. Но этого оказалось достаточно. После того, как я ответил на звонок, Кэролайн изменилась.

Я попытался пошутить с ней, положил руку ей на плечо, как делал это до звонка. Она стряхнула ее.

— Пол, я не знала, что ты женат. — Она скрестила руки на груди.

— Да, и что? — сказал я, сосредоточившись на презентации, разбросанной по столу в конференц-зале.

— И дети есть? — Она моргнула своими большими глазами и покачала головой.

Конечно, она была удивлена. Я никогда не встречался с ней в своем кабинете, где выставлены фотографии моей идеальной семьи. А в последнее время у меня вошло в привычку забывать надевать обручальное кольцо. Я заставлял ее быть полностью занятой проектом эфирных масел, настолько занятой, что у нее не было возможности сблизиться с кем-либо еще в агентстве, не было возможности получить реальную информацию обо мне. Но что с того? Так что она не знала о моей семье, но они не имели ничего общего с нами, со мной и Кэролайн.

Мы еще даже не целовались, я не целовал ее полные губы. Я как раз собирался сделать свой первый шаг. Такая упущенная возможность. Она, казалось, не была так опечалена этим развитием событий, как я. Если подумать, она казалась сумасшедшей. Ах, глупость юности. Я знал, что она придет, примет меня в свою жизнь, как только оправится от небольшого шока, вызванного моей женой и детьми. Конечно, она бы так и сделала. Она могла чувствовать притяжение между нами.

Вынырнув из воспоминаний, я сказал:

— У каждой истории есть две стороны, Ребекка. — Выпрямился в кресле и немного наклонился вперед, полный силы и гнева из-за того, что эта женщина несправедливо обвинила меня в чем-то подобном. Она была рангом ниже меня, Ребекка, и должна была называть меня мистер Стром. Кэролайн была на несколько ступеней ниже меня — я подумал об этом, и от образа молодого, красивого тела Кэролайн, обнаженного и лежащего подо мной, у меня по спине пробежали мурашки. Я взял себя в руки и добавил:

— Кэролайн — молодой, впечатлительный младший менеджер по работе с клиентами, едва окончивший колледж и несет бред.

Ребекка снова сделала этот раздражающий, язвительный наклон головы и сказала:

— Так вы отрицаете домогательства?

— Да, — сказал я.

— Вы знаете, что такое преследование, мистер Стром? — спросила Ребекка.

— Конечно, знаю. Вот почему могу с уверенностью сказать, что я ничего подобного не делал. Нет никого, кто любил бы и лелеял женщин больше, чем я, Ребекка. Я продвигал женщин всю свою карьеру. Я предпочитаю работать с женщинами, а не с мужчинами. Это противоположно преследованию. — Я начинал уставать от этой встречи. Я хотел, чтобы она передала мне досье, а потом хотел пойти к мистеру Томпсону и уволить ее.

— Вы звоните ей на мобильный пять раз в день, как в рабочее время, так и по вечерам. Вы пишете ей иногда по пятнадцать раз за день. Вы сердитесь, что она не хочет встречаться с вами, мистер Стром. Вы злитесь, потому что кто-то сказал вам «нет»?

— Чушь. Я звоню ей по вопросам, связанным с работой. Она работает со многими моими клиентами, — объяснил я.

— Вы умны, мистер Стром. Никаких сообщений на голосовую почту, кроме как перезвонить вам, никаких сообщений с угрозами. Только просьбы связаться с вами. Почему это так срочно, чтобы она все время звонила или писала вам? Какая тема, связанная с работой, мистер Стром, может потребовать такого рода постоянного общения даже по выходным?

— Мы очень занятое агентство, Ребекка. Конечно, вы знаете, что клиентам все равно, в нерабочее время или в выходные, если им что-то нужно. — У каждого есть свои потребности, подумал я. Мне было интересно, что нужно Ребекке. К сожалению, она не в моем вкусе. Мы оба это знали.

Ребекка снова надела очки и снова открыла папку. Она, казалось, читала какую-то распечатку, какой-то список.

— Это распечатка звонков с личного мобильного телефона Кэролайн Фишер за прошлый месяц. Она не передавала мне никаких других сообщений от вас и не передаст, если вы прекратите. — Интересно, о чем я забыл, что еще может быть у Кэролайн от меня. Я сглотнул. Ребекка уставилась на меня и ждала ответа.

— Конечно, хорошо. Я немедленно назначу Энди Пула на свои проекты и заменю Кэролайн Фишер. Он отличный парень, на самом деле гораздо лучше справляется со своей работой, чем мисс Фишер. Может быть, ей понравится работать над техническими руководствами? Эти высокотехнологичные клиенты прекрасно работают с нашей молодежью. Вы должны перевести ее туда, — сказал я. — С моими клиентами все будет в порядке. Им понравится работать с Энди.

— Отлично. Так рада, что мы понимаем друг друга, — заявила Ребекка. — Это ваше первое и единственное предупреждение, мистер Стром. Как вы знаете, у нас действует политика нулевой терпимости в отношении дискриминации по признаку пола и сексуальных домогательств. Вы являетесь директором этой компании, и должны подавать соответствующий пример. Вы этого не сделали. К сожалению, без дополнительных доказательств от мисс Фишер я не могу уволить вас прямо сейчас.

Ребекка встала и положила обе руки поверх моей папки. Она уставилась на меня сквозь свои нелепые очки. И продолжила:

— Но уверяю вас, я знаю, что доказательства есть. Если вы подойдете к ней, будете угрожать, звонить или иным образом просто заставите ее провести плохой день в офисе из-за ваших действий, ваша карьера закончится здесь. Понятно?

Я понял, что до этого момента мне никогда не угрожала женщина. У меня появилось новое чувство внутри, и у меня не было для него названия. Внезапно я почувствовал клаустрофобию. У задней стены ее кабинета было слишком много растений в горшках, и

запах был отвратительным, как в заплесневелых джунглях. Растения казались поникшими либо от недостатка солнечного света, либо от переувлажнения, либо от чистой скуки. В остальном ее кабинет остался без украшений. Стены были белыми, полки пустыми, за исключением нескольких книг о кадровой политике и процедурах. Скучные руководства для скучных людей, следующих правилам, таких как она. Все в Ребекке Мор было поникшим, затхлым и раздражающим. Мне не терпелось поскорее покончить с ней. И она ждала моего ответа.

— Понятно, Ребекка, — сказал я, вставая и слегка наклоняясь к ней над ее столом. Она вздрогнула и отступила назад, наткнувшись на свой стул, который врезался в дерево в горшке. Лист пробрался сквозь ее волосы, и это меня обрадовало. Я произнес ее имя так, словно оно было ядовитым. Ядом, от одного присутствия которого у меня во рту язык становился разбухшим. А потом я повернулся и вышел из ее кабинета, не ожидая, что меня снова вызовут туда всего три коротких месяца спустя.

Я сказал себе, что больше не буду помогать Кэролайн Фишер. Действительно, жаль, после всего, что я для нее сделал. После всего, над чем мы работали вместе. Я также напомнил себе, что в агентство потянутся и другие молодые женщины, что у меня замечательная жена, блестящая жизнь и двое сыновей, которых все называли самыми красивыми мальчиками. И, конечно, всегда будет кто-то новый на стороне, кто-то вроде Гретхен, молодой женщины, которая просто пересечет мой путь в нужное время. Хотя я еще не встречался с ней, я знал, что она где-то там. Всегда существовали девушки вроде Гретхен. Я имею в виду, посмотрите на меня. Женщины любят меня, почти все женщины. Но Кэролайн? Она даже ни разу не дала — такая динамщица. Кому нужна Кэролайн Фишер?

Миа прерывает мои размышления.

— Извини меня. Мне нужно попудрить носик.

Конечно, я встаю, когда она отодвигает свой стул от стола. Официант, однако, оказывается быстрее меня и отодвигает для нее стул. Она мило улыбается ему, прежде чем отойти от стола, шелк ее платья цвета шампанского сияет в свете свечей. Я наблюдаю за официантом, как он складывает салфетку и кладет ее на стол, как будто ее там никогда и не было. Он полностью игнорирует меня. Ну и прекрасно. Мои мысли где-то далеко.

Глава 14

20-45.

Оказывается, мне действительно нужна была Кэролайн Фишер.

Это моя вина, знаю. Но я подумал, что, если бы мы могли просто поговорить еще раз, она бы поняла, чего ей не хватает. Прошло более двух месяцев без контакта и два долгих месяца, пока я осторожничал. Или, точнее, два месяца провел в полной боевой готовности, наблюдая, чтобы быть уверенным, что никто не заметит, как я пялюсь на Кэролайн. Ребекка Мор, конечно, не была моей поклонницей, она мне об этом говорила. Я никак не мог знать, кого еще в офисе она настроила против меня, кто еще следил за мной.

Что касается Кэролайн, то, если бы я увидел, как она идет по коридору, нырнул бы в чей-нибудь кабинет прежде, чем она смогла бы меня заметить. Энди взялся за все ее проекты, и переход прошел гладко. Новый кабинет Кэролайн находился на другом этаже здания. Она занималась нашим автомобильными заказчиками со старшим менеджером по работе с клиентами, женщиной по имени Джуди. Прекрасно.

Но по какой-то причине я не мог выкинуть из головы Кэролайн. Например, не мог удержаться от того, чтобы украдкой не взглянуть на нее, когда она каждое утро входила в офис со стоянки. Это было то, чего я ждал с нетерпением, момент, который лелеял, мельком увидев Кэролайн, выходящую из своей машины, выглядящую очаровательно. В этот особенный ноябрьский день в воздухе было прохладно, а до Дня благодарения оставалась всего неделя. Каким-то образом мы оказались наедине в одном лифте. Клянусь, я этого не планировал. Это просто случилось. Интуитивная прозорливость. На ней было облегающее темно-синее трикотажное платье и кожаные ботинки на высоком каблуке, и от нее пахло абрикосами. Она попыталась выйти из лифта, когда заметила меня, но было слишком поздно, и двери закрылись.

— Привет, Кэролайн. — Дружеское, ничем не угрожающее приветствие, но, признаюсь, мой голос был хриплым от желания.

— Пол, — кивнула она, но продолжала смотреть на двери, словно желая, чтобы они открылись.

— Рад тебя видеть, давненько этого не случалось, — сказал я.

Кэролайн не отрывала взгляда от закрытых дверей лифта.

— Да, это так.

— Выпьем сегодня вечером, в память о старых временах? — Это все. Я уверяю. Я мог бы добавить: «Ты выглядишь потрясающе» или «Боже, я скучаю по тебе», но на самом деле это все.

Она повернула голову и посмотрела на меня так, словно у меня выросли рога. Ее лицо было белым, глаза широко раскрыты, как будто она боялась, что конечно, смешно. Как она могла меня бояться?

— Ты невероятен. Ты болен. Ты действительно болен, — проговорила она, и как только Кэролайн вышла из лифта, я понял, что попал в беду.

Ребекке потребовалась целая неделя, чтобы вызвать меня в свое логово, похожее на джунгли, в тот последний раз, вот почему семь дней я убеждал себя, что Томпсон или Пейн спасли меня. Мы были старыми добрыми мальчиками. Мы делали то, что делали, и получили пощечину. Именно так я и думал. В конце концов, я ничего не получал больше двух месяцев, Миа права.

Ребекка погладила толстый зеленый лист на одном из своих растений и ухмыльнулась, когда я подошел к ее столу. Она победила, и знала это.

— Мистер Стром. Присаживайтесь.

Я закрыл за собой дверь, но она тут же открылась снова. Позади меня появился коренастый невысокий парень, одетый в полицейскую форму, взятую напрокат.

— Вы, должно быть, шутите надо мной, — возмутился я.

— Могу заверить вас, что это не шутка, мистер Стром. Все кончено. Вы уволены. Ваши вещи будут отправлены на ваш домашний адрес. Партнеры великодушно дали вам выходное пособие на два месяца, хотя я рекомендовала не делать этого, учитывая тяжесть ваших проступков.

Ребекке это нравилось. Мне нет.

— Проступки. Действительно? Я был преданным сотрудником, я сделал это место таким, какое оно есть.

— Мы здесь закончили. Пожалуйста, проводите его. — Ребекка улыбнулась натянутой улыбкой. Я почувствовал, как сильная рука тупицы обхватила мою руку.

Я стряхнул ее.

— Большая ошибка, Ребекка, — сказал я и вышел за дверь, высоко подняв голову, с улыбкой на лице, пока не добралась до своей машины. Внутри «Флекса» я начал формулировать свой план.

Я подрастратил свои четыреста одну тысячу долларов, не получив премию компании за прошлый год. Я потерял ее, когда меня уволили. Я рассматривал эти деньги как мое выходное пособие. Я много потерял в штрафах, используя свои накопления, но что есть, то есть. Вся эта история случилась, незадолго до Рождества и появились подарки Филлис и Дональда. Я представлял, что мы сможем растянуть четыреста тысяч до следующего Рождества, и снова получить подарки от старых добрых Филлис и Дональда. Тогда это было все, чего я добился. О, и моя специальная кредитная карточка. Теперь я знаю, что это не был надежный финансовый план. Деньги — моя единственная слабость, я уже говорил вам об этом.

Моя жена снова появляется за столом, и я спешу отодвинуть ее стул, прежде чем официант сможет это сделать. Я не дикарь и знаю этикет. Устроив ее поудобнее, один раз похлопываю ее по плечу, прежде чем вернуться на свое место. Она напрягается от моего прикосновения. Нам нужно перейти к нефинансовой теме. Мы завязли в проигрышном разговоре. Мне не терпится сменить тему, чтобы успокоить ее. Она никогда в жизни не беспокоилась о деньгах. Нет необходимости начинать сейчас. У нее уже есть все, что нам когда-либо понадобится.

— У меня есть план, — произношу я, но не знаю, почему только что это сказал. Наверное, это тот угол, в котором я нахожусь. Мой план предназначен только для меня. Я не буду делиться им с Мией. Она скоро все узнает. Возможно, уже сегодня вечером.

— Каков план, Пол? — спрашивает она, доставая салфетку со стола, разворачивая ее, прежде чем она исчезнет у нее на коленях.

Официантка, которой махал, появляется за нашим столиком и думает, что я хочу, чтобы она налила шампанское. Бутылка пуста. Я допил последнюю порцию, когда Миа отходила в туалет. Я хотел бы попросить ее быть нашим официантом, но вместо этого говорю:

— Я буду водку со льдом с лаймом. Миа, а ты?

— Ах, сэр, я позову вашего официанта, — говорит официантка, хотя знаю, что в таком месте, как это, ее обучили и велели помогать, когда ее попросят, что бы ни попросил клиент.

— Миа? Шардоне? — Я спрашиваю.

— Да, пожалуйста, — говорит Миа. Когда женщина уходит, она добавляет: — Пока кажется, что твой план состоит в том, чтобы загнать нас в долги. Я посмотрела сегодня, все кредитные карты исчерпаны — ты знал об этом? У тебя где-нибудь есть тайная куча наличных, о которой ты мне не рассказываешь?

«Ты, дорогая, моя куча наличных», — думаю я, но этого не говорю. Я знаю, что мне должно быть стыдно, но вовсе нет. У нас все будет хорошо. Она при деньгах, и все наладится.

— Ты слишком много думаешь об этом, Миа, — говорю я. — У нас все хорошо, мы — команда. Я позабочусь о своей семье, о своих мальчиках. Я рассчитываю принять предложение на следующей неделе. — Еще я ожидаю, что она улыбнется и кивнет, но она этого не делает. Я возьмусь за эту дурацкую работу, просто чтобы показать ей, что держу все под контролем. Я смягчаю тон, наклоняю голову набок. — Дорогая, я не могу поверить, что ты сомневаешься во мне, после всего, через что мы прошли. Я хороший кормилец, хороший

муж. Ты это знаешь. Все будет хорошо. Так что, как видишь, этот разговор — пустая трата времени. Он вызывает слишком много негативных эмоций. Стресс вреден для тебя, вреден для твоего здоровья. И ты знаешь, как я ненавижу драмы. А теперь давай вернемся к приятному вечеру. Правда ведь звучит хорошо, милая? — Она должна помочь мне погасить пламя. Пожалуйста, Миа. Помоги мне помочь тебе.

Миа наклоняет голову, отражая меня, и скидывает руки в воздух, прежде чем опустить их на стол, когда новый официант, возможно, чей-то помощник, появляется за нашим столиком с моим напитком и вином для Мии. Я доволен. Я решил отказаться от всей этой затеи с работой на Джона. Это больше не имеет значения. Во-первых, она знает все, о чем ей следовало рассказать мне раньше. Во-вторых, ну, у меня действительно есть план.

Я слышу, как Миа с тихим свистом выдохнула. Интересно, что еще она слышала обо мне, о чем еще она собиралась расспросить. Это первая капля дождя, ведущая к проливному ливню, или это маленький душ, эта маленькая ситуация на работе, все, из-за чего она была взвинчена, причина всего напряжения в машине? За этим столом? Вжух.

Мой домашний салат прибывает с легкой помпой, серебряная крышка снята с театральным эффектом. Я откусываю кусочек. Салат темно-зеленый, руккола, капуста и, возможно, даже зеленый одуванчик. Я чувствую вкус сладкого лука и острого голубого сыра. Заправка — соус, не слишком терпкий. Уважение к изысканной еде — важная черта таких успешных мужчин, как я. Я верю в это. Этому искусству мне нравится учить молодых людей, особенно молодых женщин. Гретхен быстро училась.

— Перец для вашего салата? — произносит чей-то голос. Наш официант вернулся из Сибири.

— Да, пожалуйста. Немного, — я встречаюсь с ним взглядом. Бросаю ему невербальный вызов. К счастью для него, он подчиняется. Он быстро находит в моем салате что-то очень интересное, на что можно посмотреть.

— Мэм, вам еще что-нибудь нужно? — он спрашивает. Кто этот парень? Что-то вроде сторожевой собаки для несчастных посетителей ресторана? Если бы она сказала: «Да, мне нужен лучший, добрый, более богатый, более верный муж», смогли бы голубые глаза здесь помочь? Этот тип мужчин есть в меню здесь или где-нибудь еще?

Нет, это не так. Мы все похожи, дамы, просто в разной степени. Мы более чем готовы мириться с вашими эмоциями, пока вы выполняете свою часть сделки. Хорошо выглядите, заботитесь о детях, поддерживаете чистоту в доме, занимаетесь сексом, когда мы этого хотим, и, ради бога, не задаете вопросов о нас или наших мотивах. Никогда так не делайте.

Глава 15

21-00.

Вместо того чтобы заказать лучшую версию меня, моя жена улыбается и говорит официанту:

— У меня все хорошо. Все выглядит замечательно. Спасибо за вашу доброту.

Что, черт возьми, происходит? Ваша доброта? Она потеряла конечность или у нее просто случилась небольшая ссора с мужем? Здесь все сходят с ума, кроме меня. Я откусываю еще кусочек салата и медленно жую, пытаюсь сообразить, какая тема для разговора была бы наиболее подходящей. Мальчики. Нет, они в кино, с няней, и это причина, по которой моя жена испытывает стресс, пока они не вернуться домой, благополучно уложенные в свои постели. Моя работа. Нет. Ее работа. Точно нет. Знаю.

Лейксайт.

— Дорогая, разве ты не рада вернуться в коттедж? — Это безопасная и счастливая земля. Вот почему мы здесь и проводим лучший из возможных дней. — Все выглядит великолепно, и скоро твои сады будут в полном цвету. Даже клубника.

Миа выдыхает. Ее лицо осунулось. Она выглядит ужасно. Она выглядит измученной.

— Я думаю, что первый шаг — это привести коттедж в порядок и выставить его на продажу, — говорит она. Вот в чем теперь ее печаль. Дело не в деньгах. Дело в том, что нам, возможно, придется отказаться от коттеджа. Нелепо. По крайней мере, теперь я наконец-то понимаю. Облегчение захлестывает меня, оставляя только тлеющие угли.

— Нет, конечно, мы не будем продавать коттедж. Я не позволю этому случиться. Все будет хорошо. Я обещаю. Помнишь, когда ты думала, что мы вообще не сможем купить коттедж, но я удивил тебя, решив все вопросы с ипотекой самостоятельно? Пожалуйста, не беспокойся о коттедже, он наш. Все под контролем, — я так счастлив узнать, что на самом деле причина ее страданий не во мне, а в мысли о потере ее второго дома. Она не расстроена из-за моей работы или наших досадных денежных проблем. Она просто не хочет отказываться от озера. Идеально. Она все еще моя милая Миа. Я не могу этого толком объяснить, но мне хочется вскочить со стула, обхватить ее лицо руками и крепко поцеловать, взять ее, прямо здесь, прямо сейчас.

Но это было бы странно даже для Тома Круза — и не в моем стиле. Вместо этого я включаю свою самую широкую улыбку.

— Поверь мне. Этот коттедж будет принадлежать тебе до тех пор, пока ты будешь жить. Черт возьми, мальчики унаследуют его. Это будет семейным достоянием Стромов на протяжении многих поколений, — заверяю я, не добавляя, как у Бунов. Грег Бун был расстроен, потому что я играю в карты лучше, чем он. Бил его каждый раз, когда они приглашали нас на озеро. В этом вся проблема, если вы хотите знать историю. Он назвал меня мошенником. Напротив, мистер Бун, я победитель. Однако в пылу той ночи я мог бы кое-что сказать Грегу, на повышенных тонах. Я знаю, что могу показаться угрожающим, но большую часть времени мой лай хуже, чем мой укус.

— Прямо как Буны, — говорит Миа, как будто снова читая мои мысли. Однако ее лицо мягкое, и она задумчиво делает глоток вина.

Мы с Мией никогда не обсуждали, почему Грег и Дорис перестали приглашать нас на озеро. Это не было похоже на большую ссору или что-то в этом роде, и конечно я не приставал к Дорис, я бы никогда этого не сделал. Я имею в виду, вы ее видели? Обрезанные — короткие волосы, слишком дерзкие, слишком надоедливые. Как уже говорил, единственное, что могу предположить, это потому, что я все время побеждал Грега в карты. Может быть, Миа сделала что-то не так, я не знаю.

— Ты все еще общаешься с Дорис? — Это новое осознание с моей стороны — Дорис и ее роль в моей жизни как здесь, на озере, так и дома, в Грандвилле. И пришло время спросить об этом Мию. Мой салат съеден, вилка на четыре часа на тарелке. Мне приходит в голову, что я не предложил Мии перекусить, но опять же, на ужин у нее салат.

— На самом деле не так уж много, с тех пор как ее дети пошли в частную школу, но она хорошая подруга. Знаешь, это полезно, потому что я не выросла здесь, как ты, как она. Поскольку она всегда жила в Грандвилле, она знает, где похоронены все скелеты, — говорит Миа. Она смотрит в окно, или, может быть, проверяет свое отражение в освещенном свечами зеркале.

— Ты прекрасно выглядишь, дорогая, — я размышляю о ее дружбе с Дорис и о том, какой интерес у нее может быть к тайнам Грандвилла. Обсуждают ли они моего своенравного брата, мою родную семью? Делится ли Дорис своей любовью к шпионажу в торговых центрах с моей женой?

Миа улыбается и, кажется, слегка краснеет, признавая, что я поймал ее на том, что она смотрит на себя. Забавно, но Миа просто не из тех женщин, которые разглядывают себя в каждом зеркале, мимо которого проходят. Я часто восхищался отсутствием у нее тщеславия, за исключением тех случаев, когда мне хотелось, чтобы она уделяла себе немного больше внимания. Однако сегодня вечером ее, кажется, тянет к окну. Я уже проверил. Там, за стеклом, ничего нет. Просто чернильная тьма.

— Я действительно вижу Дорис по соседству и, конечно, здесь, — говорит она. Я понимаю, что жена все еще говорит о Бунах. Интересно. — Я скучаю по тому, как мы проводили с ними время. Они веселая пара и отличные соседи, здесь и дома. Дорис была добра ко мне, несмотря на то, что мы поссорились как пары.

— Да, я уверен, что так оно и есть. А что касается времяпровождения парами, то, это они решили отказаться от совместных встреч. Я так и не понял, почему они перестали нас приглашать. Но эй, я готов к общению с ними, когда захочешь. Может быть, в следующие выходные? Фантастическая четверка, воссоединившаяся как раз к лету, — говорю я. Я великодушен. Прощающий. Беззаботный. Джентльмен.

У Мии отвисает челюсть. Она качает головой взад и вперед, как будто у нее инсульт. Закрывает лицо руками, и я слышу приглушенный звук, похожий на кошачье мяуканье. Она опускает руки на стол. Я протягиваю руку, чтобы взять одну, но она выдергивает ее.

— Фу. Ты просто смешон. Ты знаешь, что воссоединения не будет, и ты в курсе почему. Я придаю своему лицу выражение легкого любопытства.

— Неужели?

— Конечно, знаешь. Грег говорит, что ты жульничал в карты, что, когда вы двое вышли на улицу, чтобы он мог поговорить с тобой об этом, ты накричал на него и замахнулся на него. Ты, паразит, ударил нашего соседа, нашего друга. Вот что ты сделал. Конечно, мы с Дорис понятия не имели, ничего не слышали. Ты вошел в комнату, сказал мне, что пора уходить. Поблагодарил Дорис за прекрасный вечер и оставил ее мужа истекать кровью на задней веранде их дома. Невероятно, — она возмущена.

Теперь я наклоняю голову, моргаю глазами.

— Мне больно, Миа.

Она смотрит на меня, открыв рот.

— Тебе что?

— Ты слышала меня. Не могу поверить, что ты действительно думаешь, что я способен на такое. Грег — мудака, жалкий неудачник, вот и все. Он проиграл в юкре и вместо того, чтобы воспринимать это как мужчина, он рассказывает истории, чтобы выставить меня в плохом свете. Отвратительно. И, дорогая, если ты действительно поверила в его историю, почему ты не спросила меня об этом раньше?

Я останавливаюсь, когда официант подходит к столу вместе с двумя другими официантами. Они ставят наши обеды перед нами и снова с размаху снимают серебряные крышки. Так драматично.

Миа улыбается официанту, а не мне, а затем снова смотрит на меня.

— Я исправляюсь, Пол. Я рада, что мы высказали это в открытую. Разве ужин не

выглядит чудесно?

Она верит мне, моя жена верит мне. Конечно, она верит.

— Что ж, спасибо тебе за это, дорогая. И да, моя телятина выглядит и пахнет божественно. Приятного аппетита. — Я откусываю кусочек своего первого блюда и наслаждаюсь каждым вкусом, взрывающимся у меня во рту. Нет ничего лучше молодого нежного мяса. Салат Мии выглядит как более причудливая версия того, который она ела в «Слоупи» на обед. Жаль, что ее вкусы так ограничены.

Моя единственная жалоба, если это можно так назвать, заключается в том, что нам еще никто не принес хлеба. Я предполагаю, что голубоглазая сторожевая собака должна выполнять эту обязанность, но могу ошибаться. Он снова появляется за нашим столом, и я наблюдаю, как он перчит салат Мии, прежде чем его прерву. Он делает это, перемалывая для нее перец, очень любезно.

— Не могли бы вы принести немного хлеба? — Официант застывает, сжимая в руке мельницу для перца, слегка кивает в мою сторону и уходит. — Похоже, этот официант очень расстроен нашей недавней ссорой. Не хочешь показать ему, что у нас все в порядке? Может, возьмемся за руки, когда он принесет корзину с хлебом?

Миа улыбается.

— А у нас все в порядке, Пол? Я в этом не так уверена. — Ее глаза увлажняются, но она смотрит на свой салат, ее волосы падают на лицо, как экран конфиденциальности.

— Эй, я думал, мы уже оставили это. Разве мы просто не поговорили обо всем? И разве мы здесь не наслаждаемся этой изысканной едой? — Я понижаю свой голос до самого успокаивающего тона. — По-моему, дорогая, мы более чем в порядке. Мы идеальны, — добавляю я.

Появляется корзинка с хлебом, рядом с которой на маленькой фарфоровой тарелочке лежит здоровый кусок масла. Я тянусь за ним, прежде чем не забываю предложить Мии кусочек.

— Хлеб?

Она поднимает глаза, ее шелковистые волосы раздвигаются на пробор, открывая лицо.

— Нет, спасибо. Ты прав. Мы идеальны. Я просто хочу чувствовать себя лучше, становиться лучше. Я устала болеть, вот и все, — говорит она. И снова улыбается. — Конечно, мы в порядке. Давай поедим.

— Давай, — соглашаюсь я. Внезапно я умираю с голоду и не могу дождаться, когда смогу приступить к еде, стоящей передо мной. Миа улыбается и откусывает кусочек салата. У нас все хорошо, так хорошо. Мы оба жуем свою еду, глядя друг на друга сквозь мерцающий свет свечей. Как будто все остальные в комнате исчезли, и мы снова вдвоем, вдвоем против всего мира.

— Ты знаешь, чего мне не хватает? — спрашивает Миа.

— Нет, по чему ты скучаешь? — Она сейчас выглядит такой красивой, такой счастливой. У меня снова возникает желание потянуться через стол к ее руке, чтобы навсегда запомнить этот момент, этот взгляд, но я действительно хочу доесть свое мясо.

— Я скучаю по ощущению беззаботности. Свободе, — делится она. Затем протыкает вилкой горку зелени и кладет все это в рот, слишком поздно понимая, что это слишком много для нее, чтобы справиться. Теперь она прикрывает рот рукой, чтобы продолжить жевать.

Я хихикаю, негромко смеюсь. В тот момент я представил свою жену в образе коровы.

— Ну, ты же сама хотела детей, — замечаю я. — Вы можете поцеловать свободу на прощание, как только они появляются, ты же знаешь.

— Знаю. Но дело не только в мальчиках. Они не заставляют меня чувствовать себя все менее и менее свободной. — Миа смотрит в потолок, а затем поворачивается лицом к окну. Наконец, она поворачивается ко мне. — Я тут вспоминала, когда мы впервые встретились в офисе. Ты был таким бесстрашным. Смело пригласил меня на свидание после того, как мы всего один раз поговорили в конференц-зале, даже когда это было против правил, даже когда ты был старше меня. Что, если бы я сказал «нет» в тот день в своем кабинете? Как бы ты отреагировал?

Миа смотрит на меня с любовью и восхищением, которые я видел на ее лице в день нашей встречи. Взгляд, который сказал мне, что она моя на все сто.

Я лучезарно улыбаюсь ей с другого конца стола. Она такая милая, такая невинная.

— Женщины не говорят мне «нет», дорогая. Ты живое тому доказательство. Как только я обратил на тебя внимание, ты пропала. — Я кладу в рот последний кусок телятины и готовлюсь его смаковать.

Глава 16

21-15.

Я выжимаю максимум из своего последнего кусочка. Вкус телятины особенный, насыщенный, густой. Конечно, каждый раз, когда вы заказываете телятину, она немного отличается, но у нее есть общие черты. Тонкие ароматы, податливая плоть, глубокое наслаждение. Я доедаю свой кусок и улыбаюсь. Вспоминаю соблазнение Мии, как легко это было по сравнению с некоторыми другими в последнее время, особенно с Кэролайн.

Однако Кэролайн чувствовала это. Химию, всплеск. Мою силу. Но сейчас мне нужно сосредоточиться на Мии. Вот актуальная задача. Операция «Заставь Мию Снова Полностью Полюбить Меня Сегодня Вечером». Что с ней происходит? Я удивлен. К чему это путешествие по воспоминаниям? Сглатываю и смягчаю свой подход.

— Ты бы не сказала «нет», Миа, — заявляю я. — Это была мгновенная связь. Сильная химия. Я знаю, ты тоже это почувствовала.

— Почувствовала, — признается она тихим голосом. Я наклоняюсь вперед, чтобы услышать ее. — Но со всеми правилами, ну, если бы я тебе отказала, что бы ты сделал? Ты бы почувствовал смущение? Пытался добиться, чтобы меня уволили? Ты действительно обладал всей властью. Я была новенькой в агентстве. Что бы произошло?

— Я не уверен, что вижу ценность в гипотетических разговорах. Но если бы ты сказала «нет», я бы продолжал спрашивать, пока ты не согласилась пойти со мной на свидание. Я знал, что нам суждено быть вместе. Не мог представить себе другого исхода, — я так хорош в этом. — Наша история — словно любовный роман. Любовь с первого взгляда. Если хочешь, и все это «долго и счастливо».

— Я не читаю любовных романов, но знаю, что большинством людей движут страх и смущение. Большинство парней нервничали бы, приглашая на свидание новую молодую сотрудницу, тем более что на этот счет существуют правила. Но у тебя не было никакого страха, совсем никакого. И ты совсем не чувствовал смущения. Что интересно, — говорит она. Очевидно, Миа закончила запихивать зелень в рот, когда кладет вилку на четыре часа и сдвигает тарелку на дюйм вперед. Безупречные манеры — еще одна причина, по которой я

ее люблю.

— Я знаю, чего хочу, и иду к этому. В этом нет ничего постыдного, Миа. Не для меня, — объясняю ей. — Я такой, какой я есть.

— Верно, — соглашается она. — Я думала, что ты такой уникальный, когда мы впервые встретились. Ты просто поразил меня. Помню, что все время приходили огромные букеты цветов. Ты засовывал сладкие любовные записки в удивительные места на моем столе. Ты покорила меня, как в кино, как в моих мечтах. Прежде чем поняла это, я стала игнорировать своих друзей, свою семью и проводила каждое мгновение с тобой. Я была опьянена тобой. Думала, что ты такой особенный, думала, что ты самый красивый, самый умный, самый романтичный мужчина, которого я когда-либо встречала. А секс... Ну, я никогда не была с мужчиной. Ты научил меня всему. — Миа делает паузу, делает глоток воды. Ее глаза сияют любовью. — Но теперь я знаю, что ты один из тех.

— Один из тех? Что это значит?

— Могу я убрать ваш салат? — спрашивает наш официант Мию, грубо перебивая, когда она явно пыталась что-то сказать, что-то обо мне или о нас, я не уверен.

— Да, спасибо, я закончила. Обойдемся без десерта, верно, Пол?

— Правильно. Телятина была великолепна, — говорю я официанту, который игнорирует меня.

— Кофе? — он спрашивает Мию.

— Пожалуйста, — говорит она.

— Нет, — говорю я в то же время. Он принесет ей кофе, уверен, хотя она в курсе, что я ненавижу сидеть за чашкой кофе. Когда еда закончена, она закончена. Я не люблю задерживаться за столом. Думаю, теперь вы знаете, почему: зеленая фасоль.

— Моя семья и друзья не могли поверить, как быстро я влюбилась в тебя, как быстро мы обручились всего через шесть месяцев после нашего первого свидания, — произносит Миа. — Это действительно быстро. Я бы убила Майки или Сэма, если бы они это сделали. А потом — бац. Я беременна. Все это произошло так стремительно.

— Но это было правильно, — заверяю я. — Я не думал, что это произойдет слишком быстро. Есть ли правило о предварительной помолвке, дорогая? Уверен. Что нет. Когда это правильно, все очень просто.

— У тебя была возможность познать мир, путешествовать, жить самостоятельно. Я же только ушла от родителей, поступила в колледж, и почти сразу вышла за тебя замуж.

«Да, это то, что сделало тебя такой совершенной», — думаю я, но не говорю. Наклоняю голову влево-вправо и слышу хлопок с левой стороны шеи. Зачем она копается в прошлом? Что есть, то есть. Это привело нас сюда. Вот почему я выбрал ее.

— Да, полагаю, у тебя все так и случилось. Но это путь, который выбирают многие женщины, прекрасный путь.

— Даже когда я обнаружила, что ты был неверен во время нашей помолвки, — заявляет она, когда официант подает ей чашку и начинает наливать горячую черную жидкость. Запах напоминает мне об утре, об офисе, о Кэролайн. Я знаю, что хмурюсь. Официант теперь ненавидит меня еще больше. Почему Миа рассказывает о нашем прошлом перед этим незнакомцем с ледяными глазами?

— Сахар? Сливки? — спрашивает он. То, как он это произносит, заставляет меня представить, что он говорит ей: «Свидание сегодня вечером?»

— Нет, спасибо. — После того, как он кланяется и уходит, Миа смотрит на меня и

краснеет. Она должна знать, что я в ярости, что начинается пожар.

— Я не хотела тебя расстраивать, Пол. Просто сейчас, когда мы вместе, решила поговорить с тобой. Ну, на самом деле, последние несколько месяцев я много думала. — Мне не нравится, когда Миа много думает. Я просто хочу, чтобы она сидела дома, заботилась о детях, о доме, радовала родителей и посылала наличные. Ей просто нужно перестать думать и перестать разговаривать с любопытными соседями, такими как Дорис и Бак.

— Дорогая, тут не о чем думать. — Напряженно качаю головой, надеясь, что она просто выпьет свой чертов кофе. Почему она вспоминает бессмысленную связь на одну ночь десятилетней давности?

Она как будто меня не слышит.

— Мы уже разослали приглашения на свадьбу, до церемонии оставалось несколько дней, когда я узнала о ней. Кто-то в офисе оставил эту записку в ящике моего стола: «у вашего жениха интрижка с клиенткой». Я до сих пор помню, как держала в руках карточку, на которой были написаны эти слова. Мои руки дрожали, но даже когда читала ее, я знала, что это правда. Я видела, как ты флиртовал с той женщиной в офисе. Я видела, как она смотрела на тебя.

Мне было слишком стыдно отменять свадьбу. Но ведь ты знал, что так оно и будет? Вот почему ты признался мне в измене, когда я показала тебе записку. Это была игра власти. Ты доказал, что можешь делать все, что захочешь, и я все равно выйду за тебя замуж, останусь с тобой. Все эти годы назад ты уже победил.

Да, я всегда выигрываю. Но все же я понимаю, что сжимаю челюсти. Прошлое — это именно прошлое. Если она хочет заикливаться на нем, может делать это в свое свободное время. Я не чувствую вины за свою интрижку с той клиенткой. Это была последняя гулянка перед старыми добрыми цепями и наручниками. Многие парни так делают. Но я действительно хотел бы вспомнить ее имя. Мне кажется, она переехала в Мичиган или что-то в этом роде. Ну да и ладно.

— Миа, это действительно беспокоило тебя все это время? Как уже говорил тебе, это была ошибка. Я хотел признаться сам, чтобы начать наш брак честно и доверительно. Я не горжусь тем, что кто-то другой добрался до тебя первым, и помни, я извинился на коленях. — Вспоминаю тот неловкий момент в ее кабинете. Я мгновенно решил признаться, возложив вину на клиентку, и попросил прощения у Мии. Это сработало идеально. Я быстро соображаю на ходу, умею перестраиваться.

— Помни, дорогая, она сама пришла ко мне, та клиентка. Ты сама это видела. Моим единственным преступлением была ошибка в суждениях. Я слишком сильно хотел заполучить этот контракт. Это было глупо, и, как ты знаешь, больше никогда не повторялось. И, конечно, наша свадьба прошла без сучка и задоринки. Все получилось, верно? — напоминаю ей. Но я не хочу слышать ее ответ прямо сейчас, поэтому добавляю. — Я рад. Посмотри на нас — мы идеально подходим друг другу. У нас двое замечательных сыновей и лучшая жизнь. Я люблю тебя. Счастливого лучшего дня.

Миа делает глоток кофе, смотрит на меня поверх чашки. Через мгновение она возвращает чашку на блюдце, прерывая наш зрительный контакт.

— Это верно, самый лучший день на свете. Что еще у тебя запланировано для нас сегодня вечером?

— У меня есть еще несколько тузов в рукаве, — делюсь я, вспоминая сигареты в своем

портфеле, спички в кармане. Сюрприз в моем бардачке. — Готова идти?

— Я попрошу счет, — произносит Миа, зная, что может привлечь нашего официанта.

— Мне нужно, чтобы ты дала ему кредитную карточку. Я, эм, забыл сделать этот перевод, — говорю я. Знаю, что мое лицо полно любви и счастья. Я тянусь к ее руке через стол. Она игнорирует этот жест.

— Да, я так и подумала, — Миа, фальшиво улыбается и неловко наклоняет голову. Мы, должно быть, похожи на какую-то чокнутую пару из рекламы хорошей жизни 1950-х годов, все напыщенные и совершенные. За исключением того, что парень не будет платить, я знаю.

— Все будет хорошо, не волнуйся, — заверяю я.

Она качает головой, прежде чем снять сумочку со спинки стула, открывает ее и достает платиновую карту «Американ экспресс», которую я никогда раньше не видел.

— Захватила ее на всякий случай. Слава богу, я это сделала, — говорит она, когда появляется официант, и Миа вкладывает карточку ему в руку.

— Вряд ли это чрезвычайная ситуация, Миа, — произношу я ей, скрещивая руки на груди. — Это временная неудача, как и все трудности в жизни, дорогая.

— О, правда? Как именно ты планируешь решить нашу финансовую ситуацию, Пол? — спрашивает она.

К счастью, прежде чем я успеваю сформулировать ответ, официант возвращается с чеком в черной кожаной папке. Я наблюдаю, как Миа открывает папку, забирает свою платиновую карточку и добавляет двадцать пять процентов чаевых для своей сторожевой собаки, прежде чем нацарапать свою подпись: М. Пилмер.

Глава 17

21-30.

Официально. Это был самый длинный ужин, который пережил со времен фиаско с зеленой фасолью, понимаю я, когда мы стоим у ресторана и ждем, когда подъедет моя машина. Интересно, Миа намеренно растянула наше совместное пребывание здесь... но зачем ей это? Парковка почти пуста, но не совсем. На самом деле есть люди, которые страдают от более длительного ужина, чем я. Замечательно.

— Звезды здесь прекрасны, — говорит она, глядя в небо. — Одна из моих любимых вещей в жизни здесь, на озере. Городские огни не могут их заглушить. Они сияют в полную силу. — Она достает свой телефон, и я смотрю, как она использует свое приложение «Звездочет», чтобы назвать созвездия. Это такое детское занятие, но я невольно улыбаюсь.

— О, смотри, это Орион, — она поднимает экран телефона в воздух, так что теперь видит только его, а не звезды. Нелепо. — Охотник. — Миа отодвигает телефон в сторону, смотрит на меня, а затем снова поднимает глаза к небу.

— На что он охотится? — спрашиваю я. На парковке жутко тихо, только мы вдвоем. Несколько посетителей, все еще оставшихся в ресторане, едва видны внутри, крошечные точки голов в окнах.

— Разве ты не помнишь греческую мифологию? Ты ведь посещал этот курс в колледже в выпускном классе?

— Да, да, посещал, но, боюсь, не слишком слушал профессора, — говорю я, глядя на свою жену. У меня на уме были другие вещи, такие как Лоис. Но Миа этого не знает.

— Орион в некотором роде нарцисс, на самом деле. Он думает, что величайший охотник в мире, но жена Зевса убивает его скорпионом, — рассказывает она. — Созвездие

Скорпиона еще не появилось, оно не покажется до тех пор, пока рано утром Орион не скроется. — Миа не смотрит на меня. Она все еще смотрит в небо.

Я тоже на нее не смотрю. Больше нет.

— Ух ты, падающая звезда! Ты это видел? — восклицает она, хлопая меня по плечу рукой. Наконец, парковщик останавливает нашу машину.

— Извините за ожидание. Кто-то заблокировал вашу машину, и я не смог быстро найти ключи, и извините, — говорит он, бросаясь открывать дверь Мии. Тем временем моя жена все еще смотрит на глупого охотника. — Мэм?

— О, да, простите, — она садится в машину. Я уже внутри, готов отправиться в путь. Парковщик придерживает пассажирскую дверь открытой, без сомнения, в надежде на чаевые.

Миа замечает это и роется в своей сумочке, прежде чем вручить ему купюру. Парень ухмыляется и говорит:

— Спокойной ночи. Спасибо. — Он захлопывает дверцу машины.

— Большие чаевые сегодня вечером, а? — Обычно я ценю хорошие чаевые. Люди узнают, что ты кто-то, если ты даешь хорошие чаевые. Я всегда давал хорошие чаевые. Это то, что должен делать такой мужчина, как я. Однако Мие, не стоит тратить деньги, которых у нас нет.

— Бедный мальчик запыхался, — говорит она. — В любом случае, какая сказочная вещь — увидеть падающую звезду. Она пронеслась прямо через середину пояса Ориона. Жаль, что ты это пропустил.

— Я видел. — Лгу, но не хочу чувствовать себя обделенным. Во время нашей поездки обратно в коттедж мне нужно обсудить еще одну тему, но я надеялся, что Миа к этому времени выпьет больше. Это сделало бы ее более склонной говорить, не задумываясь. Несмотря ни на что, как и большинство женщин, она — пластилин в моих умелых руках.

— Эй, милая, твой отец упоминал что-нибудь о твоём дяде, своём брате? Тот, что живет в Техасе? — Знаю, что вопрос немного не к месту, поэтому добавляю:

— Звезды — штат Одинокой Звезды — напомнили мне спросить тебя о нём.

— Эм, нет, мы на самом деле не обсуждаем дядю Деррика. Ты же знаешь это, — отвечает она. — Почему ты вспомнил о нём?

— О, да так. Просто подумал о нём на днях, на работе — ну, во время собеседования при приеме на работу. Один из крупнейших клиентов агентства базировался в Техасе. Это напомнило мне о нём, — говорю я. — Интересно, как у него дела.

— Он торговец наркотиками или что-то в этом роде. Но всегда был очень веселым на вечеринках, когда я была маленькой, — делится Миа.

Я замечаю, что она держится за ручку боковой двери, как будто предвидит несчастный случай. Это поза, которую вы бы приняли, если бы знали, что в любой момент на вас что-то может наехать.

Она добавляет:

— Я должна связаться с ним, выяснить чем он занимается. Ты прав.

— Нет, не делай этого. Я имею в виду, что никогда не стоит встряхивать генеалогическое древо. И если он торговец наркотиками, мы не хотим, чтобы он был рядом с нашими парнями, — быстро говорю я, мое сердце колотится в груди. — Я просто вспомнил его из-за звезд, вот и все.

— О, хороший аргумент. Никогда нельзя знать наверняка. Он может оказаться

действительно плохой новостью, — соглашается она. К счастью, Миа, похоже, оставила эту тему в покое. Мы наслаждаемся комфортной тишиной до конца поездки обратно в Лейксайд. Я думаю о том, как замечательно не возвращаться домой, не платить няне, а потом не заставлять мальчиков ложиться спать. Я думаю о том, как благостен и спокоен этот момент, когда мы вдвоем в затемненной машине, молчаливо едем вместе. Как будто мы могли бы играть в скрэббл или другую дружескую настольную игру и стареть вместе. «Скучная игра», — думаю я с улыбкой.

Конечно, иногда я представляю, что мог бы продолжать в том же духе, чувствовать себя довольным и заставлять себя верить, что у меня все хорошо. Только мы вдвоем и наши мальчики, похожие на остальных людей, которые работают на скучной работе, а потом приезжают сюда по выходным и ловят судака. Я стану главой отдела рекламы журнала «Сити», хотя меня будут называть директор по развитию. Миа, уставшая работать на дому в агентстве Джона, будет три дня в неделю ходить в небольшой офис Джона Ларсона в Хиллиарде. Она едва заработает достаточно, чтобы покрыть расходы по уходу за детьми, которые понесет, когда клиенты потребуют встреч в офисе и прежде чем мальчики начнут ходить в школу, но она будет чувствовать себя продуктивной. Она будет обедать со своими коллегами — их всего трое, кроме Джона, — и секретарша скажет ей, что Джон влюблен в нее. Она улыбнется глупой женщине и скажет ей, что он просто друг. Она будет мечтать о выходных на озере.

Тем временем в журнале я буду отчитываться перед владелицей, женщиной с видением мыши. Она хочет быть лучшим журналом в городе. Это единственный журнал в городе. Она взбивает свои каштановые волосы, как у грызуна, чтобы они казались пышнее, и вкалывает слишком много ботокса, так что ее лицо застыло в маске искаженного совершенства старения. Она едва успевает подмигнуть, когда провожает меня с собрания директоров и просит выпить с ней кофе. Она проводит своим пастельно-розовым ногтем по моему итальянскому пиджаку, делая это предложение. Я говорю ей, что счастлив в браке, но уверен, что оправдаю ее прогнозы по доходам. Она говорит мне, что ее не волнует доход. Позже, в тот же день, она настаивает на том, чтобы я пошел на неформальную встречу с командой, всего лишь одним из ее многочисленных членов команды. Она удержит меня на моем месте.

Я вздрагиваю и надеюсь, что Миа не заметит. Я никогда не был создан для такой линейной, предсказуемой и обычной жизни. Такие парни, как я, не стареют спокойно. Нет, мы боремся с этим на каждом шагу. Я втягиваю живот — единственный изъян в моем в остальном юном облике. Я как Орион, сияющий в небе. Не подходите слишком близко, или я могу сжечь вас. Выезжая на нашу улицу, замечаю, что наш коттедж освещен и светится, такой же гостеприимный, как у Бунов, а может быть, и больше. Я не знал, что мы оставили так много огней включенными, но, думаю, это так и есть.

Рядом со мной Миа вытягивает руки перед собой, а затем прикрывает рот, зевая. Мне нужно будет убедить ее выпить еще бокал вина или, возможно, чашку чая.

Еще не время ложиться спать.

Глава 18

22-00.

Я слышу шаги Мии наверху. Она в нашей спальне, снимает платье и туфли на каблуках. Я ее не виню. Снова вспоминаю о том, как повезло мужчинам, что нам не нужно ходить на

цыпочках, чтобы привлечь внимание другого пола. На самом деле, у меня никогда не было проблем в брачной игре, как вы теперь знаете, но некоторым женщинам и мужчинам, ну, им нужно использовать все инструменты, чтобы себя продать.

Пока она переодевается наверху, я выхожу на улицу и достаю из бардачка простой белый конверт. Это старый конверт «Томпсон Пейн», стандартного размера, с логотипом агентства и обратным адресом в левом верхнем углу. Просто обычный старый конверт, плотно запечатанный, с чем-то особенным внутри.

Я припарковал машину в гараже, чтобы сделать Мию счастливой, и после того, как заберу то, за чем пришел, мне нужно будет нажать кнопку на стене, а затем выбежать из гаража, не отключив датчики. Если я сохранию этот коттедж, обязательно починю настоящую дверь в гараж. Она была сломанной с тех пор, как мы купили это место. Я нажимаю кнопку гаражной двери и бегу через гараж, перепрыгивая через линию, где луч датчика обнаружит меня, и вырываюсь из гаража в ночь. Каким-то образом мне удалось удержать конверт в руках. Вселенная, без сомнения, снова наверстывает упущенное.

Продолжая бежать, я добираюсь до задней двери в рекордно короткие сроки и врываюсь на кухню. Там пусто.

— Миа? — зову я.

— Я все еще переодеваюсь, — ее голос доносится до меня с лестницы.

— Отлично. Я собираюсь сделать нам по стаканчику на ночь, — говорю я, высовывая голову из-за угла и разговаривая с лестницей.

— Звучит неплохо, — отвечает она, — я спущусь через минуту.

Я быстро достаю два хрустальных бокала. Из винного шкафа — он же шкафчик над холодильником — беру бренди. На самом деле мы не любители выпить после ужина, но сегодняшний вечер особенный. Я наливаю бренди в каждый бокал. Сильный запах ликера щиплет мне глаза. Может ли бренди испортиться? Но у меня нет времени менять курс, поэтому хватаю конверт со стойки и осторожно отрываю угол, одним удовлетворительным движением разрывая надпись «Томпсон Пейн». Обычно я ношу перчатки, но сейчас нет времени на осторожность. Я высыпаю содержимое в бокал, комкаю конверт и бросаю его в раковину.

Рядом с раковиной стоит свеча — ее зеленая клетчатая обертка в стиле кантри кричит «свеча для коттеджа». Подарок, я полагаю, от матери Мии. Я лезу в карман и достаю спички. Чиркаю спичкой, зажигаю свечу, а затем поджигаю конверт. Похоже, бумаге требуется целая вечность, чтобы загореться.

— Пол? Что ты делаешь? — спрашивает Миа, появившись внезапно на кухне и заставив меня подпрыгнуть.

Я поворачиваюсь спиной к раковине, загораживая ее, и говорю:

— Боже, Миа, почему ты так подкрадываешься ко мне? — Я хочу, чтобы конверт закончил распадаться позади меня.

— Что-то горит?

Я снова поворачиваюсь к раковине и вижу, что конверт полностью сгорел.

— Боже, я уронил туда спичку после того, как зажег свечу. Должно быть, это было бумажное полотенце. — Открываю кран, гася пламя, белый конверт теперь превратился в обугленное месиво, которое легко смывается в канализацию. Я мою руки с мылом и вытираю их бумажным полотенцем.

— Медведь Смоки^б гордился бы тобой, — говорит Миа. Сейчас на ней спортивные

шпаны. Они серые и делают ее похожей на ленивую домохозяйку, которая ест слишком много печени «Орео» во время дневного просмотра телевизора. Чтобы завершить ансамбль, она добавила серую толстовку с надписью «Лейксайт», напечатанной на ней белым цветом. Очаровательно.

При виде моего выражения лица Миа издает легкий смешок.

— Знаю, ты ненавидишь видеть меня в спортивном костюме, но сегодня вечером в воздухе немного прохладно. Так мне гораздо удобнее.

— Заметно, — говорю я ей, пытаюсь скрыть свое презрение за улыбкой. — Пойдем посидим, насладимся нашими напитками. Зажжём еще несколько свечей.

— Звучит великолепно, — соглашается она. Я держу ее бокал с бренди и следую за Мией в гостиную.

Достаю из кармана спички и поджигаю три свечи на кофейном столике, затем сажусь рядом с женой на коричневый диван. Как чудесно быть дома, в одиночестве, сидя на нашей новой роскошной мебели, подобранной дизайнером. Здесь мы отдыхаем в гостиной нашего домика у озера, разделяя вечерний напиток после дорогого ужина вне дома. Мы успешная, завидная пара. Я — красив, Миа неплохо выглядит — хотя вы бы этого не заметили, учитывая ее наряд.

— Твое здоровье, — я поднимаю свой бокал с бренди, чокаюсь своим хрустальным бокалом о ее. — За нас.

Миа принюхивается и отшатывается от запаха крепкого алкоголя. Она откидывает голову назад, как будто увидела привидение. Мне кажется, что ее рука, держащая бокал, дрожит, почти незаметно. Так ли это? Я делаю глоток собственного бренди, стараясь не вздрагивать, и улыбаюсь. Конечно, вещество сильное, но она действительно слишком остро реагирует.

— О, да ладно тебе. Знаю, ты не любишь бренди, но это единственный напиток после ужина, который у нас был в буфете. Это особенная ночь. Выпей, милая. Алкоголь поможет тебе согреться, а потом я закончу работу, — я, подмигиваю, делая еще один глоток.

Она слабо улыбается.

— Хорошо, Пол, я попробую. — Я внимательно наблюдаю, как она подносит стакан ко рту.

Раздается стук в дверь. Миа опускает свой напиток, ставит бокал на кофейный столик и с беспокойством смотрит на меня. Это странно. Никто не стучится в вашу дверь после десяти часов вечера, только не в Лейксайде. Даже в Колумбусе.

Глаза Мии широко распахнуты, когда я встаю.

— Оставайся здесь. Я разберусь, — заявляю я. Я храбрый. Я и есть тот самый мужчина. Подхожу к входной двери и включаю свет на крыльце. В лучах ламп оказывается Бак. У него крепкие нервы.

Рывком открываю дверь.

— Знаю, что твоя жена мертва, и ты можешь этого не помнить, но, когда у мужчины свидание со своей женой, приходит сюда нехорошо. Не раньше. Не позже. Какую часть этого ты не понимаешь? — Мои руки уперты в бедра, и я понимаю, что мои слова резки и подлы. Я знаю, и мне это нравится. Он слишком много раз переходил мне дорогу. — Что? Почему ты думаешь, что можешь просто появляться здесь в любое время? Или это из-за клубники? С ней все в порядке. С ней все было хорошо. Ты мне здесь не нужен, мистер Садовод. Так что спокойной ночи.

Я захопываю дверь у него перед носом, прежде чем он успевает ответить. Надеюсь, я ясно дал понять, что ему здесь не рады. Он мог не понять намека раньше, но теперь он его понял, конечно.

Смотрю в окно в форме полумесяца, вырезанное в входной двери, ожидая увидеть спину Бака, когда он убирается. Но он стоит на крыльце и смотрит на меня. Похоже, он не собирается уходить.

— Что за... — говорю, собираясь снова распахнуть дверь. На этот раз я использую кулак, чтобы донести свою точку зрения. Мне нравится эта идея. Миа появляется рядом со мной, хватая меня за руку и открывает дверь.

— Бак, так приятно видеть тебя во второй раз за день, — произносит она. — Что-то не так?

Я киплю, Миа держит мой кулак, хочу ударить Бака, но они разговаривают на моем крыльце.

— Да, вообще-то. На свободе разгуливает грабитель. Шериф приходил раньше, но вас, ребята, не было дома. Думал, что сам зайду передать сообщение, — говорит он. Какой бойскаут.

— Вау, спасибо, что дал нам знать. Может зайдешь, пропустим по стаканчику на ночь и расскажешь нам больше? — спрашивает Миа.

— Я бы с удовольствием, — соглашается Бак. Он делает шаг ко мне. У него крепкие нервы. Я поворачиваюсь к своей жене. Это ее вина, опять. Ей нужно перестать неуважительно относиться ко мне.

— Миа, это наш особенный вечер. Лучшая ночь на свете, только для нас двоих, — говорю я. Выдергиваю свою руку из ее, как ребенок, собирающийся закатить истерику в переполненном торговом центре. Я беру Мию за руку. Я втяну ее обратно внутрь, подальше от Бака, если придется, но также быстро она отходит от меня.

— Да, это особенный вечер, Пол. Но Бак заботится о нашем благополучии. Если по соседству есть проблемы с безопасностью, я хочу знать, что с этим делать, и у Бака есть необходимая нам информация, — объясняет она. Моя жена спокойна, ее лицо покраснелось, но голос тверд. Мы находимся в тупике на нашем переднем крыльце. Миа говорит Баку:

— Входи, пожалуйста. Присоединяйся к нам.

Нет, это не то, о чем вы думаете. Она не имела в виду присоединиться к нам ни для чего, кроме разговора, выпивки после ужина. Мы не свингеры, не люди «альтернативного образа жизни» или «это сложно». Нет, мы выше среднего уровня нормальных людей. Ну, в сексуальном плане я выше среднего. У меня есть дар. Одной женщины просто недостаточно, чтобы справиться со всем, что я могу дать, но я заставляю каждую женщину чувствовать себя особенной. Имеет ли это смысл?

Мне нужно сосредоточиться.

У меня кружится голова, я теряю контроль над своим домом и не знаю, что делать. Мой напряженный ум пытается придумать ответ, когда Бак входит в парадную дверь, вставая между Мией и мной. Я пристально смотрю на свою жену, но она игнорирует мой тяжелый взгляд. Миа провожает Бака внутрь. У меня нет выбора, кроме как тоже следовать за ними. Я захожу в дом, закрываю за собой входную дверь и задаюсь вопросом, что могу сделать, чтобы избавиться от этого нежеланного гостя.

— Выпьешь? — спрашивает Миа Бака, следуя за ним в гостиную. У меня нет другого

выбора, кроме как идти за ней.

— Конечно, что у вас есть? — спрашивает Бак. На нем толстовка с надписью «Лейксайт», такая же, как у Мии. Темно-синяя. На нем потертые джинсы и теннисные туфли, которые на востоке называют топсайдеры. Очень морской, очень раздражающий стиль.

— Пол приготовил мне бренди, но я просто не в настроении, — она, указывает на напиток, к которому не прикасалась, стоящий на кофейном столике.

— Эта штука на вкус как жидкость для зажигалок, — выдает Бак. — Как насчет бокала вина? Красное или белое, я не привередлив.

— Конечно, — говорит Миа. — Пол? Не мог бы ты открыть немного вина и налить Баку бокал? Я тоже выпью один.

«Что происходит?» — Теперь я должен угостить свою жену и нашего нежеланного соседа вином. Мои руки сжимаются в кулаки, пока я не засовываю их в карманы и не растягиваю улыбку на лице. Смотрю на них двоих, когда они устраиваются вокруг кофейного столика.

Глава 19

22-30.

Без сомнения, с приходом Бака в комнате произошла перемена, особенно между мной и Мией, но я не могу понять, в чем дело. Да, Миа пригласила мужчину из дома через дорогу к нам, на наш романтический вечер еще раз. Но дело не только в этом. Я знаю, что это так, но не могу понять в чем же еще проблема.

И она не пьет бренди.

Я шагаю на кухню и достаю из холодильника бутылку сносного пино нуар. Мне все равно, даже если это дешевая бутылка, она для Бака. Я откручиваю крышку — да, это дешево — и наливаю Баку стакан. У Мии есть напиток, которым она будет наслаждаться со мной. Тем же, что и я. Моим.

Прохожу через столовую и на мгновение останавливаюсь. Моя жена и Бак разговаривают, их лица близко, достаточно близко, чтобы поцеловаться, пока я был на кухне. Он сидит в кресле, одном из тех, что стоят напротив дивана. Она находится в другом. Оба кресла синие. И то, и другое используется.

Меня используют.

— Твое вино, Бак, — говорю я, входя в комнату. Миа быстро встает, как будто только что поняла, что оказалась нос к носу с другим мужчиной в моей гостиной. Она подходит ко мне, и мы одновременно садимся на диван.

— Ты принес мне вино? — спрашивает она.

— У тебя есть бренди, Миа, — я протягиваю ей стакан. Она даже не сделала ни глотка.

— Я действительно не думаю, что смогу это выпить, — говорит она. — Просто схожу за вином. — Она встает и выходит из комнаты прежде, чем я успеваю среагировать. С собой она взяла бокал с бренди.

— Позволь мне, — я встаю. Когда я начинаю следовать за ней, Бак поднимается. Мы лицом к лицу, как мужчина с мужчиной. Все, что я могу себе представить, это как ударяю кулаком в его ямочку, или в нос, или...

— Нет, правда, вы оба садитесь. Я сейчас вернусь, — заверяет Миа.

Бак прищуривается, но на его лице появляется улыбка.

— Давай сделаем то, что она говорит, хорошо? — он настаивает. — Не люблю отказывать леди. — Бак не сводит с меня глаз, когда садится на край синего кресла.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, слегка присаживаясь на диван напротив него. Свечи, которые я зажег для нашего романтического вечера, мерцают, искажая лицо ведущего Бака.

— Я пришел предупредить вас о грабителе, — говорит Бак. Он делает глоток вина. — Прелестно. Могу сказать, что он знает, что вино дешевое, знает, что это не совсем красиво — вино, ситуация.

— Чушь собачья, — отмечаю я.

Миа возвращается в комнату, без сомнения, оценивая наше противостояние. Мы, мужчины, хищники. И мы — защитники. Как сторожевой пес — официант за ужином, Бак каким-то образом почуял что-то, запах беды, и он идет по следу, как ищейка. Но он ошибается. И единственным человеком, который может сказать ему, насколько он неправ, была бы Миа, так сказать, предполагаемая жертва.

Мой отец — он был замечательным примером для подражания, как я уже упоминал, — любил эту игру. Противостояние. Если подумать, мне это тоже нравится. Мне понравилось, когда пришлось притворяться перед полицией, что я потрясен, обнаружив своих родителей мертвыми в постели, когда набрал 911. Но теперь вы знаете, что притвориться было легко. Я просто напомнил себе, что это их вина. Им не следовало отказываться от присмотра за детьми прошлой ночью. Это была их единственная роль в жизни — поддерживать моих детей, относиться к ним лучше, чем они относились ко мне. Насколько это может быть сложно? Когда мне пришлось встретиться с Ребеккой в офисе «Томпсона Пейн», я сыграл в эту игру. Любители. Люди пытаются смотреть на меня как на подозреваемого, но я хорош, меня нелегко поймать. Я оттачивал свои навыки с раннего детства, что позволило мне выдержать пристальное внимание Дональда Пилмера, хотя, по правде говоря, ничто не помешало бы Мии выйти за меня замуж, что бы ни говорил или ни выкопал ее старик.

Я спокойно сидел на другом конце телефонной линии от Дональда, ситуация очень похожа на эту, с таким скрытым напряжением, и сказал ему, что женюсь на его дочери. Не столько просил его благословения, сколько поставил перед фактом. Я не вздрогнул, когда он закричал, что еще слишком рано, бесчестно и тому подобное. Мой голос был спокойным и сильным. Я был уверен в себе. Меня воспитывали, чтобы я справлялся с тестами, чтобы перехитрить всех. Моя мама говорила мне, что я особенный, даже когда мой отец пытался выбить это из меня. Поэтому я преуспеваю в ситуациях, подобных этой. Единственная проблема сегодня вечером в том, что я не понимаю, что происходит. Почему Бак здесь?

— Миа, — говорю я, не поворачиваясь, чтобы посмотреть на свою жену. Я выдерживаю взгляд Бака. — Дело ведь не в грабителе? Почему он здесь?

— Хорошо, Пол, — соглашается Миа, а затем я слышу, как открывается ящик, и краем глаза вижу, что она открыла ящик кофейного столика. Я даже не знал, что он есть. Интересно. — Я согласна, что пришло время поговорить. Я должна начать с того, что скажу тебе, что приняла решение.

— И это так называемое решение нуждается в аудитории, помимо меня? — Я все еще смотрю на Бака, но чувствую на себе взгляд Мии.

— Да. Бак здесь, чтобы поддержать меня, как сосед и как мой друг. — Она делает вдох, выдыхает, в то время как кажется, что проходит вечность. — Я много думала, искала себя. Но все равно это так тяжело, — говорит она.

Бак, сидящий напротив меня за столом, улыбается, а затем поняв это, сжимает свою красивую челюсть. Его руки лежат на бедрах. Пальцы неподвижны.

Я не смотрю на свою жену. Я смотрю на пламя свечи, отражающееся в глазах Бака.

— Что ты пытаешься сказать, Миа? — Я не поворачиваю головы, чтобы посмотреть на свою жену. Я продолжаю смотреть на Бака.

Глава 20

23-00.

— Это тяжело, даже несмотря на то, что ты лгал мне о стольких вещах так долго, Пол. — Голос Мии срывается, и думаю, что она, возможно, плачет. Но не могу оторвать свой пристальный взгляд от Бака.

— Ради бога, посмотри на свою жену, — требует Бак. Он качает головой и проигрывает наш поединок, переводя взгляд на Мию.

Я выиграл. Я всегда выигрываю.

— Конечно. Миа, дорогая, о чем ты говоришь? Что тут такого сложного? У нас прекрасная жизнь. — Теперь я ерзаю на диване, чтобы посмотреть ей в лицо. Она плачет — я знал это — но все еще не знаю, что она собирается сказать, но, полагаю, мне любопытно. — О какой именно лжи ты говоришь?

Миа прямо встречает мой взгляд.

— О дяде Деррике? Только сегодня вечером. На том, что должно было стать нашим особым ужином, ты солгал. Я знаю, что ты украл это письмо, Пол. Знаю, что ты ищешь возможность наложить лапы на добычу на полезных ископаемых. Ты пытаешься украсть их у меня.

Миа в роли Шерлока Холмса. Как интересно. Однако эта роль ей не подходит. Она просто недостаточно умна.

Ну, возможно, она действительно знает больше, чем говорит, но это нормально. Я делал то, что делал для нас обоих. Для детей. На будущее.

Мне нужно, чтобы Бак ушел. Сейчас.

— Я не буду обсуждать личные семейные дела здесь с незнакомцем, — я спокоен, но отвечаю за все. Хозяин замка. Тот, кто все контролирует, как всегда.

Я жду, когда Бак пошевелится и уйдет. Но, конечно, у него текут соки его примитивной сторожевой собаки, и он не сдвинулся с места.

— Я хочу, чтобы он остался, — заявляет мне Миа. — Я чувствую себя более комфортно, если он здесь.

— Я чувствую себя более комфортно, если он здесь, — произношу я, подражая своей жене и ее жалкому слабому тону. — Ну же. Ты что, ребенок? Это личные дела, семейные дела, между мужем и женой, и я отказываюсь обсуждать что-либо дальше, пока он не уйдет. — Делаю глоток бренди, и алкоголь обжигает мне горло.

— Пол, тебе нужно успокоиться и позволить Мии сказать, — влазит Бак, садовый гном — мудак — вдовец.

— Тебе нужно вернуться к своей пустой жизни и оставить мою жену в покое, — поправляю я его. Я так близок к тому, чтобы ударить его, что чувствую это, чувствую пульсирующую боль в костяшках пальцев, вспоминая тот удар, когда врезал Грегу Буну, еще одному любопытному соседу. Я бы целился Баку в нос, но был бы счастлив выбить эту дурацкую ямочку. — Если только ты не трахаешь мою жену. Тогда нам нужно обсудить

другие вещи.

— Не говори глупостей, — говорит Бак. Он берет свой стакан с вином и пьет. Похоже, он не собирается уходить.

Я должен был заметить это с самого начала. У них роман. И теперь она признается во всем, рассказывает мне все, хотя это должен был быть наш самый лучший день. Хотя все нормально. Наверное, где-то в глубине души я это знал. Лучше всего проветрить грязное белье, привести его в порядок, а затем продумать следующие шаги. У меня есть свой план, и теперь я знаю, что у нее тоже есть план. Впечатляюще. Миа обыграла меня идеально. Я попался в ее ловушку, как раз, когда она выскользнула из моей. Однако я не позволю ее сюрпризам закончить ночь. Я выиграю.

Но что именно она знает?

Миа кладет передо мной листок бумаги. Я, конечно, узнаю его. Это письмо от ее дяди. То, которое я открыл и спрятал.

— Узнаешь это? — спрашивает она. Коттедж кажется очень тихим. Я чувствую, как Бак наклоняется вперед, глядя на документ.

— Узнаю. Но опять же, почему он здесь? — Я снова спрашиваю. — Почему мы обсуждаем письмо от твоего сумасшедшего дяди в присутствии нашего соседа? Это личное семейное дело, никого, кроме нас, не касается.

Я вижу, как Миа бросает взгляд на Бака. Взгляд, которым она должна была бы одарить меня. Мы здесь одна команда.

— Смотри. Мы сможем поговорить обо всем, как только вернемся домой, — говорю я. — Уже поздно, одиннадцать минут двенадцатого. Мы никогда не засиживаемся так поздно. Я заканчиваю на сегодня, и это значит, что ты тоже, верно, дорогая? — Встаю, притворяюсь, что зеваю, и похрустываю костяшками пальцев. Это плохая привычка, низкопробная привычка, я знаю.

— Пол, я знаю, что ты пытался потребовать мои права на добычу полезных ископаемых, о которых мне писал дядя Деррик, — голос Мии дрожит. Это тяжело для нее. Бедная Миа. Может быть, я расскажу ей небольшую историю, просто чтобы успокоить ее.

— Я просто выяснял кое-что для тебя, но, если ты хочешь изобразить меня преступником, давай, — я прохожу по гостиной, пока не оказываюсь прямо за спиной Бака. Его шея обнажена, как раз в пределах досягаемости, если сделаю шаг вперед. Я чувствую его плоть в своих руках, его шея приятно хрустит.

Миа стала неузнаваемой. Как будто она за одну ночь превратилась в подлую, манипулирующую женщину, которая что-то скрывает от своего мужа. Между тем, Гретхен всегда хорошо ко мне относится. В этот момент я понимаю, что она идеальная женщина для меня. Все начиналось с химии, которая была у нас в тот день в ее магазине в торговом центре. И затем это углубляется, когда я проверяю ее, чтобы увидеть, насколько она восприимчива к моим правилам, моему пути. Выберет ли она меня, например, или вечер кино со своими подружками?

Гретхен не разочаровывает. Она слушается даже лучше, чем Миа. Она носит юбки и платья, как я и просил. Она никогда бы не надела нелепые спортивные штаны, которые делали ее похожей на свинью. Всякий раз, когда провожу с ней время, она дорожит им. Иногда, после особенно интимных занятий любовью, она плачет, когда я должен уйти и вернуться домой. Она подсела на меня, как на крэк. Я знаю, что она хочет большего, заслуживает большего от меня.

Я говорю ей, что люблю свою жену, но Гретхен знает, что между мной и Мией есть проблемы. Я имею в виду, что я с Гретхен каждый день, как можно дольше. Когда мы не занимаемся любовью, мы готовим изысканный обед вместе, потому что, в отличие от некоторых, она на самом деле отличный повар или планируем отпуск в далекие страны. Я рассказываю ей истории о съемках телевизионной рекламы в Голливуде и заверяю, что она пойдет со мной в следующий раз, когда буду на месте. Я вижу, как ее глаза сверкают этими обещаниями. Мы оба знаем, что это всего лишь вопрос времени, я думаю.

Гретхен — причина, по которой мне сейчас удобнее отпустить Мию. Я часто задаюсь вопросом, что бы она подумала о том, чтобы растить мальчиков вместе со мной, хотя еще не спрашивал ее об этом. Она была бы великолепна, я знаю. Она очень терпелива. Я бы купил ей большой дом в пригороде, в другом пригороде, и мы бы вместе растили там мальчиков. Миа никогда больше их не увидит.

О, я не это имел в виду. Не волнуйтесь, просто напряжение, которое я чувствую с этим незнакомцем в нашем доме.

— Пол, — говорит Миа. — Сядь. Пожалуйста.

— Я устал, Миа. Я пытался сделать этот день идеальным, лучшим днем на свете, но ты настаивала на том, чтобы испортить его на каждом шагу. С меня хватит. Увидимся наверху, — говорю я. — И он должен уйти. Сейчас. Я закончил с этой «любовью втроем».

Я делаю шаг в сторону лестницы.

Глава 21

23-30.

Неприятно вынужденно покидать комфорт вашей уютной, дизайнерски оформленной семейной комнаты из-за иррациональной женщины и ее закадычного друга, садового тролля, но обстоятельства не оставляют мне выбора.

Что касается прав на добычу полезных ископаемых, Миа права. Я хочу, чтобы права были на мое имя, и поэтому работал со старым добрым дядей Дерриком, чтобы помочь ему прозреть. Мы почти договорились, Деррик и я, но Мии не нужно этого знать. Дерриком так легко манипулировать. Он верит всему, что шепчу ему на ухо о том, как я близок с его братом, отцом Мии, и как я работаю над их братским примирением.

И так же легко, когда я расскажу ему о притворном предательстве его брата, он поверит мне и захочет убедиться, что никакой другой Пилмер не унаследовал землю. Все начнется с чистого листа со Стромом, этим Стромом, во главе. Я почти довел это дело до конца.

«М. Пилмер». Моя жена подписалась так в итальянском ресторане. Я останавливаюсь у подножия лестницы. Я вдруг вижу все очень ясно. Мой напряженный ум фокусируется на одной вещи. Миа.

Я поворачиваюсь и смотрю на свою жену. Она встречается со мной взглядом. С другого конца комнаты она говорит:

— Пол, я ухожу от тебя.

Я качаю головой.

— Нет, Миа, это не так. На данный момент права на добычу полезных ископаемых стоят не более пятисот долларов в год. Это ерунда. Я просто упрощал вещи, разбирался в них, а потом собирался поделиться хорошими новостями, — говорю я. Мое сердце бешено колотится. Люди не «бросают» меня. Я «ухожу» от людей, когда заканчиваю с ними. Она

сошла с ума. Она завидует той сказочной жизни, которую веду без нее, и я виноват в этом.

— Дело не в правах на полезные ископаемые или дяде Деррике, — сообщает Миа.

Я смотрю, как Бак встает. Он встал между моей женой и мной. Я должен наклониться вправо, чтобы встретиться с ней взглядом, направить ее и научить, как обычно делаю.

— Теперь ты можешь убраться из нашего дома? — спрашиваю я, быстро приближаясь к Мию. Пересекаю гостиную и оказываюсь лицом к лицу с Баком, который вместо того, чтобы уйти с дороги, стал человеческим препятствием между моей женой и мной. Мы одного роста, но у меня больше веса и больше злости. У меня есть огонь.

Что-то встало между нами, дорогая, я думаю, и это чертов сосед.

Я делаю шаг влево. Миа теперь прямо передо мной.

— Что с тобой не так, Миа? Тебе снова нужна помощь? Ты помнишь, как нам пришлось отвести тебя к тому психиатру? Послеродовая депрессия или что-то в этом роде? Ты хрупкая, и тебе нужен покой, — говорю я своим голосом воспитательницы детского сада. — Я не должен был давать тебе так много свободы и пространства. Ты снова заболела. Мне так жаль. Это все моя вина. — Шагаю назад, и ясно вижу свою жену, даже с глупым соседом между нами. Он не двигается с места. Он вообще не двигался. Я решаю поговорить с ним, как мужчина с мужчиной, урезонить его.

— Бак, у моей жены биполярное расстройство. Ну, диагноз не указан, гм, но ясно, что с бредом и тому подобным, ну, это проявляется снова. Прости, что злюсь на тебя, — я опускаю взгляд к его ногам. Я извиняюсь, раскаиваюсь. — Мои извинения. И если ты нас простишь, я уложу ее в постель.

— Как я вышла за такого замуж? — шепчет Миа Баку. Я слышу ее громко и ясно. Ее слова обращены ко мне. Ее слова обо мне.

Я смотрю, как Бак притягивает ее к себе, обнимает за талию. Теперь они оба сомкнулись вместе, лицом ко мне. Мне противно. Я делаю шаг в сторону своей жены, и Бак отступает, как единое целое, как будто они собираются выйти из моего коттеджа. Они этого не сделают.

Я смотрю на Мию, — дрожащую, шепчущую, подлую, одетую в толстовку и спортивные штаны, и мне противно. Как я вообще мог это любить? Немыслимо.

— Послушай, Миа. Ты расстроена, и ты явно получила своего бульдога на своей стороне здесь. Не знаю, что ты сделала, чтобы заслужить это, но ладно. Я не собираюсь представлять, как вы двое трахаетесь. Вместо этого я предпочту радоваться, что у тебя появился новый друг. Вот что должно произойти. Я иду наверх спать. Утром мы поговорим. Никто никого не бросает, понимаешь? То, что у нас есть, — это нечто особенное. Подумай хоть раз о наших мальчиках, почему бы тебе этого не сделать. Мы выпили слишком много вина, слишком много стресса для одного дня, вот и все, — говорю я. Затем поднимаю руки вверх, как будто участвую в ограблении банка, и делаю несколько шагов назад. Надеюсь, я ни с чем не столкнусь.

— Давай, Миа, ты сильная, ты справишься, — подталкивает Бак мою жену, которая вытирает слезу под глазом. Черная река стекает по ее левой щеке. На ней нет водостойкой туши для ресниц. Очевидно, если бы она действительно знала, что будет делать сегодня вечером, то нанесла бы водостойкую тушь. Бедная Миа. Она под чарами Бака.

Словно прочитав мои мысли, Бак говорит:

— Теперь ты все контролируешь, Миа.

Глупый человек. Он не понимает, что я обладаю властью над нами обоими. Ее силы не

существует. Я начал забирать ее в тот момент, когда мы встретились.

Миа подавляет рыдание, как бы подтверждая мои мысли.

Она выглядит ужасно. По ее щекам стекают потеки туши, а нос пузырится от соплей. Она открывает рот, как будто хочет что-то сказать, но ничего не выходит. Миа поворачивается и зарывается липким лицом в толстовку Бака с надписью Лейксайд.

Почему бы им просто не трахнуть у меня на глазах? Я удивляюсь. Без разницы. На данный момент мне на самом деле все равно. Я хочу подняться наверх, в свою спальню. Хочу перенастроить некоторые вещи. Я поднялся на три ступеньки из гостиной, когда эта дурочка заговорила. Останавливаюсь и поворачиваю голову, чтобы посмотреть на свою жалкую жену.

— Пол. Я стою большего, чем это, большего, чем то, как ты со мной обращаешься. Я была верной, любящей женой и матерью. Я делала все, о чем ты меня просил, и даже больше. Я отказалась от своей карьеры, от своих друзей, от большинства контактов с семьей, и все это ради тебя. Когда-то я любила тебя, Пол. Глубоко и всем сердцем. Но ты больше не заслуживаешь этой любви. Я покидаю тебя, начиная с сегодняшнего вечера. У меня есть документы на развод, там, на кофейном столике. И я хочу, чтобы ты убрался из этого дома, — Миа произносит эти очень сильные слова очень тихим голосом. Она указала на меня пальцем, но это усилие, похоже, уничтожило ее. Она снова прислоняется к Баку. Садовый гном, который подговорил ее на это, теперь я понимаю. Конечно, она никогда бы не предприняла ничего подобного, если бы кто-то ее не подтолкнул. Вот почему я держал ее родителей подальше от нас. К сожалению, я недооценил Бака. На самом деле, я вообще о нем не думал. Моя ошибка.

— О, Миа. Я боюсь, что твой план просто не работает для меня. Это мой коттедж. Ты моя жена. Возьми себя в руки, — я качаю головой глупой женщине, поворачиваюсь и продолжаю подниматься по лестнице.

Глава 22

Полночь.

Я все еще качаю головой, когда поднимаюсь по лестнице своего коттеджа на озере.

Конечно, собственный капитал Мии больше, чем мой. Ее папочка стоит больше, чем вы, я и штат Теннесси вместе взятые. Ну и что? Богатство можно измерить столькими вещами: интеллектом, социальным взаимодействием, способностью к продажам и, ну, и многим другим. Интеллект — это выбор правильного костюма, идеальной машины и молодой жены, все это создано для того, чтобы вы выглядели наилучшим образом. Мужественно. Завидно.

Цель состоит в том, чтобы найти свою вторую половинку, а затем убедить ее, что она тоже нашла свою. То, что у Мии имелись деньги, было бонусом, вот и все.

О, кого я обманываю? Мы уже так хорошо знаем друг друга. То, что Миа родилась в богатой семье, было для меня всем. Я хорошо умею находить деньги, привлекать деньги, как вы могли заметить. Я не так проницателен в том, чтобы сохранять их, создавать богатство. Но теперь, когда у меня есть Миа, мне больше не нужно беспокоиться о деньгах. Вот почему я могу возиться с красоткой, хотя Гретхен бедна. Миа — мой золотой билет. Так что на самом деле эта незначительная слабость — моя страсть к трате денег — была преодолена. Из всех слабостей мира я бы выбрал именно эту. На самом деле это даже не слабость. Я просто чересчур щедр. И теперь я могу себе это позволить, благодаря моей маленькой

копилке Пилмера.

Я останавливаюсь на верхней площадке лестницы. Прислушиваюсь. Стены моего коттеджа, как я уже замечал, довольно тонкие.

Что имела в виду Миа, говоря о том, что я плохо к ней отношусь? Я лелеял ее, заботился о ней, подарил ей сыновей, которых она обожает. Что она пытается мне сказать? Я слышу, как Миа всхлипывает. Неужели это я слабак, раз убегаю? Возможно, так оно и есть, но во всем виноват Бак.

Почему они вместе, когда мои дорогие часы подтверждают, что уже полночь? Как я позволил своей семье настолько выйти из-под контроля, выйти из-под моего контроля, что моя жена находится с другим мужчиной в моей гостиной, а моих мальчиков нельзя беспокоить? Как это случилось? И, на самом деле, теперь, когда это произошло, разве я, ответственный родитель, не должен быть тем, кто вернется домой, чтобы забрать детей?

Если она бросит меня, она бросит их. Никому не нравится мать, которая пренебрегает своими детьми, особенно мне.

— Миа, мне так жаль. Давай оставим бумаги. Ты можешь остаться у меня дома, — предлагает Бак, его голос совершенно ясно слышно с того места, где я стою на лестничной площадке.

Отлично сыграно, Бак. Хотя любой мужчина, который захотел бы мою жену в ее серой полноте и рыдающей печали, — слабое, жалкое подобие мужика.

Миа говорит:

— Я так много хочу ему высказать. Какой нормальный мужчина скажет своей невесте, что у него роман с клиенткой за несколько дней до свадьбы, но уверит, что все еще любит ее, что это просто интрижка? Он действительно убедил меня в то время, что она навязалась ему. Кто так делает? И почему я все-таки вышла за него замуж? Я никогда не должна была верить ничему, что он мне говорил.

Я их не вижу, но представляю, как она колотит его кулаками в грудь, как это делают актеры в «Днях нашей жизни».

— То, как ты относишься к своему супругу, — это и есть ты. Он плохой человек. Ты заслуживаешь заботы, поддержки и любви. Не контроля, обмана и подавления. Ты же знаешь это, — говорит Бак.

Ну, на самом деле, она именно в этом нуждается, Бак. Есть причина, по которой я выбрал ее. И Лоис. И Гретхен. Я знаю таких, как они. Это так, как если бы я родился с экстрасенсорным восприятием людей, которыми могу управлять. В частности, женщин, которых я могу контролировать. Я чувствую их запах, чую их. Я знаю это с той минуты, как мы сталкиваемся друг с другом, с теми, кого я могу заполучить. Точно так же, как меня можно отнести к определенному типу, таковы и они, только они этого не знают. Кстати, я никому об этом не рассказываю, поэтому, пожалуйста, ничего не говорите и не делитесь моими секретами.

Бак ошибается и в другом. Не то, как вы относитесь к своему супругу, показывает людям, кто вы есть. Все дело в том, как ты относишься к себе, насколько ты заботишься о себе. Миа стала безвольной со мной. Это ее вина, а не моя.

— Пол. Пожалуйста. Я знаю, что ты слушаешь с верхней площадки лестницы. Между нами все кончено. Мне нужно отдать тебе эти бумаги, тебе нужно их подписать, а затем я хочу, чтобы ты ушел. В противном случае я вызову полицию, — грозит Миа.

По очевидным причинам я не хочу, чтобы здесь появились копы. Хотя никогда не

знакомился с ними, и меня не волнуют полицейские управления провинциальных городков, заполненные провинциалами, я бы просто предпочел не встречаться с ними сегодня вечером. Знаете, когда вы начинаете попадать в поле зрения полицейского управления, даже если это крошечная полиция Лейксайда, это может стать проблемой. Голос Мии твердый, угрожающий. Сегодня вечером, в этот момент, я не думаю, что она блефует.

У меня нет выбора. Я начинаю спускаться по лестнице. Эта неудобная ситуация. Вдвойне неприятная из-за того, что ее создал симпатичный мальчик в углу. Красивые мальчики всегда преследовали меня. Я был таким же красивым, заметьте, просто не был оснащен необходимыми вещами. Они, казалось, знали, что у меня нет подходящих штанов, чтобы ходить в танцевальный клуб в шестом классе, или денег на лучшее оборудование для футбола в седьмом. Моя мама отличалась от других мам-добровольцев, была менее собранной, всегда нервной, второсортной. Моя семья всегда находилась на ступень ниже остальных семей в моей группе друзей. Я был бедным мальчиком. Несмотря на то, что мои родители хвастались тем, что переехали в Грандвилл, купив свой первый дом в том, что они считали лучшим пригородом в городе, когда он еще им не был, я остро осознавал, что мы жили в самом дешевом доме из всех по соседству. Я знал, что мы едва сводим концы с концами. С каждым ударом я повторял себе: я никогда больше не буду бедным мальчиком. Никогда.

Я чувствую, как мои руки сжимаются по бокам. Я работаю над тем, чтобы открыть их к тому времени, когда достигну нижней ступеньки лестницы. Растягиваю улыбку, сверкая своими идеально белыми винирами.

Глава 23

00-15.

Бак смотрит на меня с позиции силы, прихорашиваясь, как петух, выигравший петушиный бой. Он дурак. Разве он не знает, что все животные умирают в этих играх? Он снова занял свое место, стоя между мной и моей женой. Я не могу поверить, что они оба одеты в свои дурацкие одинаковые толстовки с надписью: «Лейксайд». Они это тоже спланировали?

— Пол, сядь, — он указывает на место на диване. Я бросаю ему вызов, маленькая победа, и сажусь в ближайшее синее кресло. Я устал. И скучно с ними. Я зеваю.

— Мы тебе не надоели, Пол? — спрашивает Бак.

— Самоуверенный засранец, да, это про тебя, — говорю я.

Миа делает шаг вперед, ближе ко мне. Она вернулась. Я думаю, что вернул ее. Улыбаюсь своей самой обаятельной улыбкой и чувствую, как ее тянет ко мне. Я — магнит. Почти могу протянуть руку и коснуться ее руки, когда она указывает на документы на столе. Ее красное, покрытое пятнами, залитое слезами лицо выглядит отвратительно в свете свечей. Но я все еще люблю ее, бедняжку.

— Пол. Вот соглашение о раздельном проживании. Мне нужно, чтобы ты подписал его, а затем ушел и отправился в гостиничный номер, который я забронировала для тебя в гостинице «Лейксайд». Все твои вещи уже доставлены туда, — сообщает Миа. Ее голос тихий, дрожащий. Я думаю, может быть, Бак уговорил ее на все это нелепое действие. Когда мы снова останемся наедине, я все улажу. Она встает и пятится, останавливаясь рядом с Баком. Оттуда она добавляет:

— За исключением пары вещей, которые тебе не понадобятся.

Как она смеет рыться в моих вещах? Когда у нее вообще было время? Когда я ездил в магазин, покупая для нее товары из ее списка покупок, просто чтобы сделать ее счастливой? Сука. Но все равно, я уверен, что в моих вещах нет ничего примечательного. Небольшая папка о тexasской земле, вот и все. Я снова задаюсь вопросом, что еще она знает, что заставляет ее пойти на этот шаг.

— Миа, ты меня удивляешь. Ты стала хитрой. Коварной. Планирующей. Все, что ты ненавидишь в этом мире. Bravo, — говорю, поднимая невидимый бокал в шутовском салюте. — Я хорошо тебя научил.

Миа качает головой. Я не знаю, что делать дальше. Она рылась в моем портфеле? Что у нее есть? На мгновение мое сердце колотится в груди, когда думаю об особом конверте. Я с облегчением вспоминаю огонь в раковине.

Миа возвращается к столу, подходит ближе ко мне, держа ручку.

— У тебя останется дом в Колумбусе в качестве основного места жительства, так как он был твоим, когда мы поженились. Коттедж будет моим. Ты увидишь, что я более чем справедлива во всем.

Интересно, сколько дорогих нью-йоркских адвокатов ее папочки занимались этими документами. На самом деле это не имеет значения. Знаю, что их будет трудно обойти или оспорить. Я подпишу конец моей денежной кормушке.

Если подпишу.

Я притворяюсь, что Бака нет в комнате, и обращаюсь только к Мии.

— Послушай, дорогая, уже поздно. Мы все устали, немного взвинчены. Почему бы мне не пойти в гостиницу, и мы сможем все это изучить утром? Как тебе такой план?

Миа смотрит на Бака, Бак уставился на меня.

Он говорит:

— Нет. Так не пойдет. Нам нужно, чтобы документы были подписаны сегодня вечером. Я не верю, что ты вернешься. Я не верю ничему, что ты говоришь.

— В любом случае, кто ты такой и почему ты здесь? — Я спрашиваю в сотый раз за сегодняшний вечер, снова вставая. Миа отскакивает назад и прячется за Баком. Огонь в моей душе начинает разгораться. — Я хочу, чтобы ты немедленно убрался из моего дома. Это касается только меня и моей жены.

— Пол, успокойся. — Она снова шагнула ко мне. Бак останавливает ее, кладя руку ей на плечо. Она поворачивается и смотрит на него снизу-вверх. Предательница.

— Можно я? — спрашивает он у нее.

Миа взирает на него, как потерявшийся щенок, и молча кивает в знак согласия. Очевидно, что моя дворняжка нуждается в небольшой дрессуре.

Теперь очередь Бака сделать шаг ко мне, встав между Мией и мной, его любимая поза сегодня вечером.

— Сядь обратно, и я тебе все расскажу. А потом ты подпишешь и уйдешь. Ты даже можешь вернуться в Колумбус сегодня вечером, если тебе так больше нравится.

Это интересная идея. Может быть, я так и поступлю. Вернусь домой, наслаждаясь поездкой без глупостей Мии на пассажирском сиденье. Она может застрять здесь с Баком и ее клубничными малышками. Я буду дома к трем, заберусь в постель и проснусь утром с мальчиками. После того, как Клаудия уйдет, я начну объяснять, почему они никогда больше не увидят свою маму. У них будет новая молодая мамочка — брюнетка по имени Гретхен.

Или, если по какой-то причине я ничего не смогу вытянуть из Мии, возможно, найду другую женщину с деньгами. Все уладится. Я знаю женщин. Это мой любимый предмет.

Я думаю об этом варианте. Новая, богатая любовница. Заманчиво. Особенно если я соглашусь уйти, и Миа заберет большую часть активов. Я уверен, что это есть в документе. Она не знает о второй закладной на дом в Колумбусе — некоторое время назад мне понадобились экстренные средства. Без рождественских подарков Дональда или, казалось бы, бесконечного потока денег Мии от ее родителей, с наличными у нас с мальчиками будет туго. Кроме того, я помню, что у них есть трастовый фонд. Я улыбаюсь и сажусь в свое любимое кресло, а Бак садится в другое синее кресло. Гретхен могла бы работать, пока у меня есть трастовый фонд для мальчиков. У меня есть выбор, много вариантов, гораздо лучших, чем этот.

Миа, кажется, прячется в углу, пойманное в ловушку серое существо. Она похожа на крысу, подлую крысу с блестящими глазами-бусинками. В комнате жарко, я чувствую, как по спине стекают струйки пота, и я единственный, на ком нет нелепой толстовки с надписью: «Лейксайд». Почему Бак тоже не потеет? Он кажется спокойным, слишком спокойным. Он наклоняется ко мне, уперев локти в бедра, его точеный подбородок лежит поверх сцепленных рук. Я борюсь с желанием ударить его прямо здесь и сейчас.

Любопытство останавливает меня от того, чтобы ударить его в эту же секунду. Мне нужно услышать, что скажет старый добрый Бак.

Глава 24

00-20.

Бак говорит:

— Я знаю, что ты искал обо мне информацию в сети, пытаюсь выяснить кто я, не так ли, Пол? Не нужно отвечать. Миа сказала мне, что вы делали это вместе. Что ты нашел?

— Не так уж много. Только то, что ты продал свою компанию. Твоя жена мертва. Кроме этого, боюсь, у тебя не очень примечательная жизнь, — говорю я ему. Если вы загулите Пола Строма, то получите страницы с похвалами. Награды за рекламные кампании, которые я помогал проводить, гражданские награды за общественную деятельность, в которой участвовал, и, конечно же, ссылки на моего очень известного тестя. Я весь в Интернете, как и должно быть. Конечно, еще я появлялся в некрологах моих родителей, любимый сын, который жил по соседству. Такой преданный. Я не упоминал Тома. Он не заслуживал признания, призрак.

— Некоторые люди предпочитают оставаться в тени, — заявляет Бак. — Моя компания, которую я продал в прошлом году, занимается обеспечением безопасности для состоятельных людей. Ни я, ни мои клиенты не желаем никакой личной огласки, и мы допускаем только очень тщательно контролируруемую публичную информацию о себе в сети.

— О, так ты что-то вроде шпиона? — Я оказался прав насчет него. Мои инстинкты тонко настроены. Я остаюсь на шаг впереди этой имитации Джеймса Бонда.

— Вообще-то, бывший спецназовец, но сейчас это не важно. Что тебе действительно нужно знать, так это то, что мы наблюдали за тобой, — сообщает Бак. — Уже некоторое время.

Ближайшая ко мне свеча гаснет, струйка темного дыма возвещает о ее кончине. Другая, в середине стола, сгорела некоторое время назад. Остается только одна свеча, мерцающая на

кофейном столике. В углу я вижу, как Миа открывает сервант и достает еще одну свечу. Это рефлекс. На озере Лейксайд часто бывают сильные грозы, которые могут отключить электричество на несколько часов или дней. Мы запаслись свечами, и они разбросаны повсюду. Конечно, сегодня безоблачный вечер, и свет горит, хотя и приглушен, по иронии судьбы, мной для нашего романтического вечера с напитками.

Я снова сосредотачиваю свое внимание на Баке и его объявлении о «спецназе». Понимаю, что это угроза. Предупреждение не переходить к рукоприкладству, но у меня все еще горит огонь в моем сердце. Иногда ярость может одолеть натренированность.

— Ты следил за мной? Как очаровательно. Почему? — Он знает, что я не нахожу это очаровательным, но еще я немного встревожен. Что-то в глубине моего сознания пытается вырваться наружу.

— Потому что с того момента, как встретил тебя, я знал, что что-то не так. Действительно не сходится. Грег подтвердил это. Ты помнишь своего бывшего друга, Грега Буна?

Что это с этими идиотами, Бунами? Почему они не могут заниматься своими делами?

— Грег Бун — отъявленный неудачник. Неудачник, и точка, — отрезаю я.

— Как бы то ни было, у меня есть ресурсы, чтобы проверять людей. И ты не тот, кем кажешься. Или, точнее, соответствуешь лишь одному проценту.

Я не думаю, что Бак имеет в виду доход. Очевидно, он должен быть в курсе нашего нынешнего финансового положения.

— Один процент?

— Классический злобный нарцисс, возможно, психопат. Все определения действительно сливаются воедино, но это ты. У тебя нет совести, есть психологическая потребность во власти и контроле, и ты думаешь, что ты важнее, чем кто-либо другой. Ты заманил Мию в свои сети, когда она была молода и неопытна. Ты постоянно лжешь, и тебе не стыдно. Ты ведь не согласишься ни с чем из этого? — говорит Бак. Он делает паузу, и мы улыбаемся друг другу.

Чего он ожидает? Должен ли я притвориться шокированным? Я знаю, кто я такой. Я особенный, уникальный.

— Как скажешь, Бак. Почему думаешь, ты так много знаешь об этом? Нужно знать одного, чтобы понять другого, я прав?

Бак не отвечает мне, просто качает головой, когда моя жена появляется у него за спиной. Ее рука лежит на спинке кресла, но я знаю, что она хочет коснуться его плеча. Лучше бы ей этого не делать. Она знает, что ей лучше не прикасаться к нему так при мне. Никогда. Я пристально смотрю на нее. Жду, что она совершит большую ошибку.

— Я попросила Бака помочь мне, потому что думала, что схожу с ума, — говорит Миа. Она подходит к кофейному столику, где мы почти наедине, но держится как можно дальше от меня. Она зажигает новую свечу пламенем старой, ставит ее в подсвечник и садится на диван, гораздо ближе к креслу Бака, чем ко мне. Она капнула воском на стол, как небрежно.

— С тех пор как мальчики пошли в школу, я чувствовала себя такой не... собой, такой зависимой. Если бы ты выпустил меня из дома, может быть, все было бы по-другому, но не знаю. А потом я заболела. Но это не имеет значения. Проблема в твоём поведении. Я имею в виду, что со мной такого плохого, что тебе пришлось искать любовницу во время нашей помолвки, а потом и во время нашего брака? Сколько их было, Пол? Ты лжешь обо всем,

пытаешься украсть мои деньги? Как ты заставил все это выглядеть так, будто это моя проблема? Как будто со мной что-то не так. Я просто не понимала. Я была заперта в том мире, который ты создал как в тюрьме. Это ты сумасшедший, Пол, а не я.

— Так вы двое трахаетесь? — говорю я, смотря сначала на мою жену, а затем на Бака. Я веду себя вызывающе как подросток в спортивной раздевалке, знаю. Это, чтобы вывести их из себя. Это работает.

Миа прикрывает рот рукой. Ее глаза выпучиваются на меня. Ха. Бак начинает вставать. Он нападет на меня? Миа поднимает руку, и он остается сидеть, но кипит. Хорошо.

Бак говорит:

— Не будь грубым. Дело не во мне. Это касается тебя. Мы с Мией вместе работали в саду прошлым летом, помнишь? Она провела здесь две недели без тебя. Только мальчики и садоводство. Я видел, как она расслабилась, ожила. Я дал ей несколько материалов для чтения. — Бак смотрит на Мию и кивает, подталкивая мою жену, как пастух, пасущий свою заблудшую овцу. Это дает результат.

Миа наклоняется ко мне:

— Я узнала о том, кто ты такой, что для этого есть название. Поняла, что это была не я. Это не я сошла с ума. Но все равно мне потребовалась вся зима, чтобы набраться смелости и уйти от тебя. Когда тебя уволили, и когда я узнала почему, это все решило. Но я знала, что ты не позволишь мне уйти без борьбы.

— Вот тут-то я и вступаю, я и мои люди. Мы следили за тобой, Пол, — подхватывает Бак.

Я прищуриваюсь, разглядывая ямку на лбу Бака. Почему они с Мией, кажется, заканчивают предложения друг друга, как пожилая супружеская пара? Это начинает раздражать. Но это не имеет значения. Что он мог увидеть, если следил за мной? Ничего, конечно.

— Я не понимаю, почему кому-то пришло в голову следить за успешным бизнесменом, который каждый день ходит на работу и возвращается домой к своей прекрасной семье в их великолепном загородном доме.

Бак ухмыляется, я почти уверен, хотя выражение его лица остается стоическим.

— Ничто никогда не бывает тем, чем кажется, ты же знаешь это, Пол, — говорит он. — Мы следили за тобой каждый будний день, когда ты навещал свою любовницу Гретхен.

Как он смеет произносить ее имя в присутствии Мии? Мой мозг фиксирует этот пугающий факт, а затем я понимаю, что она, вероятно, видела фотографии. Бедная Миа. Мне нужно будет по-настоящему крепко ее обнять.

Миа уронила голову на руки.

— Она не имеет никакого значения, Миа. Я люблю тебя. Ты моя жена. Она просто, ну, для секса, — объясняю я.

— О, боже, — закатывает глаза Бак.

На диване Миа снова трясется. Я начинаю вставать, чтобы утешить ее.

Бак кладет руку мне на бедро, сильно сжимает мою ногу и говорит:

— Сядь. Сейчас же.

Я снова опускаюсь в кресло, но Бак не сможет заставить меня остаться здесь. Никто не может заставить меня что-либо делать. Я чувствую, как внутри разгорается огонь. Меня не заставят долго сидеть.

— У тебя богатая история с женщинами, Пол? Мы знаем о Лоис, твоей первой жене. Я провел с ней целый день. Милая женщина. Все еще в ужасе от тебя. Забавно, что ты никогда не говорил Мии, что раньше был женат, — произносит Бак.

— Не имеет отношения к делу, совсем. — Как он смеет совать нос в мое прошлое? Знаю, я никогда не упоминал, что был женат на Лоис. Это был короткий, грязный роман. Лучше всего просто двигаться дальше, и именно поэтому я никогда не обсуждаю это. Я допустил очень редкий просчет. Думал, что должен жениться молодым. Это было частью пакета перспективных успешных рекламных менеджеров. У меня в голове имелось видение того, как будет выглядеть моя жизнь. Мне просто нужно было заполнить ее реальными людьми, которые будут играть эти роли.

В тот момент, когда я встретил Лоис в классе, понял, что она станет идеальной добычей. Она подошла бы на роль жены именно так, как я себе представлял. Я работал над своими чарами, ожидая ее после занятий с охалкой ее любимых белых ромашек, например, а позже, каждое утро оставляя маленькие любовные записки в ее рюкзаке, чтобы она могла найти их во время занятий. Все это было романтично, и неудивительно, что она влюбилась в меня, крючок, леску и грузило. Но у меня случилась эта прискорбная потеря контроля, и я позволил своей маске соскользнуть. Этого больше не повторится. Нет, лучше никому не рассказывать о Лоис. Эта история закончена. Конец. Документы о разводе Лоис были упрощенными, но я с радостью подписал их. Скатертью дорожка. И я не собирался обсуждать это сейчас, с этим человеком.

— Лоис, Кэролайн Фишер, Ребекка Мор — все эти женщины и другие, о которых мы с тобой знаем, боятся тебя. Никто из них не знал о твоей модели поведения, о том, что это происходит всю твою жизнь. Теперь они все в курсе. Если ты думаешь, что тебе сойдет с рук причинение кому-либо из них боли или ты примешься снова угрожать им, ты очень ошибаешься, — предупреждает Бак.

— Я не знаю, какую картину ты пытаешься нарисовать обо мне, но меня возмущают последствия. Я никогда не поднимал руку на свою жену, на Мию. Она подтвердит это, верно, дорогая? — Я смотрю на Мию, которая теперь свернулась калачиком, поджав под себя ноги, в углу дивана. Я хочу пойти обнять ее и задушить, все сразу. Это приятное ощущение, которое позволяю себе прочувствовать внутри себя. Я не верю, что Бак может сравниться с моим огнем. Я могу победить его, если захочу.

Вы, наверное, уже поняли? Мой маленький план на наш самый лучший день. Моя болезненная маленькая жена, мой тайный запас пороха. Конечно, эти два понятия связаны. Но что больше всего ранило бы мою жену на данный момент, учитывая эти новые факты, изложенные ее любовником? Что ранило бы ее больше всего — ее смерть от моей руки или то, что она никогда больше не увидит своих детей? Это интересный вопрос. Я планировал первое, но теперь мне, возможно, придется изменить план.

Всегда есть варианты, когда ты умнее всех. Мы с Гретхен продадим дом в Колумбусе, используем все, что я заработаю, чтобы начать все сначала. Я читал, что Нэшвилл процветает, один из самых быстрорастущих городов в стране; может быть, мы переедем туда. Я читал, что сейчас это больше, чем музыка кантри, гораздо больше. Лоис там нравится, и будет забавно встретиться с ней снова. Мне нравится мой новый план.

— Итак, сегодняшняя небольшая встреча ради того, чтобы заставить меня подписать эти бумаги, отказаться от коттеджа, что меня вполне устраивает, учитывая соседей — без обид, Бак, — и я получу дом в Колумбусе. Верно?

— Да, — говорит серый шар в углу дивана. — До тех пор, пока ты соглашаешься оставить меня, мальчиков и мою семью в покое.

Мой смех нарушает тишину в комнате.

— Миа, у тебя истерика.

Мальчики будут со мной. Им нужен отец. Они переросли все эти мамины заботы. Пришло время им стать мужчинами, о чем я постоянно говорил своей жене. Неужели она забыла все, чему я ее учил? Для мальчиков естественно начать отдаляться от своей матери и поворачиваться ко мне, своему отцу. Это ожидаемо. И поэтому, конечно, они будут со мной. Миа смотрит на меня, и Бак тоже. Я хочу заверить ее, что все так и должно быть. И это так.

— Ты сможешь навещать меня, не волнуйся. Ты хорошо поработала с ними. Теперь — моя очередь, — говорю я. Как будто разговариваю с ребенком. Мы рассматриваем одни и те же моменты до тошноты. Это расстраивает. Я чувствую, как сжимается моя правая рука. Натягиваю улыбку, провожу языком по зубам. — Я буду с ними сегодня вечером, как только выберусь отсюда. Не о чем беспокоиться.

Миа разворачивается, опускает ноги на пол, наклоняется вперед и выдает:

— Мальчики останутся со мной. Точка.

Я борюсь с желанием дотянуться до нее. Чтобы ударить, сильно, так сильно, что она пролетит через всю комнату. Серый шар летит в небытие, ее голова разбивается о пол.

— Все это здесь, в соглашении, которое ты подпишешь, — говорит Бак. Я знаю, что он перенаправляет мое внимание на себя. Глупый человек, который вмешался в мою жизнь, связался с моей женой. Ему лучше быть начеку.

— Я разделю имущество, но не соглашусь отказаться от своих детей. Кто бы стал просить об этом? Это неправильно. Мальчикам нужны их отцы. Посмотри на террористов. Посмотри на тюремную систему. Тюрмы заполнены мальчиками без мужских образцов для подражания, — объясняю я. Это правда, мы все это знаем.

— Иногда лучшего отсутствия образца для подражания, чем ужасный. Возможно, мне потребовалось слишком много времени, чтобы увидеть тебя таким, какой ты есть, но они все еще достаточно молоды, чтобы быть спасенными. Ты не раскрыл им себя, ты не использовал их и не причинил вреда, и за это я очень благодарна. Ты должен знать, что, если бы ты прикоснулся к ним, причинил им боль, я бы оставила тебя. Но ты ведь уже знаешь это? Вот почему, я полагаю, ты не поднимал на них руку. Они были укрыты от твоей жизни за пределами нашего дома, от правды о том, кто на самом деле их отец.

— Я изучила этот вопрос это, Пол. Они не должны заканчивать так же, как ты, с твоим характером и другими проблемами. Они этого не сделают, если я смогу помочь. Мой папа будет для них гораздо лучшим примером для подражания, среди прочих.

Миа только что посмотрела на Бака? Я собираюсь убить его.

По какой-то причине Миа все еще говорит. Она добавляет:

— И с ними все будет в порядке. Они оба станут хорошими мужчинами, несмотря на тебя. — Моя жена скрещивает руки на груди и улыбается.

Как я мог не заметить историю просмотров подобных вещей? Я удивляюсь. Должно быть, она удалила историю в браузере. Должно быть, она спрятала свои справочники. Должно быть, она стала такой же, как я. Я вспоминаю, пытаюсь припомнить, вела ли она

себя по-другому рядом со мной в последнее время. Она не нервничала или что-то в этом роде за обеденным столом, она не смотрела на меня подозрительными глазами. Но в последнее время она была счастливее, несмотря на болезнь и потерю веса. Я просто думал, что это принятие. Оказывается, это было пробуждение. Я пропустил знаки. Сжимаю руки в кулаки. Она снова что-то бубнит.

— Они получают наставничество, финансовую поддержку от моих родителей, пока я снова не встану на ноги. Все уже решено.

Ах, да. Ее родители. Лучше бы в этих бумагах была большая выплата для меня. Двое детей. Мальчики. Белые. Умные. Голубые глаза. В наши дни они многого стоят. Мы почти в меньшинстве.

— Итак, сколько ты предлагаешь заплатить мне, ты и твой дорогой отец, Дональд, за то, чтобы украсть моих детей, купить у меня моих сыновей? — Это всего лишь игра. Мне нравится играть в игры. Мне нравится, как смотрит на меня моя жена, когда мы обсуждаем наших детей, как собственность. Она внезапно выглядит больной. Весь румянец сошел с ее лица.

— Ты больной ублюдок, — заявляет Бак. Если бы я ударил его быстро, в висок, мог бы оглушить достаточно надолго, чтобы дотянуться до Мии. Это интригующая и захватывающая мысль.

Я вижу, как со свечи капает воск на кофейный столик. Я бы хотел пододвинуть свечу, развести огонь и поджечь этот коттедж. Это было бы быстро, со старым деревом, всеми деревянными полами, черепичной крышей. Пуфф. Все исчезло. Какая трагедия, что Бак и Миа погибают в огне. Но иногда изменщики получают по заслугам.

— Я понимаю, кто ты, Пол. Печально то, что такие люди, как ты, не меняются, даже после интенсивных консультаций. Каким-то образом ты ходишь по миру среди нас, прячась, манипулируя другими, причиняя боль другим. Даже людям, которых ты утверждаешь, что любишь. Я знаю, что ты не чувствуешь любви, ты не можешь и делаешь то, что делаешь. — Миа останавливается, прикусывает губу. Она медленно качает головой. Смотрит на меня с жалостью, ее лицо вытянулось. Я этого не потерплю.

Миа поднимает руку, указывая на меня пальцем.

— Я знаю, что ты пытаешься отравить меня, что ты травишь меня. Я открыла бардачок, чтобы напугать тебя сегодня во время поездки. — Она делает паузу, затем наклоняет голову. — Это ведь сработало?

Глава 26

00-35.

В комнате тихо, как будто никто из нас не дышит. Я недоверчиво смотрю на свою жену. Мой рот приоткрылся, и я чувствую, как прохладный воздух комнаты ударяет мне в горло. Что касается того, что это сработало, если она имеет в виду яд, который я мог ей дать, а мог и не дать, то, очевидно, этого не произошло. Вместо того, чтобы просто смотреть, как она чахнет, я решил убить ее одной большой дозой. Конечно, это был просчет.

Сначала я скорее наслаждался разрушением здоровья моей жены, медленным исчезновением, когда она угасала, несмотря на ее «чистую» диету, здоровый образ жизни. Ирония судьбы, не правда ли. И, конечно, я выбрал этот путь, потому что небольшие дозы легче скрыть. Хотя мне никогда не приходилось беспокоиться. Все модные врачи, к которым

она обращалась, обычные и холисты, никогда не делали специального анализа мочи на этот конкретный яд. Это единственный способ обнаружить отравление мышьяком, и даже в этом случае анализ должен быть взят не позднее трех дней после приема дозы.

Я закончил с Мией, да, но я не хотел резкого «конца». Мы с Гретхен так сблизились, и, что ж, жена ощущалась тяжелыми оковами. В то же время я знаю, что внезапная смерть так тяжело сказывается на детях. Мамочка, медленно ускользящая, гораздо лучше действует на них. Долгое прощание, так сказать. Я, как всегда, думал о мальчиках. Мне никогда не приходилось беспокоиться, у моего плана были четкие сроки. Конечно, они сдвинулись, признаю. Но в эти выходные, в этот последний раз вместе, ну, последняя большая доза была вызвана моей потребностью в ресурсах. Мои истощающиеся запасы и, конечно же, моя любовь к моим мальчикам. Они заслуживают самого лучшего в жизни. Их наследство обеспечит это. Все должно было закончиться сегодня вечером. Но все же я хотел провести романтический последний день со своей женой, моей маленькой Мией. Она это заслужила, да. До тех пор, пока этот самый лучший день не превратился во что-то другое, не превратился в это.

До Бака. Ублюдок. Они оба уставились на меня. Рот Мии немного приоткрыт, как будто она пытается что-то сказать, пытается придумать, что сказать. Но теперь слово за мной. Она задала мне вопрос.

— Тебе никогда не испугать меня, Миа, если использовать твою детскую фразу. Посмотри на себя, хнычущую, тощую, неопрятную, с потеками туши на лице. Как ты могла подумать, что у тебя есть какая-то власть надо мной?

— Пора подписывать бумаги, Пол, — требует Бак. Он тянется к кофейному столику и берет ручку. Блестящая и серебристая, она кажется дорогой. Интересно, кому она принадлежит? Может быть, отцу Мии, может быть, Баку. Если подпишу, я прихвачу ее с собой, как напоминание об этом моменте, об аде внутри меня. И о мести, которую я совершу. Это будет маленький камушек в моей мести.

— А если я этого не сделаю?

— Я выдвину обвинения. Покушение на убийство, — говорит Миа. — У нас есть доказательства. Фотографии тебя с конвертом, фотографии, на которых ты подсыпаешь порошок в мой бренди.

Я думаю о кухонном окне над раковиной. Там нет ни занавесок, ни жалюзи. Пинаю себя за самодовольство, за отсутствие осторожности. Я никогда не представлял, что кто-то может успешно следовать за мной, не вызывая подозрений. Теперь понимаю, что в ресторане за нами тоже кто-то наблюдал. Вероятно, Бак. Вот кому Миа улыбалась через окно. Конечно.

— Ты закончил тем, что подсыпал в бренди своей жене сахар, шутник, — издевается Бак. Он улыбается мне. Как будто победил. Он не победил. Он меня не знает. Он ничего не знает.

— Ты последовал за нами сегодня вечером в ресторан. Подкупил парковщика, поменял мой конверт на свой, вот почему этому паршивому парковщику потребовалось так много времени, чтобы найти мою машину, — озаряет меня. Обычно я быстро во всем разбираюсь. В данном случае недостаточно быстро. У них есть доказательства, мышьяк. — Ну, тебе будет трудно любую из этих глупостей пришить мне.

— Ты отрицаешь это, Пол? У нас есть доказательства. Ты пытался убить меня. — Очевидно, Миа снова взволнована. Она дрожит, и из ее носа течет слизь.

— Миа, все в порядке, успокойся. — Бак не делает ни малейшего движения, чтобы

утешить ее. Ему виднее. Знает, что не стоит поворачиваться ко мне спиной прямо сейчас. Он также должен знать, что я вернусь за ним позже. Я вернусь.

— Подпиши бумаги. И убирайся отсюда. — Бак тычет ручкой мне в бедро. Я беру ручку у него. Представляю, как вонзаю ему ее в шею. Я мог бы это сделать, несомненно.

Итак, если я подпишу это, то автоматически соглашаюсь отказаться от опеки над моими детьми. Чего они не понимают, так это того, что я скажу суду, что мне угрожали, заставили подписать это соглашение против моей воли. Я не уйду тихо в ночь, совсем нет.

Снимаю колпачок с ручки. Это очень хорошая ручка, тяжелая в моей руке. Я тянусь за бумагами.

— Ты можешь прочитать документы, если хочешь, но мы объяснили их содержание. Это будет раздельное проживание, за которой последует окончательный развод. Как будто ничего никогда и не было. Документы будут поданы от твоего имени. Подпиши соглашение там, где указано, — командует Бак. — Вот. И здесь.

Он такой услужливый, старый добрый Бак. Но все равно я улыбаюсь и делаю то, что мне говорят. Просматриваю слова — единоличная опека, собственность, права, расторжение. Как я и ожидал, у нее останется все, кроме нашего дома в Колумбусе. Но это нормально. Еще много останется, даже со второй закладной. В доме полно дорогой мебели, антиквариата и произведений искусства от ее родителей. Я буду в порядке, если начну все сначала. И я хорош в этом, начинаю все заново и терпеливо отношусь к мести. Я знаю, что всегда есть несколько способов освежевать кошку. Сейчас, вероятно, не время рассказывать вам о преждевременной кончине моего собственного питомца. Томми был убит горем. Мы прибережем это для другого раза.

Я заканчиваю с бумагами и ручкой, и Бак собирает их со стола. Откидываюсь на спинку стула и смотрю шоу. Не отрывая от меня взгляда, Бак держит бумаги в воздухе в направлении моей жены. Он говорит:

— Миа, посмотри. Убедись, что мы не пропустили ни одной подписи.

Я смотрю, как Миа тянется за бумагами. Твердыми руками она медленно переворачивает каждую страницу. Кладет документ себе на бедра.

— Все подписано.

Я вижу, как она сглатывает. Она выглядит успокоенной. Она больше не плачет. Смотрит на меня, не мигая, без страха. Кладет ручку на кофейный столик.

Сейчас, она выиграла и знает об этом.

— Тебе пора, Пол. Ты регистрируешься и останешься на ночь в гостинице. Понял? — говорит Бак. Он стоит и смотрит на меня сверху вниз.

— Отлично. Я счастлив убраться отсюда. Где, ты говоришь, мои украденные вещи? — Я хватаю ручку и встаю. Смотрю Баку в глаза, нос к носу.

— Гостиница Лейксайд. Та самая, симпатичная, на озере. Поговори со Скоттом. Он присматривает за твоими вещами, пока ты не регистрируешься, — отвечает Бак.

Я делаю шаг назад, а затем поворачиваюсь и иду на кухню. По глупости моя жена оставила недопитый бокал бренди с сахаром на кухонном столе. Начинаю тянуться к нему, когда твердая рука тянет мое плечо назад, удерживая меня на месте.

— Даже не думай об этом. Ты не хуже меня знаешь, что, хотя мы и позволили тебе подсыпать ей в напиток сахар, это все равно улика. — Держа руку на моем плече, Бак подталкивает к задней двери, открывает ее и почти выталкивает меня наружу. Он бросает

ключи от моей машины на подъездную дорожку. Грубо. Это вещи, которые я никогда не забуду. Никогда. Я слышу, как он захлопывает за мной заднюю дверь и поворачивает ручку замка. Как будто такой замок может помешать кому угодно войти внутрь. Мечтатель. Я перекаत्याю тяжелую ручку в кармане.

Я устал и от него, и от своей жены. Скатертью дорожка. Стою перед закрытой дверью гаража. Конечно, он в курсе, если хорошо занимался шпионской работой, что я не могу войти в свой гараж через сломанную боковую дверь, что я должен войти, нажав кнопку на кухне.

Ах да, он наблюдает. Слышу, как стонет дверь гаража, и начинает открываться. Я стою спиной к дому, ожидая своего шанса свалить. Тем не менее, когда сажусь в свою машину и выезжаю, вижу, что Бак смотрит за мной через кухонное окно. Интересно, будет ли он спать сегодня там, в моем коттедже, с моей женой?

Интересно, насколько уверенно Бак будет чувствовать себя, закрыв глаза, теперь и всегда.

Глава 27

Час ночи.

Я слишком быстро еду по нашей улице, проверяя зеркало заднего вида, в ожидании слежки.

Почти уверен, что Бак останется с Мией, утешая бедную женщину. Она в полном беспорядке, это точно. Скатертью дорожка. Я включаю поворотник, чтобы повернуть налево на углу, на мгновение останавливаюсь, чтобы заглянуть в темный коттедж Бунов. Думаю, на сегодня вечеринка закончена. Интересно, Грег снова проиграл в юкре? Если бы у меня было больше времени, я бы зашел внутрь и немного поболтал или что-то в этом роде с Грегом и Дорис. Возможно, продемонстрировал бы им, в какие неприятности они могут попасть, будучи любопытными соседями-сплетниками. К сожалению, им придется усвоить свой урок, когда мы все вернемся в Колумбус.

Свернув налево на Вторую улицу, еду к старой величественной гостинице. Мы останавливались здесь однажды с детьми, еще до того, как стали владельцами коттеджа. Сносное место для проживания некоторых людей, как только избавитесь от заплесневелого запаха. Я не собираюсь ночевать. Мне просто нужно забрать свои вещи. Паркуюсь на месте перед входом с надписью «только регистрация заезда» и выключаю машину. Когда выхожу на улицу, оглядываюсь, проверяя обстановку. Озеро позади меня, сразу за зеленой лужайкой, которая принадлежит гостинице. Большой каменный фонтан журчит водой, издавая странно жуткий звук в безмолвной ночи. Через дорогу начинается парк, а дальше я вижу очертания лодочного домика и причала. Здесь очень темно, очень тихо.

Вокруг больше никого нет. Я уверен, что за мной не следили, когда поднимаюсь по ступенькам и вхожу в вестибюль. Прямо напротив меня за большим деревянным столом с табличкой «Ресепшен» скучающий подросток со щеками, покрытыми прыщами и болезненного вида, подавляет зевок и говорит:

— Привет. Вы хотите снять номер?

Отсутствие напряжения в парне заставляет меня осознать, что крепко держал свои плечи, и я улыбаюсь и немного расслабляюсь.

— Привет, сынок. Мои друзья любезно оставили здесь мой чемодан и вещи, но, боюсь, я

не смогу остаться на ночь, — говорю я. Использую свое самое лучшее и дружелюбное лицо, свои самые вежливые слова. Я подражаю официанту с сегодняшнего вечера. Я очень добр.

— О, как жаль. Хорошо, тогда вам нужны ваши вещи? — спрашивает мальчишка. На нем бирка с именем, на которой написано «Скотт». Бирка с именем золотая и блестящая. Слово напечатано черным шрифтом.

— Да, пожалуйста, Скотт, — я дружелюбен. Просто терпеливый, усталый путешественник, которому сейчас нужно его дерьмо, Скотт.

— Как вас зовут? И мне нужно увидеть какое-нибудь удостоверение личности, — говорит Скотт.

Интересно, сколько людей подъезжает к отелю в час ночи и пытается забрать вещи незнакомца? В Лейксайде? Я подозреваю, что процент невелик, но Скотт всего лишь выполняет свою работу. Я подавляю нарастающее нетерпение и протягиваю ему свои водительские права.

— Сейчас вернусь, — он, едва смотрит на удостоверение. Я забираю его и засовываю обратно в бумажник. Понимаю, что у меня нет ни цента, чтобы дать чаевые этому парню, и у меня нет действующей кредитной карты на бензин. Это не лучший сценарий того как я должен поспешить обратно в Колумбус. Я оглядываюсь в поисках камеры, но, конечно, ничего не вижу. Гостиница Лейксайт — доверчивое, народное место, по-видимому, лишённое преступлений и подозрений. Медленно обхожу стойку и вижу то, что должно быть, кассовый ящик, слегка приоткрытый, как раз напротив того места, где сидел Скотт.

Я протягиваю руку, открываю ящик и достаю оттуда все двадцатидолларовые купюры и одну пятидесятидолларовую, засовывая их в передний карман. Задвигаю ящик и возвращаюсь на свое прежнее место перед стойкой администратора, убеждаясь, что мое лицо по-прежнему доброе и дружелюбное.

Только когда благополучно возвращаюсь на место на стороне клиента, я понимаю, что должно быть украден его чаевые. Ну что ж. Бедному ребенку придется просто выживать за счет моей улыбки.

— Вот мы и пришли, мистер Стром, — говорит Скотт, появляясь через ту же дверь, через которую он исчез мгновением раньше, теперь выкатывая багажную тележку с моим чемоданом и портфелем. — Это ваши вещи, верно?

— Так и есть. Спасибо, сынок, — благодарю, когда он подталкивает тележку к моей стороне стола. Я хватаю свой чемодан, дергаю за ручку, кладу сверху портфель и, кивнув услужливому мальчишке, быстро двигаюсь к двери.

— Сэр, вы уверены, что не будете регистрироваться? Для вас все еще зарезервирован номер, — окликает меня Скотт, когда я уже почти в дверях.

— Нет, сынок, планы изменились. Но спасибо тебе. Спокойной ночи, — прощаюсь я, еще раз широко улыбнувшись парню. Мне немного страшно, что его обвинят в краже денег из ящика стола и, без сомнения, уволят. Но это хороший жизненный урок. Ему следовало быть более осторожным, следовало запереть этот ящик с наличными до того, как он покинул свой пост. Ты просто никогда не знаешь, с кем имеешь дело, несмотря на внешность.

Когда подкатываю свои вещи к машине, понимаю, что должен проверить и убедиться, что Миа положила все обратно в мой чемодан, но мне придется сделать это, как только я вернусь домой. Открываю багажник, засовываю портфель и чемодан внутрь, борюсь с желанием еще раз оглядеться и быстро забираюсь в машину. Я запираю двери, поворачиваю ключ в замке зажигания. Прежде чем отъехать от обочины, обдумываю свои варианты. Что

мне следует сделать, что я хочу сделать, так это сесть за руль, направиться в Порт-Клинтон, а затем выехать на шоссе, чтобы вернуться домой. Но другая часть меня хочет вернуться в свой коттедж, оставить за собой, так сказать, последнее слово. Уверен, что именно этого Бак и будет ожидать, особенно если Скотт сообщит ему, что я не стал регистрироваться.

Может быть, я просто проеду мимо коттеджа в последний раз, знаете ли, по пути к воротам. Это даст мне время все обдумать, хотя, взглянув на свой бензомер, я понимаю, что у меня не так много времени на раздумья без заправки. Когда еду по Второй улице, направляясь к своему коттеджу, я улыбаюсь, вспоминая свою мелкую кражу. Если мне повезет, Скотт не будет проверять кассу до конца ночи, и тот, кто заменит его в утреннюю смену, будет считать, что Скотт взял наличные. В конце концов, он ненадежный подросток.

Если мне не повезет и Скотт заметит пропавшие двадцатки, он, конечно же, не подумает о добром незнакомце, красиво одетом, явно преуспевающем и из города. Нет, это должен был быть кто-то другой, раньше ночью. Я был добр к нему, хотя и не дал чаевых. Если бы я взял наличные, то, конечно, дал бы ему чаевые, рассудил бы он.

Если только Бак не рассказал ему кое-что обо мне, распуская новые слухи, порочащие мое имя. Мне нужно будет вывести Бака и его ложь на чистую воду. Я медленно заворачиваю за угол у коттеджа Бунов. Здесь темно и неподвижно, как и должно быть в это время ночи. Напротив, через дорогу мой коттедж залит светом. На моей подъездной дорожке припаркованы две патрульные машины, и через ярко освещенные окна я вижу, как слишком много людей расхаживает по моей гостиной. Я замечаю Мию через окно, она сидит на диване, моем диване, пьет чашку чая, чувствуя себя такой самодовольной и уверенной. Она окружена копами, рассказывая маленькую слезливую историю своей несчастной жизни. Бедная маленькая помятая, серая Миа. Ее муж был таким плохим человеком. Он подарил ей большой дом, двух здоровых мальчиков, жизнь, полную досуга, о которой большинство людей и не мечтали.

Я прикасаюсь к блестящей ручке, которую положил на пассажирское сиденье. Крутая, как и моя жена.

В отличие от меня, Миа — избалованная девчонка, которая получила все, что хотела, все, что заслуживала. Я кладу ручку в карман, выключаю фары и паркуюсь через один дом от нашего на той же стороне улицы. В Лейксайде не так много уличных фонарей, ни одного рядом с нашим коттеджем. Звезды скрыты облаками. На нашей улице темно, очень темно. Миа жалуется на это, но я — создание теней. Мне здесь удобно, как вы понимаете.

Я замечаю свою цель рядом с его драгоценным клубничным садом, тем самым, что стал причиной всего этого. Бак ослабил бдительность, потому что копы, деревенские парни, которым следовало бы быть дома, трахая своих жен или попивая самогон, защищают ее. Один из офицеров даже щеголяет эспаньолкой, по моде трехлетней давности. Я снова обращаю свое внимание на Бака. Он удалился в сад, в мой сад, позволив властям утешить мою серую кляксу жену. Он такой неудачник. Это так просто.

Я прокрадываюсь в свой двор незамеченным. Он даже не понял, что ударило его сзади, пока я не осознаю, как моя ярость пересиливает его предполагаемую подготовку. Я держу его в удушающем захвате. Бак дерется как крутой парень, каким я его знаю, но я сильнее. Он скользит каблуком ботинка по моей голени, но на нем убогие теннисные туфли. Я крепче сжимаю его шею, слышу, как он задыхается. Опускаю его на землю за клубникой и сажусь ему на грудь. Бью по хорошенькому личику, прямо в эту ямочку, в эту идеальную челюсть. Звук густой, удовлетворяющий.

Мою руку щиплет. Я люблю это. Это заставляет меня чувствовать себя живым. Я пинаю его в бок, один раз. Я надеюсь сломать ребро. Это должно удержать его от того, чтобы какое-то время трахать мою жену. Я стою над ним. Он перекачивается на бок, пытается встать, но я не позволяю этому случиться. Мои туфли — парадные туфли с острым носком. Я целюсь ему в висок, затем в ребра и пинаю его в горло. Он стонет, а потом замирает. Выкуси, крутой парень. Я здесь закончил. Я не убью его. Нет, это было бы слишком просто. Я чувствую тяжелую ручку в кармане, представляю, как она торчит у него из шеи, пронзает артерию. Мне нравится этот образ, но я хочу, чтобы он был жив. Я заставлю его заплатить за то, что он сделал со мной, медленно, со временем. Но я уверяю вас, он заплатит за то, что разрушил мою жизнь, за то, что украл мою жену. Когда он меньше всего этого ожидает, я отомщу.

Я слышу голоса и ныряю за грядку с клубникой. Копы выходят, идут к своим машинам. Эти идиоты собираются оставить Мию одну в нашем доме. Я прикрываю рот рукой. Моя белая улыбка может выдать меня. Я как акула, затаившаяся в глубине, ожидающая удара.

Две полицейские машины включают фары и отъезжают.

Поворачиваюсь к коттеджу. Миа стоит у окна, глядя на задний двор. Как будто знает, что я здесь. Я начинаю махать рукой. Впрочем, она ищет не меня.

У моих ног стонет Бак. Вот вам и парень из спецназа. Ха.

Я пинаю его под ребра.

— Заткнись. — Мой голос тверд, повелителен. У меня действительно нет времени на этого садового гнома. Мне нужно спасти свою жену, от нее самой, от этой истории, которую она выдумала в своем уме. Бедная женщина.

— Привет, Миа, — шепчу я, глядя в сторону ярко освещенного коттеджа. — Не волнуйся. Я дома.

Я делаю шаг в сторону дома, когда чья-то рука сжимает мою лодыжку. Чертов Бак. В чем его проблема? На этот раз я выдергиваю ногу из его хватки и пинаю его в голову. Раздается удовлетворительный глухой удар, и из его уха вытекает кровь. Было бы так легко отделаться от него, думаю я, сжимая ручку в кармане. Но мне нужно добраться до Мии.

Я бегу к задней двери, пинком открываю ее. Я же говорил, что замок хлипкий. Это было легко, и я определенно не спецназовец.

Миа кричит из другой комнаты. Она будет так рада меня видеть.

Я спешу через кухню в гостиную. Она бежит к входной двери. Я хватаю ее за волосы, останавливая как вкопанную. Она отшатывается, рукой хватая мою, и она поворачивается, марионетка в моих руках. Что теперь, маленькая Миа?

Мне требуется мгновение, чтобы увидеть нож. Она бросается на меня с яростью дикой кошки. Она приближается ближе к моей руке, и я отпускаю ее волосы.

Мию трясет, нож едва способен разрезать яблоко, но она направляет его на меня, изображая героизм.

— Убирайся отсюда, Пол. Я нажала тревожную кнопку. Помощь уже в пути. А Бак как раз за дверью.

— Бак сейчас немного занят клубникой, бедняга. — Я улыбаюсь, когда глаза Мии становятся больше.

— Что ты с ним сделал? — шипит она.

— Ничего такого, чего бы он не заслуживал. Но давай поговорим о нас, хорошо? — Я улыбаюсь. — Тревожная кнопка. Правда? Какая тревожная кнопка, дорогая? Ты

действительно, должно быть, сходишь с ума. Тревожной кнопки нет. Это для фильмов. Кроме того, у тебя не могло быть ничего подобного, по крайней мере, без моего ведома. У тебя ничего нет без меня. Ты ничто без меня. — Моя рука пульсирует от удара по Баку. Мне это нравится.

— Убирайся отсюда, Пол. Я серьезно. Ты же не хочешь, чтобы тебя застукали за проникновение сюда. — Маленький ножик Мии снова дрожит. Это мило.

— Миа, это мой коттедж, наш коттедж. Он принадлежит нам, так что я никак не мог проникнуть внутрь. Я думаю, ты забыла, сколько хороших воспоминаний мы оставили здесь, даже за один короткий год. Помнишь тост с шампанским на нашей новой крытой веранде, когда мы впервые купили это место, и как мы были счастливы? — Я улыбаюсь, Миа — нет.

— И все это время ты травил меня, — говорит она, качая головой.

— О, дорогая, не говори глупостей, — я не травил ее все это время, глупая женщина. — Иди сюда. Позволь мне обнять тебя. Ты выглядишь такой расстроенной. Ты пропадешь без меня. — Делаю шаг к своей жене, и она отступает в угол у входной двери, рассекая воздух между нами своим маленьким ножом. Возможно, я преподам ей небольшой урок.

Именно в тот момент, когда мы изучаем друг друга, обдумывая наши следующие шаги, я слышу сирены. Звук слабый, но становится все громче. Определенно приближается к нам.

Миа, должно быть, слышит своих спасителей на расстоянии и, наконец, улыбается, возможно, самой искренней улыбкой за весь день. Это улыбка в форме полумесяца, как та, что она подарила мне этим утром, как она подарила мне, когда мы впервые встретились, улыбка любви. Но потом ее лицо вытягивается, как будто эта улыбка больше не для меня.

— Ошибаешься, Пол. Я гораздо больше, чем ты. И мне намного лучше без тебя. — Ее нелепый нож для очистки овощей зажат в ее руке, направленной на меня. Было бы так легко схватить его, повернуть лезвие к ней, вонзить его в ее предательскую грудь.

Сирены приближаются. У нее действительно есть гребаная тревожная кнопка. Теперь я должен принять решение. Закончить то, что я начал с яда, или убираться до того, как приедут полицейские Кейстоуна, хватать моих детей и начинать все сначала. Потому что ясно, что она не все продумала. Наши дети, наши драгоценные мальчики, спят дома. В блаженном неведении обо всей этой борьбе, как маленькие ягнята, только и ждущие, когда их спасет пастух.

Красные и синие вспышки освещают улицу. Мне нужно убираться отсюда.

— Это еще не конец, Миа, но пока спокойной ночи, дорогая. Спи крепко. Мы скоро снова увидимся. Возможно, когда ты меньше всего этого будешь ждать, — предупреждаю я, прежде чем развернуться и выбежать через заднюю дверь, через двор к своей машине. Полицейские проезжают мимо меня, когда я низко сажусь на переднее сиденье, влетая на нашу подъездную дорожку со скоростью, которую можно было бы считать только чрезмерной. Можно подумать, что внутри происходит настоящее преступление. Вместо этого они найдут сумасшедшую женщину, съездившую у входной двери с крошечным ножом, и, в конце концов, бывшего парня из спецназа, которого вырубил его драгоценные клубничные растения. Неудачники. Они оба.

Моя бедная маленькая женушка. Она думает, что она такая умная. Перехитрить Пола Строма? Никогда.

Я жму на газ и быстро проезжаю мимо. Решение принято. Я ловлю себя на том, что постоянно смотрю в зеркала заднего вида и сбоку, пока не выезжаю через ворота из поселка.

Знаю, что веду машину слишком быстро, даже если все копы со всего этого маленького

городка сейчас заняты в моем коттедже, и я убираю ногу с педали газа. Мне нужно экономить топливо, пока не доберусь до большого города, где будет открытая заправка. Было бы неразумно сегодня вечером расходовать бензин где-нибудь посреди этих темных проселочных дорог. Мне нужно еще о многом позаботиться.

Глава 28

01-45.

Я не замечал другой машины на дороге со мной на протяжении многих миль, и поверьте мне, я искал. Ночью, если вы в курсе, вы можете заметить хвост. Это легко, когда приходится держать свет включенным, чтобы видеть. А здесь, за городом, без света фар никуда. Если Бак или его люди следили за мной, то их больше нет. Я крепче сжимаю руль, вспоминая, как люди Бака следовали за мной по Грандвиллю, шпионили за моей жизнью. Как я мог их не заметить?

Заправочная станция — это застывшая жизнь. Насосы пылают в слишком ярком флуоресцентном свете, но все жутко неподвижно, за исключением большого мотылька, ныряющего на освещенный участок и вылетающего из него. Я останавливаюсь и вылезая из машины. Мне интересно от чего так сильно вспотели мои ладони, хотя я не регистрировал в своем сознании ничего похожего на страх. Мое тело напряжено, на пределе. Я напоминаю себе дышать, когда оглядываюсь вокруг. Я здесь один, кроме человека, работающего на станции.

Направляясь к силуэту мужчины, сидящего за прилавком, я улыбаюсь и замечаю камеру. Это неплохо. Теперь нас всех постоянно снимают на видео. Если кто-нибудь захочет забрать эту пленку, это просто докажет, что я решил поехать домой вместо того, чтобы провести ночь в затхлой гостинице. Никакого преступления в этом нет.

Дверь на заправку заперта. Я сжимаю ручку, когда сотрудник, крепкий мужчина, другим занятием которого могла бы быть езда на байке, наклоняется вперед и нажимает кнопку.

— Нужен бензин? — гремит голос из динамика.

«Нет, я просто хотел зайти и поздороваться», — выдает мой занятой разум. Вот, почему бы мне просто не переехать в другую страну? Люди здесь такие простаки. Его брат, вероятно, один из полицейских, которым поручено охранять Мию. Столь же эффективный. Такие глупые, все они.

— Да. Первая колонка. На сорок долларов, — я нахожу ящик для оплаты в ночное время. Достая бумажник, когда он выдвигает ящик. Кладу две хрустящие двадцатидолларовые купюры, и он закрывает крышку.

Интересно, чувствует ли он себя в безопасности, запертый в полностью освещенном стеклянном здании? Не должен бы.

— Первая колонка включена. — В его голосе слышится нетерпение, как будто у него есть дела поважнее, чем снабжать бензином ночных водителей. Но это его единственная функция. Я отмахиваюсь от него. Это я спешу, напоминаю своему напряженному телу.

Повернувшись спиной к громиле, я возвращаюсь к своей машине и начинаю заправляться. Сейчас я стою в круге света, открытый любому, кто проезжает мимо по проселочной дороге. Но кто будет искать меня сейчас? Бак и Миа со всем справились, думают они. Тем временем Бак поливает задний двор кровью, а Миа съезживается с ножом. Власти либо знают, что я уехал из Лейксайда, либо думают, что я поселился в гостинице.

Или они думают, что я прячусь где-то в темноте, готовый нанести новый удар. Несмотря ни на что, они ошибаются. Вся эта дополнительная полицейская охрана совершенно не нужна. Я здесь, качаю бензин на заброшенной сельской заправке. Я усталый человек, просто надеюсь поскорее вернуться домой к своим мальчикам. Восход солнца начнется только в 6:45 утра, у меня еще много времени.

Мои мальчики. Радость моей жизни. Майки и Сэм будут так рады меня видеть. Я мог бы даже прокрасться в их спальни, по-отечески обнять каждого из них. Им понравилось, что я отвез их в школу этим утром, они умоляли меня взять их тоже на озеро. Их разочарованные маленькие лица сейчас немного преследуют меня. Я заглажу свою вину перед ними. Может быть, поездка в Диснейленд? Гретхен это тоже понравилось бы. Может быть, я соберу их, отвезу в машину и отвезу к ней домой сегодня. Это было бы такое приключение, намного лучше, чем Лейксайд. Мы могли бы отправиться в путь до восхода солнца. Я улыбаюсь при этой мысли. Мы вчетвером, Гретхен, мальчики и я, отправимся в самое счастливое место на земле. Мальчики придут в восторг.

Насос останавливается. Я вынимаю форсунку, завинчиваю крышку бензобака и спешу в машину. Выезжая из ярко-белого света заправки и возвращаясь на проселочную дорогу, я задаюсь вопросом, не слишком ли поздно звонить Гретхен. Она звонила мне четыре раза с тех пор, как я уехал в путешествие с Мией. Это на нее не похоже. Со своей стороны, я отклонял ее звонки. Она знает, что лучше не оставлять мне голосовое сообщение. Это против наших правил.

Выезжая на автостраду, я чувствую, как меня захлестывает волна облегчения. Я сбежал от деревенщин. Никто за мной не следил. Я вздыхаю, расслабляясь. Знаю, что уже поздно, но набираю номер Гретхен. Телефон звонит по громкой связи в моей машине. Один гудок, два гудка.

— Пол? — произносит Гретхен. У нее сонный голос. Я бы хотел оказаться в постели рядом с ней.

— Привет, любовь моя, — я понял, что важно иметь разные выражения нежности. Миа — это милая. Гретхен — моя любовь. Кэролайн, ну, теперь она стерва. Раньше она была малышкой. Лоис была сладкой, до определенного времени. Бак разговаривал с Лоис, вспоминаю я. Мне нужно разобраться с Баком. Мне все-таки следовало убить его на заднем дворе моего коттеджа. Скоро я его прикончу. Он думает, что он такой крутой, такой неуязвимый. Но нет, он не такой. Вы заметили, как быстро я его уложил? Он упал, как камень. Одни разговоры, никакой сути.

— Почему ты не ответил ни на один из моих звонков сегодня? — спрашивает Гретхен.

— Ты знаешь почему, любовь моя. Я должен был быть с Мией, — напоминаю я. — Но у меня есть хорошие новости. Я бросил ее. Все, о чем ты мечтала для нас двоих, может сбыться сейчас.

— Пол, сегодня рано утром ко мне приходил какой-то мужчина. Он сказал, что его зовут Бак. Сказал, что нам срочно нужно поговорить. Поэтому я впустила его, — теперь ее голос звучит бодро. Настойчиво. Я должен был ответить на ее звонки. — Он хотел поговорить о тебе. Он... Пол, он говорил такие уродливые вещи. И у него были фотографии избитой женщины. Он сказал, что это сделал ты.

Ладно. Этот ублюдок пытался убедить ее, что я — зло. Мне придется убедить ее в обратном.

— О, любимая, мне так жаль. Бак — сумасшедший. Этот парень просто завидует мне.

Он наш сосед у озера, и у него не все в порядке с головой. Похоже, он заикнулся на мне. На самом деле он хочет разрушить мою жизнь ложью и намеками. Пожалуйста, не переживай. Ты же знаешь, я бы никогда не причинил вреда женщине. Никто не любит женщин больше, чем я. Никто не любит тебя больше, верно? — заверяю ее я. Мои руки снова сжимают руль. Я хочу развернуться, поехать обратно к озеру и убить Бака, хотя я не такой парень. Мне требуется все силы, чтобы продолжать ехать домой к моим мальчикам и Гретхен. — Это просто какая-то жестокая игра, в которую играет Бак. Он извращенец. Ты ведь на самом деле ему не веришь, любимая?

— Я не хочу, Пол, — отвечает она. Теперь ее голос дрожит. Я представляю, как она сидит в постели, подтянув колени к подбородку. Она голая. Может быть, я сначала поеду к ней, заберу и привезу к себе домой. — Я просто не знаю, чему верить.

Во что я не могу поверить, так это в то, как Бак и Миа вмешались в мою жизнь. Им это с рук не сойдет. Как бы мне ни хотелось пойти утешить Гретхен, и я все еще могу это сделать, но понимаю, что настоящие рычаги власти остаются дома, они спят в своих кроватях, ожидая возвращения своего любимого папочки.

— Я знаю, что ты напугана, любовь моя, — говорю я успокаивающим голосом, глядя в зеркало заднего вида. Проезжаю мимо полуприцепа, но на дороге больше никого нет. Я уверен, что за мной никто не следит. — Со стороны Бака было предосудительно вовлекать тебя в свою нелепую вендетту. Он больной человек, ему нужна помощь. Веришь, любовь моя? Утром я принесу завтрак, и мы все это обсудим. Ты мечтала о том, чтобы пойти вместе на пляж, и теперь мы можем. Звучит хорошо?

— Мне нужно подумать, — тихо произносит она. — Мне нужно немного пространства. Я позвоню тебе через несколько дней. Не звони мне, Пол. Хорошо? — Она плачет. Я слышу громкое рыдание, когда она вешает трубку.

Моя любовница только что повесила трубку. Как такое случилось? Каким-то образом за один день моя жена уходит от меня к другому мужчине, а моя любовница говорит мне не звонить ей. Это все Бак виноват. Мне следовало воткнуть ручку ему в шею или растоптать трахею в саду. Мне хочется закричать или швырнуть в кого-нибудь чем-нибудь, но я за рулем, и это было бы смешно. Мне нужно успокоиться и сосредоточиться. Я вспотел и включил кондиционер. Поворачиваю шею из стороны в сторону, пока она удовлетворенно не хрустит. Я все еще контролирую ситуацию, или буду контролировать, как только вернусь домой к мальчикам. Может быть, мы завтра отправимся в Диснейленд? Если Гретхен передумает, она может присоединиться к нам.

Я понимаю, что забыл рассказать ей о Диснейленде. Нажимаю кнопку, чтобы набрать номер Гретхен. Ее контактная информация замаскирована под ресторан с названием «Сейвори». Умно, я знаю. Включается громкая связь, и звонит телефон. Один. Два. Три. Четыре.

— Это Гретхен, — объявляет ее автоответчик. — Оставьте сообщение.

Не могу поверить, что она игнорирует меня, игнорирует мой звонок. Как она посмела. Это неприемлемо. Ярость охватывает меня, когда я швыряю телефон в пассажирское окно и слышу глухой стук, когда он падает в щель между дверью и сиденьем. Единственный звук в машине сейчас — мое прерывистое дыхание. Сжимаю руль, моя челюсть сжимается, и я давлю на педаль газа. Я послушаю свой плейлист. Я нажимаю на кнопку, и моя любимая песня, в исполнении Бобби Дарина «Баллада о Мэкки Ноже», взрывается в моей звуковой системе, когда я подпеваю.

Смотрю в зеркало заднего вида и вижу мигающие огни полицейской машины. Я перестал себя контролировать. Я совершил ошибку. Мое сердце колотится, когда сбавляю скорость до шестидесяти пяти миль в час. Сейчас не время останавливаться. Огни теперь позади меня, и я слышу вой сирен. Полицейская машина проносится мимо меня. Это знак. Мои плечи расслабляются, я ослабляю хватку на руле и включаю свою песню громче. Плавный джаз: спокойный, структурированный и контролируемый. Совсем как я.

Глава 29

02-45

Яркие огни центра Колумбуса — желанный маяк в моем взволнованном состоянии. Я отлично провожу время. На дороге почти нет других машин, только дальнобойщики и я. Одержимо смотрю на часы. Мне не терпится вернуться домой, но понимаю, что, возможно, придется заняться еще парой дел, прежде чем я воссоединюсь со своими мальчиками. В том смысле, что они спят, так что они счастливы, но я нет. В моем распоряжении еще по крайней мере три часа темноты, что дает мне достаточно времени, чтобы закончить кое-какие дела.

По иронии судьбы, съезд с автострады, по которому я езжу, — это не только дорога домой, но и дорога в мой офис. Это было удобно — доехать от моего величественного загородного дома до моего сверкающего офисного здания менее чем за десять минут. Два мира, дом и работа, находятся близко друг к другу, но так сильно отличаются.

Офисное здание представляет собой квадрат из стекла и стали, расположенный на холме с прямым видом на городской пейзаж. Это было удобное место, и партнеров приветствовали за то, что они построили здесь свой офис. Конечно, в этом был смысл. Быстрый поворот на автостраду за считанные минуты доставит вас в центр города или в аэропорт, а несколько минут в противоположном направлении приведут к дому.

Очень удобно, если вы что-то забыли или хотите проверить, действительно ли ваша жена спит дома с детьми. Для протокола, она всегда делала именно то, что говорила мне, моя милая Миа. Через несколько лет мне даже не нужно было так часто ее проверять. Забавно, как человек становится самодовольным, принимая вещи за чистую монету. Когда она перестала спрашивать, буду ли я дома к обеду? Возможно, мешала работа, а может, в этом виновата Кэролайн.

Кэролайн не Миа.

Миа никогда не лгала мне. Ну, не до сих пор. Кэролайн любила врать с того самого момента, как я ее встретил. Она сразу начала заигрывать. Она почувствовала тепло между нами в том лифте, и знала, какими мы могли бы быть вместе. Я хотел быть тем, в ком она нуждалась. У нас был такой потенциал. Но все это время у нее был Чедвик.

Чедвик. Что это за имя такое? Я думаю, Кэролайн решила, что оно лучше, чем Пол.

И вот мы здесь, на моей старой территории. Я паркуюсь в одном из двух мест только для партнеров «Томпсон Пейн» — напыщенные придурки — и просматриваю остальную часть стоянки. Пусто. Протягиваю руку, чтобы достать свой телефон, радуясь, что экран не разбился, когда я швырнул его через всю машину. Мне нужно убедиться, что я держу себя в руках. Сейчас время для расчета и спокойствия. Огонь может вспыхнуть позже.

Конечно, я знаю, что на этой стоянке, на входах в здания, установлены камеры видеонаблюдения. Но партнеры и напыщенны, и любят экономить. Я в курсе, что они стирают каждое утро в 6:00 записи за прошлый вечер, если сигнализация не сработала.

Она не работает. Я вставляю свой ключ в дверь, и, как и было предсказано, она открывается. Да, Ребекка заставила меня отдать свой ключ. Да, я достаточно сообразителен, чтобы сделать дубликат много лет назад. Я спешу к клавиатуре с кодом безопасности, набираю те же четыре цифры, которые компания использовала с момента своего основания — комбинацию дат рождения Томпсона и Пейна, — и звуковой сигнал прекращается, когда маленькая кнопка становится зеленой. Я не сомневался. Знал, что они не станут менять код или переподключать все здание. Я был символическим увольнением, одним-единственным-для-команды-потому-что-мы-серьезно-относимся-к-сексуальным-домогательствам. На самом деле я не представляю угрозы. Я всего лишь печальная заметка в безупречной в остальном истории равенства фирмы. Верно.

Как приятно вернуться домой, понимаю я, входя в лифт из нержавеющей стали и нажимая кнопку верхнего этажа. Мой этаж. Также на этом этаже: партнеры, отдел кадров и, да, драгоценная Кэролайн. Спешу по роскошно устланному ковром коридору, мимо многочисленных наград в рамках, развешанных по стенам, многие из них для кампаний, над которыми я работал, кампаний, которые создал. Останавливаюсь на мгновение и смотрю на свой кабинет, теперь заполненный чужими вещами. Я знаю, что Рик Джейкобс получил повышение, занял мою работу. Он был единственным парнем, который написал мне после того, как я ушел, единственный, кто сказал, что скучает по мне. Я двигаюсь дальше.

Дверь кабинета Ребекки заперта. Конечно. Она единственный человек во всем этом здании, который действительно запер бы свою дверь. Но это нормально, потому что моя должность давала много привилегий, не последней из которых был мастер-ключ. Ее дверь распаивается, и я отшатываюсь от запаха навоза. Боже милостивый, кто позволяет этой женщине создавать джунгли в своем офисе? Это противоречит общепринятой вежливости, я имею в виду, бедняков по обе стороны от нее. Чему она подвергает их со всем этим использованием пестицидов, этим влажным затхлым воздухом, вызванным непрерывным поливом? Я, наверное, спасаю чью-то жизнь, понимаю я, выдергивая первое растение из горшка и бросая его ей на стол.

Она считает эти растения своими детьми. Я где-то это слышал, вскоре после нашей первой встречи. Она хуже, чем Миа со своими клубничными дочками, большая женщина.

Я быстро уничтожаю всех ее детей, создавая зеленую кучу мусора на ее белом офисном стуле, ее столе. Вдавливаю особенно большое, мягкое зеленое растение в ее коврик — я слышал, из ее поездки в Индию — пятно, добавляющее оттенок лесной зелени к темно-коричневому ковру. Я художник.

Закончив заниматься садоводством, пытаюсь выдвинуть ящик с документами, но он заперт. Для него у меня нет ключа. Ребекка такая недоверчивая, противная женщина. В любом случае, мне не нужны ее файлы.

Я выхожу в коридор и захожу в кабинет Кэролайн. Небольшое пространство пахнет корицей и жасмином, запахом свечи, которую она всегда зажигала на своем столе, и я улучаю момент, чтобы вдохнуть его. Сажусь в ее кресло и закрываю глаза, кладу обе руки на стол, чувствуя ее энергию. Такая упущенная возможность, такая глупая девчонка. Нам могло бы быть так здорово вместе.

Открываю глаза и смотрю на фотографию в рамке рядом со свечой. Кэролайн, обнимающая за талию спортсмена. Он блондин, ростом шесть футов четыре дюйма, по крайней мере, и, я могу сказать, идиот. На нем футбольная майка их университетской команды. Влюбленные из колледжа, как мило. Но она сказала мне, что не замужем, не так

ли? Да, я уверен, что она так сказала. И когда я все еще работал здесь, на ее столе не было Чада. Это я бы, конечно, заметил. Я первый, кто уважает отношения между парнем и девушкой. И вот мы здесь, Чад, Кэролайн и я. Что я мог бы подарить счастливой паре, чего у них еще нет? Может быть, растение в горшке? Ну, к сожалению, мы только что закончили с ними в «Томпсон Пэйн». Мне действительно нужно оставить ее с чем-то, каким-то способом, показать, что я был здесь, и что она выбрала не того парня.

Я хватаю рамку и вытаскиваю фотографию. На обороте подчерком Кэролайн: «Ч и К навсегда». Я борюсь с желанием разорвать нелепую фотографию, но вместо этого достаю свою новую ручку, зачёркиваю чепуху о «Ч и К навсегда» заменяю ее на «П и К», добавив немного сердец. Я улыбаюсь, ставя фотографию обратно в рамку и идеально располагая ее рядом со свечой.

Все, что ей нужно было сделать, это сказать мне, что у нее был парень. Шлюха.

Я поворачиваюсь к ее компьютеру, и он включен. Нажимаю на файл на ее рабочем столе, ЧК, и вуаля, это все о Чаде и Кэролайн: сотни фотографий счастливой пары. Я открываю ее электронную почту и ищу свое имя. Загружается не менее пятидесяти электронных писем. Я просматриваю их. Некоторые из них по работе, ко мне или от меня. Некоторые — нет. Я уточняю поиск до Пола и Чада.

«Здесь есть парень постарше, по имени Пол. Он пугает меня. Он всегда наблюдает за мной, притворяясь, что натывается на меня. Жутко». Кэролайн напечатала это Чаду. Я ее напугал? Я хотел заняться с ней любовью. Сука.

Я выхожу из электронной почты и открываю ее веб-браузер. Ей, должно быть, одиноко без Чада. Он живет в Вирджинии, и, хотя они обсуждали брак, он хочет закончить юридическую школу, прежде чем сделает предложение. Как мило. Это должно занять ее на какое-то время. Я наблюдаю, как загружается выбранный мной сайт, и продолжаю нажимать, пока на ее экране не взрывается отвратительное вирусное порно.

И я открываю все больше сайтов, а разврат продолжает загружаться. Я не знаю, сколько может выдержать компьютер, но буду продолжать давать его до тех пор, пока он больше не сможет справляться. Я улыбаюсь, когда слышу, как тяжело работает компьютер. Хочу быть уверен, что она поделится со всеми своими секретными сексуальными извращениями. Я, знаете ли, создаю электронное письмо между ней и Чадом. Я прилагаю некоторые из самых интересных фотографий к ее любовной записке. А потом, ради забавы, я слепо копирую его всем сотрудникам в офисе. Ой, Кэролайн.

Я планирую отправить сообщение в понедельник, в начале дня.

В отделе кадров действует строгое правило «никакого порно». Полагаю, все могли бы понять, что бедняжка Кэролайн одна, а ее парень находился в двух штатах отсюда. Что оставалось делать девушке? Но все же правило есть правило, даже для идеальной Кэролайн. Ребекка, все еще оплакивающая потерю своих детей-растений, будет вынуждена уволить ее. Я почти могу представить себе эту сцену: рука наемного полицейского на плече Кэролайн, выводящего ее за дверь, когда ее слезы падают на темно-зеленое пятно на ковре Ребекки.

Я смотрю на часы. Пора уходить. В последний раз захожу в лифт и спускаюсь на первый этаж. Теперь я в мире с этим местом. Возможно, даже отправлю открытку команде, как только поселюсь во Флориде, а может, и нет. Я восстанавливаю сигнализацию и выхожу в все еще черную ночь. Поистине, удивительно, как многого можно достичь за один день, когда человек стремится покончить с делами и когда у него есть план.

Гретхен будет рада меня видеть. Конечно, она в замешательстве — спасибо чертову

Баку, — но как только увидит меня, она поймет, кому может доверять, в кого может верить. К счастью, ее квартира находится в квартале от моего офиса, и я оказываюсь перед ее домом менее чем через две минуты. Я выскакиваю из машины и спешу по знакомой дорожке. Дом Гретхен — один из серии старых кирпичных особняков, очаровательных и ветхих одновременно. Гретхен посадила розовую герань в ящик на окне рядом с ее входной дверью. Ее соседка, пожилая женщина, с которой я пару раз здоровался, решила посадить красные. Выглядит по-домашнему, очень по-американски.

Жаль, что Гретхен не дала мне ключ. Она все время забывает спросить своего домовладельца, говорит она. Еще она говорит, что вспомнит, когда я не забуду развестись со своей женой. Мило, да? С ней происходит небольшая игра во власть, понимаю я и чувствую, как сжимаются мои кулаки. Я делаю глубокий вдох, успокаиваясь. Мне нужно поторопиться.

Я тихонько стучу в толстую входную дверь, представляя, как Гретхен спит в мягкой шелковой ночной рубашке. Я не хочу ее пугать, но мне нужно, чтобы она уже проснулась. Сопrotивляюсь желанию постучать кулаком в дверь, решая обойти здание сзади. Я иду между навесами, мои ботинки хрустят по гравию подъездной дорожки. Ее окно защищено большой сосной, которую она любит за уединение, но она царапает мне лицо, когда я пробираюсь сквозь ветви. У нее даже нет занавески на окне, Грэтхен полагается на сосну, чтобы защититься от любопытных глаз. Мне нужно сказать ей, что это небезопасно. Я имею в виду, все, что нужно, — это отломить несколько веток, и у вас будет отличный обзор.

Я стучу в ее окно пару раз, сильнее с каждым стуком, и смотрю, как она шевелится. Грэтхен садится в постели, смотрит в окно, но не видит меня. Я стучу снова. Я здесь, любовь моя. Она включает лампу на прикроватной тумбочке, ее глаза щурятся от яркого света. Она дезориентирована, бедняжка. Она поднимает трубку телефона, возможно, проверяя время. Сейчас поздно или рано, в зависимости от вашей точки зрения, почти половина пятого утра. Я сам боролся с волнами истощения всякий раз, когда мой прилив адреналина ослабевал.

Стучу снова, три раза, а затем машу рукой, чтобы она знала, что это я, друг, любовник, а не Подглядывающий или какой-то другой подонок. Она встает, короткая ночнушка обнажает ее великолепные ноги. Гретхен держит телефон обеими руками перед собой. Слишком поздно я понимаю, что она, возможно, набирает 911.

— Гретхен, это я, любимая. Все в порядке, не нужно звонить в полицию, — кричу я через стекло. К счастью, это старое свинцовое стекло, красивое, но тонкое. Никаких противоштормовых окон, конечно, так как ее домовладелец жмот.

Она наклоняется вперед, а затем делает шаг к окну, пытаюсь разглядеть меня в темноте, телефон все еще в ее руках в качестве защиты.

— Пол? Что ты здесь делаешь?

— Привет, да, это я, — меня охватывает облегчение. — Я пришел, чтобы увезти тебя в самое счастливое место в мире, любовь моя. — Даже для меня это прозвучало немного банально, но женщины любят такие вещи.

— Я просила тебя оставить меня в покое, дать мне время подумать. — Гретхен отступает назад. — Тебе нужно уйти сейчас, Пол.

Бак сделал это. Он отравил всех ложью. Возможно, мне придется сделать остановку в Нэшвилле, просто чтобы поздороваться с Лоис, убедиться, что она не собирается делать ничего сумасшедшего. Но сначала мне нужно вернуть Гретхен в команду Пола.

— Любовь моя, послушай,пусти меня. Давай поговорим. Я помогу тебе собраться. Нам будет так весело! — Я положил одну руку на окно, наслаждаясь его прохладной гладкой

текстурой. Хочу прикоснуться к щеке Гретхен, почувствовать ее теплое тело под своим. Я улыбаюсь своей обаятельной улыбкой, добавляя подмигивание.

Она не отвечает на мой энтузиазм и делает еще один шаг назад, к двери своей спальни.

— Я никуда с тобой не пойду. Если ты сейчас же не уйдешь, я вызову полицию.

Свет внезапно заливает подъездную дорожку и площадку под навесом, и я освещен, как будто это дневной свет. По соседству особняк старой леди пульсирует светом, когда открывается ее задняя дверь.

— Кто здесь? Я собираюсь позвонить в полицию.

Она идиотка. Если бы был плохим парнем, я бы набросился на нее сейчас, когда дверь открыта, проломил голову и забрал все деньги, которые у нее могли быть. Но у старой леди есть яйца. Мы находимся в нескольких футах друг от друга, но моя сосна защищает меня.

Я оглядываюсь через окно на Гретхен. Она произносит одними губами:

— Уходи.

Ладно. Я слышу ее, громко и ясно.

Старая летучая мышь закрывает свою дверь и выключает наружные прожекторы, и я снова окутан тьмой. Я в порядке. Мне не нужна Гретхен. Она даже не богата. Нет, лучше начать все сначала, только мы с мальчиками: три мушкетера против всего мира. Пошла ты, Гретхен, любовь моя. Я показываю ей средний палец, но не думаю, что она меня заметила, отступая в свою гостиную.

Я срезаю через двор по пути к своей машине, и для верности, для развлечения, заглядываю в окно ее гостиной.

— Бу! — пугаю я, махнув рукой на прощание.

Выражение ее лица бесценно, и я смеюсь всю дорогу до машины.

Женщины так предсказуемы, ими так легко манипулировать. Я рад, что у нас не родились девочки. Мальчики прозрачны, их легко читать, их легко воспитывать. Им будет так весело во Флориде или в Нэшвилле, где бы мы ни оказались.

Отъезжаю от квартиры Гретхен, с нежностью думая обо всем прекрасном сексе, который у меня там был, наслаждаясь небольшой вспышкой желания, которая проходит через меня, когда выезжаю на знакомую улицу, ведущую к дому. Нора Джонс поет «Пойдем со мной», когда я еду по Лейн-авеню. Улица ведет меня по прямой дорожке через мой прекрасный пригород, место, заполненное высококлассными магазинами, уютными ресторанами, загородными клубами, счастливыми детьми и избалованными домохозяйками. Мои мальчики навсегда сохранят воспоминания об этом месте. Пойдемте со мной в ночь, мальчики. Мы построим наш новый дом на солнце.

Это единственное плохое, что я могу сказать вам о Грандвилле, — я имею в виду, что там никогда не бывает солнечно. С октября до конца апреля здесь царит вечная серость. А потом, когда начинает светить солнце, это здорово на пару недель, пока не станет невыносимо жарко и влажно. Нам будет лучше в другом месте. В любом месте было бы лучше, чем здесь.

Загорается зеленый свет, и я сворачиваю на свою улицу. Я не видел другой машины с тех пор, как уехал из офиса, и до сих пор не вижу. Это только «Форд Флекс» и я, курсирующий по своему району, направляясь домой. Мне нужно сделать еще только один небольшой крюк.

Я съезжаю на обочину и выключаю фары. Дом Бунов в Грандвилле не такой особенный, как их коттедж. Не сомневайтесь, я проверил стоимость всех домов моих соседей в

Интернете и знаю, что наш входит в число двух лучших. С другой стороны, семья Бунов находится в середине общины. На самом деле, если бы вы никогда не посещали их дом у озера, вы бы подумали, что они едва сводят концы с концами.

Может быть, так оно и есть. Похоже, Грег сделал неудачные инвестиции в бизнес, и у него слишком много заемных средств. Одна мелочь может подтолкнуть их к краю пропасти, тем более что они сократили страховку своего домовладения до минимума. Я не знаю этого наверняка, это просто то, что я слышал, так как у нас один и тот же страховой агент. Я, конечно, спрашивал только для себя, так как нахожусь в затруднительном положении и хотел где-нибудь сэкономить. Мой агент Боб пригласил меня на обед, но посоветовал не сокращать охват страховки так сильно, как мой сосед.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, потягивая свой слишком горячий кофе в закусочной — Боб большой транжира, — обжигая свой язык в той раздражающей манере, из-за которой ты не можешь попробовать еду до конца дня. Спасибо, Боб.

Боб заговорщически наклонился вперед в кабинке. Один хороший приятель другому и сказал:

— Ваши соседи, Буны, ну, по секрету, он сократил свою страховку почти до нуля. Я имею в виду, он полностью незащищен. Я бы не рекомендовал этого делать. — Что ж, спасибо тебе, Боб. Отличный парень. Боб был таким полезным источником информации. — Пожалуйста, никому не говори.

Я улыбнулся, счастливый от того, что получил это новообретенное знание, мои вкусовые рецепторы — небольшая цена, которую нужно заплатить.

— О, конечно, нет. Ни слова. Какую политику ты бы порекомендовал, если бы я решил сократить расходы? Я понимаю, не то, что выбрал идиот Грег Бун.

Мы рассмеялись, а потом Боб, конечно, принялся бубнить о своих рекомендациях, но все, о чем я мог думать, это о том, насколько уязвимы были Дорис и Грег.

— Ты убедил меня, — сказал я, как только Боб наконец замолчал. Наши яйца прибыли, сигнализируя об окончании его обличительной речи. Я не мог попробовать ничего из еды, но она была очень сытной. Вы знаете, я не верю в сплетни, но иногда это бывает очень кстати.

Как сейчас. Дом Бунов пуст, все члены семьи уютно устроились в своем большом коттедже на берегу озера. К несчастью для них и к счастью для меня, ближайший уличный фонарь находится в доме напротив, через дорогу, поэтому их дом скрыт в темноте. Конечно, я достаточно хорошо знаком с их домом, чтобы маневрировать в тени.

Как и большинство из нас по соседству, Буны заказали в сентябре дрова, готовясь к предстоящей зиме. И, как и большинство из нас, Буны еще не прожгли все бревна. Я добираюсь до края их двора и аккуратно сложенной кучи, которая, по иронии судьбы, идеально подходит для костра, прижата к дому и держится сухой под навесом крыши. Учитывая теплый, сухой май, который мы пережили, для того, чтобы это сгорело, не потребуется много растопки. Но мне нужен медленный пожар. Я не хочу привлекать внимание к этому маленькому огоньку, пока он не проникнет в стены их дома, огненными пальцами, пульсирующими вдоль электропроводки, поднимаясь вверх.

Я замечаю заднюю дверь с замысловатым витражом, идеально расположенным для взлома. Так будет проще. Снимаю рубашку и оборачиваю руку. Разбиваю окно, хватаюсь за дверную ручку и приветствую себя на их кухне. Грег слишком скуп для контроля безопасности, еще одно сокращение, которое он не должен был делать, и он пожалеет. Я

нахожу дизайнерский набор ножей, выставленный на прилавке в деревянном блоке, и беру большой зазубренный нож. Вытаскиваю плиту, нахожу шланг, соединяющий прибор с газовой магистралью, и легко перерезаю его, улыбаясь, когда знакомый химический запах меркаптана начинает наполнять комнату. Мне не требуется много времени, чтобы найти свечу. Я зажигаю ее спичками из бакалейной лавки Фрэнка, возвращая такие хорошие воспоминания о том времени, когда я стоял в очереди с маленькими людьми и человеком с желтыми руками. Я сглатываю и оглядываюсь.

Свеча выглядит здесь прекрасно, ярко горит на отточенном острове из черного гранита. Я улучаю момент, чтобы оценить детское искусство, прикрепленное к дверце холодильника. Небольшой отпечаток руки, смоченной в краске, был нанесен на строительную бумагу в форме тюльпана. Драгоценно. Маленькие Буны — настоящие художники, но не так хороши, как мои мальчики. Я еще раз оглядываюсь, оцениваю мерцающую свечу и сильный запах, исходящий из-за плиты «Викинг»: всего четыре конфорки по сравнению с нашими шестью. Но все равно, хороший бренд. Молодец, Грег.

Моя работа здесь закончена.

Время ехать домой.

Глава 30

04-45.

Я всего за полквартиры от дома и до сих пор не могу придумать, как сообщить Клаудии, что войду в дверь. Без сомнения, она включила сигнализацию, и я не хочу, чтобы она сработала и разбудила всю округу почти в пять утра. До того, как эта штука заорет, остается около минуты, но это значит, что мне нужно надеяться, что она не заперла на засов заднюю дверь или дверь в гараж.

Хотя на самом деле выбора нет. Мне нужно увидеть мальчиков, забрать моих мальчиков. Увезти моих мальчиков. И никто не сможет меня остановить, это я могу обещать. Между домом Бунов и нашим много уличных фонарей, освещающих улицу, чего не хватает в Лейксайде, поэтому здесь кажется светлее, счастливее. Теперь я буду ценить это место больше, клянусь себе. По крайней мере, буду наслаждаться этим, пока не продам. Буду наслаждаться последним часом здесь, пока мы не уедем. Я смотрю на часы. До восхода солнца осталось не так много времени.

На подъездной дорожке я выключаю фары. Опять же, не хочу пугать Клаудию, освещая фарами гостевую спальню. Кто знает, как отреагировала бы на это наркоманка? Наша гостевая комната находится над гаражом, за углом от спален мальчиков. Я решаю не открывать дверь гаража, так как знаю, что этот звук предупредит ее. Вместо этого проверю заднюю дверь. Она ленива, Клаудия. Возможно, она вообще ее не заперла.

Я ставлю машину на стоянку и выхожу. Как хорошо быть дома. Медленно иду к задней двери. Улучаю минутку, чтобы полюбоваться зеленой травой и подстриженными кустами, тюльпанами, цветущими в честь весны. Я смотрю направо, на бывший дом моих родителей, темный и наполненный спящими незнакомцами. Старый добрый Бак не знал этой части истории, с улыбкой понимаю я. Он, как обычно, недооценил меня. А не должен был.

Сигнализация не включена. На панели горит зеленый свет. Это блестящая новость, даже если это новость, которая заставила бы меня уволить Клаудию при нормальных обстоятельствах. Это ненормальные обстоятельства, так что я благодарен ей за отсутствие компетентности. Наркоманка. Я вставляю ключ в замок и слышу, как он щелкает,

поворачиваю ручку и захожу в свой дом. Включаю свет в задней прихожей, и меня на мгновение сбивает с толку тот простой факт, что стол, дорогой антиквариат, подаренный родителями Мии, исчез. Это место, где я кладу свои ключи каждый день после работы. Но его там нет. Я уверен, что он был здесь утром, когда мы уезжали.

Это странно. Зачем Клаудии двигать стол? Я удивлен. Медленно, тихо иду по коридору и прохожу на кухню. Здесь, кажется, все в порядке. Я проглатываю растущее чувство беспокойства. Здесь нет ни беспорядка, ни посуды. Никаких признаков маленьких детей. Никаких блоков лего. Никакого дополнительного сиденья за кухонным столом.

Где кресло-бустер Сэма? Я выхожу из кухни и направляюсь к лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз. Начинаю идти в хозяйскую спальню, но передумываю и вместо этого ускоряю шаги в комнату Майки. Я тихонько поворачиваю ручку закрытой двери его спальни и осторожно открываю ее.

Комната абсолютно пуста.

— Что? — говорю я вслух, прежде чем поспешить через ванную, соединяющую комнаты мальчиков. Я распахиваю дверь в комнату Сэма. Там пусто. Ни мебели, ни Сэма.

Где мои мальчики?

— Клаудия! — кричу я, направляясь в гостевую комнату. Хотя в комнате для гостей никого нет. Дверь открыта. Мебель — мебель, лампы, картины, даже маленькая картина Пикассо от родителей Мии, которую мы повесили в комнате, чтобы произвести впечатление на гостей, все — исчезло.

Я стою там, в пустой гостевой комнате, в шоке. На мгновение. Провожу рукой по волосам, прежде чем вытащить телефон из кармана. Я набираю номер Мии. Мой звонок переходит на голосовую почту.

— Миа, что ты сделала с моими мальчиками? Где моя мебель? Мой антиквариат? Мои картины? Где мой Пикассо? Пляжный пейзаж Элис Шилле на стене тоже исчез. Мне нужны объяснения. Позвони мне немедленно, — говорю я. Мой голос спокоен. Я все контролирую. Она будет встревожена так же, как и я. Она будет повиноваться мне.

Наконец я захожу в хозяйскую спальню. Кровать все еще там, как и приставные столики. Стены голые, зияющие дыры там, где раньше висели картины. Портрет счастливой семьи, на котором мы вчетвером позируем в беседке у озера, висевший прямо за дверью, тоже отсутствует. Я касаюсь того места, где он должен быть, где он всегда был. Кто мог сделать такое? Вторгся в наше личное пространство?

Я врываюсь в гардеробную. Только половина комнаты заполнена. Все вещи Мии исчезли. На стойке в ванной лежит красный конверт с надписью: «Пол», написанной почерком Мии. Я хватаю его, чувствуя толстую текстуру. Это, конечно, любовная записка. И, возможно, объяснение. Может быть, мы переезжаем куда-то вместе, и все это большой сюрприз.

Вскрываю конверт и достаю письмо.

«Дорогой Пол,

Сейчас я уверена, тебе не терпится узнать, что происходит. Трудно быть на шаг позади, я знаю. Поверь мне. Благодаря тебе я научилась. Так что добро пожаловать домой и добро пожаловать в твою новую реальность.

Мальчики в безопасности, прячутся у моих родителей, и я тоже. Как тебе уже сказали, не должно быть никаких попыток найти меня или детей, и никаких действий, угрожающих или предпринимаемых против тех, кто помогал мне. Все, чего мы хотим, —

это жить в мире, вдали от тебя. В этот день все было организовано с единственной целью, убедится, что ты больше не потревожишь нас.

Поскольку ты читаешь это, ты уже подписал соглашение. Я не могу быть уверена, что еще произошло. Если ты причинил боль мне или Баку, мои родители выдвинут обвинения. Они знают, на что ты способен. Я рассказала им все, что знаю. И это очень много. Я не собираюсь тратить здесь время на изложение всего, что мы узнали о тебе, твоём прошлом и твоём настоящем. Ты знаешь, кто ты, что ты сделал. Однако я могу пообещать одну вещь: твоё будущее не будет включать нас.

Пожалуйста, знай, что мы с мальчиками навсегда ушли из твоей жизни.

Не лги больше, Пол. Так много людей сейчас наблюдают за тобой. Миа».

Она отняла у меня всю мою жизнь! Я сжимаю красный конверт в руке и начинаю рвать его на куски, но затем сминаю в комок. Её письмо о предательстве я сохраню. Это напугает меня никогда не доверять женщине, никогда. Я складываю дурацкую записку Мии в маленький квадратик и засовываю её в карман. Не могу поверить, что она взяла верх. Не могу поверить, что позволил этому случиться, позволил ей победить. Это глупая ошибка, и она больше не повторится.

Все будет хорошо. Я непотопляем. Я просто развернусь и начну все сначала. Никто не сможет надолго усмирить Пола Строма. Конечно, она забрала моих мальчиков, но я могу сделать больше. Есть много женщин, которые хотят того же, что и я, которые хотели бы быть миссис Стром. Не Гретхен, бедняжка, и уж точно не старая добрая Кэролайн, смотрящая порно. Лоис замужем и небогата. Думаю, я отправлюсь на более зеленые пастбища. Мне не нужен Диснейленд, чтобы найти самое счастливое место на земле. Нет, мне просто нужны состоятельные женщины, предпочтительно молодые вдовы. Палм-Бич, жди меня.

Я возвращаюсь в гардероб и собираю свои любимые костюмы на любую погоду, а также несколько купальных шорт. Я, как Феникс, снова восстану. Переодеваюсь в розовое поло — идеально, верно? — и в удобные джинсы и мокасины для вождения. Я буду выглядеть как успешный бизнесмен в отпуске. Просто одинокий мужчина, пытающийся прийти в себя после потери всей своей семьи — жены, двух сыновей и родственников супруги — в ужасной авиакатастрофе в прошлом месяце. Частные самолеты, просто никогда не знаешь наверняка. И нет, их тела еще не найдены. Это так трагично.

Смотрю на свое отражение в зеркале во весь рост и смотрю на часы. Восход солнца через пятнадцать минут. Мне нужно уйти до рассвета, пока весь ад не разразился и на нашей улице тоже. Я хватаю свой дизайнерский чемодан и иду по коридору.

На верхней площадке лестницы кто-то стоит. Какого черта? Я сую руку в карман, удовлетворенный тем, что ручка там. Но все равно я на взводе. У меня нет оружия дальнего действия. Я полагаюсь на силу неожиданности. И прямо сейчас мне негде спрятаться.

— Руки вверх, чтобы я мог их видеть, — говорит мужской голос, когда меня ослепляет фонарик. Я вижу дуло пистолета, направленного мне в грудь. — Офицер Кларк, полиция Грандвилла. Нам позвонили по поводу взлома с проникновением.

— Я домовладелец. Я здесь живу, — объясняю я. Кто, черт возьми, вызвал полицию? Кто знает, что я здесь? Миа знает. Мне давно следовало прикончить ее. Вот благодарность за то, что ты терпеливо отнесся к ее кончине.

— Мне нужно увидеть какое-нибудь удостоверение личности. Мой напарник, офицер Майлз, достанет ваш бумажник. Не двигайтесь.

Когда я стою в своем почти пустом доме, мои руки подняты, карманы опустошены,

знаю, что это не конец. Я не могу позволить Мии победить. Я не позволю Мии победить. Я должен был прикончить ее, ее и Бака. Офицер достает мое удостоверение из бумажника и светит на него фонариком.

— Его адрес в удостоверении личности совпадает. Но что все это? — спрашивает второй офицер, который яростно вытаскивает наличные из моего заднего кармана. Он также достал любовную записку Мии из моего переднего кармана. Слышу, как ручка падает на пол. Коп игнорирует ее, пока я борюсь с желанием нагнуться и поднять, возможно, воткнуть ее в его толстую потную шею. Я осматриваю лицо офицера Майлза, покрытое шрамами и оспинами от сильных прыщей. Просто отвратительно. У него никогда не могло быть другой жизни. Его возможности в этом мире так ограничены по сравнению с моими. Может быть, мне следует прекратить его страдания.

— Я задал вам вопрос, сэр, — торопит рябой Майлз.

— А, это любовная записка от моей жены, офицер. Она была запечатана в красный конверт цвета страсти. Это особенное, — говорю я. — Личное.

Он бросает записку Мии на пол.

— Я спрашиваю об этом, — он размахивает пачкой денег, которую я одолжил в гостинице, перед моим идеально гладким, мужественным лицом. Уверен, что моя щетина уже превратилась в маленькую бородку. Это был долгий день. Он все еще смотрит на меня, теперь изучая купюры, как будто никогда не видел так много в одном месте. Бедняга.

— Это наличные. Деньги. Я знаю, что вы мало зарабатываете, но это они и есть, — издеваюсь я. На самом деле, уровень людей, которые нас защищают и служат нам, просто смехотворен.

— Ты такой забавный, придурок, — отвечает Уродливое Лицо. Ему повезло, что он работает в ночную смену. Он пугал бы маленьких детей при дневном свете.

Я пожимаю плечами, когда полицейский забирает мой бумажник и обхватывает руками наличные, отступая от меня. Он прикарманит мои деньги, я знаю, что так и будет. Это даже не попадет в полицейский отчет. Другой полицейский приставил пистолет к моему сердцу, которое, как я теперь понимаю, бьется довольно быстро.

— У нас было сообщение о краже в местечке под названием Лейксайд, в тамошнем отеле. Сегодня вечером кто-то ограбил кассу. Знаете, что-нибудь об этом, мистер Стром? — спрашивает офицер Кларк.

О, это просто смешно. Я не собираюсь подставляться из-за мелкой кражи.

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — отвечаю ему. — Могу я опустить руки?

— Разве вы только что не были, в Лейксайде, сэр? — спрашивает уродливый парень. Почему он настаивает на том, чтобы называть меня «сэр», как будто я старик? Конечно, он молод, но посмотрите на это лицо. Я бы предпочел быть самим собой. — Они передали ваш номерной знак. Мы знаем, что это были вы, сэр. Что вы были там. В вестибюле есть камера. — Интересно. Я ее не заметил. Эти камеры с каждым днем становятся все меньше. Похоже, что Скотт все-таки снимется с крючка из-за этого, в конце концов. Ладно. Все можно пережить, от всего можно отвертеться. Просто нужно использовать свой мозг, а мой не имеет себе равных.

— Уберите руки за спину, мистер Стром. Мы отвезем вас в участок, — заявляет офицер Кларк. Какой у меня есть выбор? Их двое против меня, а я безоружен. Я знаю, о чем вы думаете. Я ловко справился с Баком, хотя должен был прикончить его. Могу я одолеть этих двоих? Вероятнее всего. Но меня освободят, как только я внесу залог. Зачем поднимать шум

сейчас? Лучше пойти в участок, избавиться от этих пешек, сесть в машину и уехать в мое будущее на следующий день. Черт возьми, я уже собрал вещи. Я с тоской смотрю на свой чемодан, темно-серый, очень стильный, и решаю подчиниться.

Они надевают на меня наручники и выводят из моего дома. К счастью, еще темно. К счастью, мои мальчишки не стали свидетелями этого смущения. Я тоже никогда не расскажу им об этом, когда увижу снова. А я увижу их снова.

Когда сажусь на заднее сиденье, офицер Кларк грубо толкает меня головой вниз.

— Эй, — возмущаюсь я. — Не заставляйте меня предъявлять обвинение в жестокости.

— На вашем месте я бы пристегнулся, мистер Стром, — советует офицер Кларк, прежде чем захлопнуть дверцу машины. Он снова появляется на водительском сиденье, когда офицер Майлз садится на пассажирское сиденье. Теперь я вижу, что на улице перед моим домом припаркованы еще две патрульные машины.

— Надеюсь, ты насладился своим последним днем свободы, подонок, — язвит офицер Майлз.

Я не сяду в тюрьму за мелкую кражу, чего бы ни пожелало Уродливое Лицо. Тюрьмы не для таких, как я. Они предназначены для тупых наркоманов и городских жителей. Миа и Бак больше ничего им не скажут, потому что хотят, чтобы я просто ушел. И я это сделаю, по крайней мере сейчас. Я знаю, как сильно обидел старого доброго Бака. Может быть, Бак мертв. Можно только надеяться.

Внезапно машину сотрясает взрыв, и небо на мгновение наполняется вспышкой света. Я позволяю себе улыбнуться — в самый подходящий момент.

— Какого черта? — Рябое лицо встревожено. Он выскакивает из машины и исчезает в ночи. Две патрульные машины, стоявшие перед моим домом, включили сирены и уехали. Когда Майлз возвращается, он запыхался, так взволнован. В Грандвилле никогда не случается ничего плохого, так что это большая новость.

— Дом чуть дальше по улице взорвался, я вызвал пожарную команду, и они уже выехали. Ты должен это увидеть, Кларк. Дом как будто полностью исчез. Утечка газа или что-то в этом роде. То, о чем мы читали, надеюсь, все выбрались.

Несмотря на такое детское описание, я доволен. Когда он забирается обратно в патрульный автомобиль, две пожарные машины и две бригады скорой помощи режут по улице, полные света и громких сирен. Им не понадобятся парамедики, но это знаю только я.

— Мы должны отвезти в участок этого парня, — говорит Кларк командным голосом.

— Да, все соседи сейчас проснутся. Давайте двигаться, хорошо? Я бы хотел разобраться с этим маленьким недоразумением и вернуться к своей жизни, — соглашаюсь я. И это правда. Вверх и вниз по моей улице район оживает, зажигаются огни, домохозяйки в халатах и мужчины в боксерах выходят из своих маленьких счастливых домов. Трагедия — это такой магнит? Это мои соседи, которых тянет, как мотыльков на пламя, или, в данном случае, тянет к зияющему фундаменту, где раньше был аккуратный дом. Скоро эти же самые соседи будут сплетничать обо мне, о том, что наш брак разваливается. Я не люблю неудач, и этот, мой пустой, лишенный любви дом, похож на поражение.

— Приятель, при таких масштабах взрыва твой визит в участок даже не попадет в новости, — говорит Рябой. Как будто я хочу стать новостью.

— Какая жалость, — замечаю я. Но он ошибается. Я важная персона. О разрушении нашей семьи будет говорить весь город. То есть после того, обсудят как Грег и Дорис Бун, к несчастью, скатились в нищету. — Теперь мы можем ехать?

Офицер Кларк смеется, включая яркие фары своей патрульной машины, и мы выезжаем с моей подъездной дорожки в все еще темную ночь. Через окно полицейской машины я вижу две яркие звезды, кошачьи глаза хвоста Скорпиона, поднимающиеся в небо.

Миа — Скорпион, я уже говорил об этом?

Эпилог

Год спустя.

Одна из лучших вещей в том, чтобы стоять на берегу озера Эри бодрым майским вечером, — это цвет сверкающей воды, отражающей заходящее солнце. Сегодня вечером вода окрашена в пурпурный и оранжевый цвета, когда она плещется о скалы, выстилающие берег.

— Мама! — кричит Сэм. Они с Майки качаются на качелях в парке прямо за моей спиной. Я поворачиваюсь, смотрю на своего маленького мальчика и улыбаюсь. — Смотри, как высоко я поднимаюсь!

— Это здорово, детка, — восхищаюсь я, наматывая браслет с ангелом-хранителем на запястье. В тот день я засунула счастливый браслет в бардачок машины Пола, надеясь защитить себя и как напоминание о том, что никогда не останусь одна. Это был знак веры и символ того, что я снова начала верить в себя. С тех пор я его не снимала. Мое сердце переполнено счастьем Сэма. Сейчас ему семь лет. Его светлые волосы с каждым годом становятся немного темнее. Но с тех пор как я рассталась с Полом — изгнала дьявола Пола, как я думаю об этом, — все остальное в Сэме становится светлее. То же самое происходит со всеми нами. Наверное, я не понимала, насколько во мне сильно нежелание признавать отвратительные факты, как много я терпела от своего мужа.

Меня угнетали не только многочисленные измены, но и то, что он каждый день заставлял меня чувствовать себя ничтожной и маленькой. Проверял меня, чтобы убедиться, что я каждый день дома с детьми, следил, чтобы я не находила времени, чтобы встретиться со своими друзьями, вставал между мной и моими родителями. Я позволила всему этому случиться, и мне до сих пор так стыдно за то, что заставила своих детей пройти через это, за то, что едва выжила. Потому что, хотя он никогда физически не причинял вреда моим мальчикам, он повредил меня на клеточном уровне, и мои мальчики чувствовали это. Я имею в виду не только яд. Теперь я намного сильнее.

— Я выше, — заявляет Майки. Ему скоро исполнится девять, и он должен быть победителем во всем, что делают два мальчика. Обычно это не проблема. Майки больше всего похож на Пола, особенно глазами. Но он не сын своего отца. Несмотря на его дух соперничества, у него доброе и отзывчивое сердце. Он открыт и честен. Он больше помнит о поведении своего отца, о его авторитарном доминировании. Несмотря на мой туман отрицания, он наблюдал. Он чувствовал мои страдания, мою изоляцию, мое хождение на цыпочках. Моя неуверенность в себе была очевидна и болезненна для моего старшего сына даже в детстве. Но надежда есть. Наш консультант говорит, что с Майки все будет в порядке, что с обоими мальчиками все будет в порядке. Больше всего она беспокоится обо мне, о моей способности преодолеть стыд и чувство вины: потому что я должна была спасти всех нас раньше. Она говорит мне сосредоточиться на позитиве. Я сбежала. Некоторые никогда этого не делают.

— Ты действительно высоко качаешься, Майки, — говорю я. — Ты можешь дотронуться до звезд своими теннисными туфлями?

— Конечно, нет, мама, — отвечает он. Но усмешка на его лице заставляет меня думать, что он представляет, как делает это.

Я обнимаю себя руками, улыбаясь, когда чувствую, как необходимый жир возвращается в мое тело. Теперь, когда меня не травят, я медленно набираю вес. Принимаю это как знак здоровья и счастья. Я почти закончила с процедурами диализа, очищением кишечника и внутривенным введением хелатов. Я буду под присмотром врача, чтобы убедиться, что весь мышьяк выведен из моего организма. Но я воодушевлена. Я собираюсь поправиться. У меня снова появился румянец на лице. Я выгляжу здоровой. Противоположность тому, как выглядела в качестве жертвы покушения на убийство. Я все еще стараюсь есть здоровую пищу, но уже не так бдительна. Картофель фри полностью вернулся в меню. И мы с детьми даже разделили пиццу с сыром в «Слоупи» на обед. Оказывается, сыр не был виноват, виновником был мой муж.

Холодок пробегает у меня по спине, когда я думаю о Поле. Он внес залог в ночь своего ареста, и с тех пор о нем никто ничего не слышал. Ребята Бака проследили за ним до нашего дома, где он взял чемодан и уехал из города. Они перестали преследовать его в Цинциннати, передав дело другой команде, которая выследила его до самого Палм-Бич, штат Флорида. Это объясняло розовую рубашку поло, в которой его сфотографировали, когда он уезжал. Но не более того.

Почему он выбрал Палм-Бич? Мы все удивлялись. Из-за климата? Расстояние от его прошлого? Должна была быть причина поважнее. Это стало ясно, когда его сфотографировали с женщиной, которая была его ровесницей — старше, чем обычно, и вся в драгоценностях. Он искал свою следующую сладкую мамочку. Судя по всем отчетам, он, похоже, нашел ее. Команда Бака попытается предупредить ее, если все станет серьезно, и я знаю, что это правильно. Но больше всего хочу, чтобы он просто оставался там, держался подальше от нас, от всего сообщества.

Дорис и Грег сейчас живут в съемной квартире с двумя спальнями, в соседнем городе. В то время как большинство людей в городе никогда не связывали Пола со взрывом газа в их доме и полным разрушением, Бак и я, мы подумали на него. И до сих пор в этом уверены. Но доказательств просто нет. Мы анонимно позвонили, чтобы рассказать о своих догадках, но все безрезультатно. Если я не выступлю и не выдвину обвинения в покушении на убийство и нападении на Бака в Лейксайде, полиция не воспримет преступный характер Пола всерьез.

Контакты Бака в полицейском управлении сообщили, что копы думают, что Пол просто бедный измученный парень, чья жена бросила его, вывезла все их вещи, забрала его детей и оставила ни с чем. У него не было выбора, кроме как взять немного наличных в гостинице. Он вернул деньги. Все прощено. Конец истории.

Полиция видит Пола совершенно другим, чем знаю его я. Но я не хочу подвергать своих детей или себя испытанию. Поэтому вместо этого я часто беру Дорис на обед и приглашаю ее детей на ночевки, чтобы у них с Греггом было немного места. Это меньше, что я могу сделать.

Бак машет рукой из-за качелей, и я улыбаюсь ему.

— Мы собираемся кидать мяч в корзину! — говорит он, держа по одному из моих сыновей под каждой рукой. Он выглядит таким же сильным, как и всегда, несмотря на то, что принял на себя основной удар ярости Пола физически, потребовавшего ночного пребывания в больнице и месяца реабилитации. Он говорит, что это того стоило, даже тот неожиданный удар, который он получил, чтобы защитить нас.

За Баком и мальчиками приятно наблюдать на баскетбольной площадке. Они воплощают простые радости жизни, смеясь и поддразнивая друг друга. Удивительно, как легко Бак вошел в нашу жизнь. Если бы он не был нашим соседом здесь, если бы мы не разделяли любовь к садоводству, я бы никогда не поняла, что происходит — выпадение волос, потеря веса, усталость, — пока не стало бы слишком поздно. Он преодолел мое отрицание, убедил сдать анализ мочи. Полдюжины врачей провели множество других анализов и не нашли во мне ничего плохого. Этот анализ мочи выявил отравление мышьяком и привел в действие мой план побега. Я позвонила Баку из кабинета своего врача и сообщил ему новости.

— Ну все. Ему конец, — сказал Бак. Его голос был глубоким и властным. Я знала, что с ним на моей стороне, у нас с мальчиками все будет хорошо. — Я соберу кое-какие вещи и приеду, сниму номер в отеле в Колумбусе. Тебе нужно поговорить с адвокатом. Составить план, как вывезти мальчиков из дома и из города. Теперь с тобой все будет в порядке, Миа.

Я держала телефон в дрожащей руке, подавленная оболочка женщины, которой стала. Пол сломал меня физически и морально. Бак помогал мне восстановиться, и помогал с того самого момента, как мы встретились.

— Спасибо, Бак. Не знаю, что бы я делала без тебя, — сказала я.

— Давай не будем выяснять, — ответил он. — Моя команда с тобой круглосуточно каждый день. Я зайду завтра. Побуду рядом во время твоего лечения.

Вот что такое любовь, поняла я в тот день. В тот момент мы с Баком даже не держались за руки, не делали ничего, кроме как делили лопатку, но я знала. Бак тоже так думал.

Каждый день, в течение двух недель до того, как мы с Полом поехали на озеро, в то время как он уезжал в квартиру Гретхен, я появлялась в больнице для лечения диализом и чистки кишечника. Пока Пол занимался сексом со своей любовницей, я сосредоточилась на восстановлении своего здоровья.

Команда Бака держала Пола под наблюдением, и моя работа состояла в том, чтобы убедиться, что я не съела ничего другого, что он мог отравить. Каждый вечер за ужином, когда он тайком отравлял мою еду или питье, я держалась за живот и признавалась, что чувствую себя слишком плохо, чтобы есть. Он пытался спрятать яд в моем йогурте, в моем чае, в стольких разных продуктах и напитках. Было утомительно пытаться опередить его. Он старался не трогать ничего, что могли съесть мальчики, поэтому я знала, что могу спокойно красть куриные наггетсы, когда его нет дома. Ужины были самыми сложными приемами пищи, когда он наблюдал за мной, готовый подсыпать порошок в мою еду, в мой напиток.

Я могу сказать, что Пол был разочарован сложившейся ситуацией. Он хотел, чтобы мне становилось хуже, быстрее, мы знали это. Он был готов к тому, что я умру, а Гретхен займет мое место. Он потерял работу, потерял свой шанс с Кэролайн, и он собирался покончить со мной, с нами. И у него заканчивались деньги, а мальчики, за вычетом меня, были его золотыми билетами. Он провел большую часть последних шести месяцев с Гретхен, так что в этом смысле он уже продвинулся дальше. Я стояла на пути, была препятствием на пути к его будущему. Несмотря на то, что мой отец ясно дал ему понять, что Пол никогда не тронет ни пенни из трастовых фондов сыновей, с моей смертью он становился опекуном и получал право на выплаты для ухода за ними. Жадный и бессердечный.

Холодок пробегает у меня по спине. Пол устал от меня, но вместо того, чтобы ударить по лицу и уехать из города, как он покончил с Лоис, он решил убить меня. Медленно. У меня до сих пор мурашки бегут по коже, когда я признаюсь в этом себе.

Так что я была готова к тому, что он решит ускорит мою смерть. Для меня стало облегчением, когда он попросил провести выходные вместе в Лейксайде, только мы вдвоем. Потому что я знала, что именно туда он отвезет меня умирать. Подальше от мальчиков, подальше от соседей. Только мы вдвоем, конверт с мышьяком и романтический ужин. Звучит совершенно логично, если вы псих: ему нужно было дать мне большую дозу яда. Чтобы прикончить меня. И наш новый коттедж был идеальным местом для сцены смерти.

Ну, а мне нужно было сбежать, и я собиралась это сделать. Требовалось вручить ему бумаги, но, чтобы мальчики в этот момент были уже в безопасности, вне досягаемости. В этом смысле мы оба согласились, что дом у озера был бы идеальным вариантом.

Мои родители были в восторге от того, что я пришла в себя, особенно мой отец, которому Пол не нравился с самого начала наших отношений и который неодобрительно относился к нашему короткому ухаживанию и быстрому браку. Он был прав все это время, но я оказалась слишком увлечена, слишком глупа, чтобы видеть дальше похоти, дальше иллюзии любви.

Пол прекрасно разбирался в иллюзиях. Я видела в нем великого старомодного поклонника, который приносил мне цветы, писал любовные записки и водил меня на дорогие и замечательные ужины. Взрослый менеджер по рекламе, который путешествовал по миру, который научил меня джазовой музыке и сексуальному самовыражению. Я видела Пола, которого хотела видеть, Пола, которого он мне показывал, прочитав мои желания. Замечательного романтика, человека эпохи Возрождения. Этот человек был ложью.

Разница между игрой и правдой была очевидна, когда Бак сидел рядом со мной во время сеанса диализа. Я глубоко вздохнула, взяла свою силу обратно в свои руки и позвонила родителям домой.

— Он не получит ни цента из твоих денег, — заявил мой отец. — Я позвоню адвокатам, как только мы повесим трубку, ублюдок.

— О, дорогая, с тобой все в порядке? Как мальчики? — спросила моя мама. От ее печали у меня на сердце стало тяжело.

— Могут ли они остаться у вас в тот день, когда я покажу ему документы? Я собираюсь с ним на озеро в пятницу. Я бы хотела, чтобы вы, прилетели в город, забрали Майки и Сэма с собой домой. — Бак коснулся моего колена, и я не забыл добавить: — За вами будет приглядывать охрана. А фургон приедет и вывезет наши вещи, как только мы отправимся в путь.

— Конечно. Мы будем там. Ты хочешь, чтобы мы приехали сейчас? — спросила мама. Я представила себе ее испуганные глаза. Уверена, глаза моего отца были прищурены от гнева.

— Нет, мы останемся здесь до четверга. Сядем на ранний рейс. Мы не сможем увидеть внуков до пятницы, Филлис, иначе предупредим этого чокнутого, — сказал мой папа.

— Вот именно, папа. И, папа, есть ли время, чтобы составить соглашение о раздельном проживании с сопутствующим расторжением брака? Я не хочу никаких записей о том, что я была с ним, никогда больше, — попросила я. Пыталась быть сильной, но с этими словами у меня вырвался всхлип.

— Ох, дорогая, да, мы размажем этого ублюдка, — пообещал папа.

— Я хочу подойти и обнять тебя прямо сейчас, — сказала мама. — Ты одна? Мы боялись, что он изолировал тебя от всех.

Я глубоко вздохнула, и Бак взял мою руку в свою.

— Да, он отрезал меня от тебя, от всех. Но со мной здесь есть друг. Его компания

специализируется на безопасности. Я в безопасности, пока вы не приедете. И я прилечу к вам и мальчикам, как только смогу.

— Ну, слава Богу. Скажи этому человеку... Как его зовут? — спросил папа.

— Бак, Бак Оверфорд, — ответила я, встретившись глазами с Баком, когда он вытер мою слезу. По телефонной линии я слышала, как мой отец записал имя Бака, чтобы проверить его. Это заставило меня улыбнуться, хотя я задавалась вопросом, вышло бы что-то хорошее, если бы мой отец проверил биографию Пола до того, как я выскочила за него замуж. Его послужной список был чист.

— Передай Баку, благодарность от нас и надежду, что он сможет уберечь тебя и мальчиков, — сказал мой папа. — Мне нужно позвонить адвокату. Звони нам с мамой каждый день до пятницы. Поняла?

— Да. И спасибо вам обоим, — я была права, что пока не сказал им об отравлении. Знала, что не смогла бы помешать своей обеспокоенной маме приехать в город.

Наш план сработал идеально. День был расписан шаг за шагом, с единственной заминкой в том, что Пол ответил на телефонный звонок, когда мы выходили за дверь. Я знала, что это не важно, какая бы это ни была его женщина, но я не могла не показать своего разочарования, когда он наконец сел в машину. На самом деле весь день был великолепной актерской работой, я пыталась сдерживать свой страх, когда ехала в машине одна, рядом со своим мужем, человеком, который пытался меня убить.

Оглядываясь назад, я не понимаю, как могла оставаться такой спокойной в тот день. Я схватила журнал «Пипл» и попыталась сосредоточиться на чужих скандалах, но не смогла. Моим единственным утешением были зашифрованные сообщения от Клаудии, сообщавшие мне, что мои родители приехали в школу и забрали мальчиков. Я оставила директору записку, в которой объясняла, что у сыновей были запланированы особые выходные с бабушкой и дедушкой. Остановка для круассанов должна была дать мне минутку, чтобы убедиться, что мальчики едут в аэропорт с моими родителями. Как только узнала, что они в безопасности, я почувствовала себя лучше.

Клаудия дала мне знать, когда прибыл фургон для переезда, и что все отмеченное было загружено в фургон. В дополнение к моим родителям, она была моим героем в тот день, ее поддерживала команда из двух парней Бака. Один из парней был «супер милым», по словам Клаудии. Это заставило меня улыбнуться, когда я разговаривала с ней снаружи на тротуаре на Второй улице, наконец-то оторвавшись на мгновение от Пола после нашего обеда в «Слоупи».

Я помню, как сильно мне хотелось убежать от Пола в тот момент. Мальчики были в безопасности, все мои вещи упакованы и уехали. Но оставался еще один шаг. Нам нужно было, чтобы он подписал бумаги о разводе. А потом Пол вышел из «Слоупи», щурясь от яркого солнца, похожий на красивого мужчину, за которого я вышла замуж. Конечно, десять лет немного подействовали, и у него появился маленький животик, из-за которого я любила его дразнить, но все же. Его улыбка была яркой и, казалось, предназначалась только мне. Часть меня все еще восхищалась тем, как он шел ко мне развязной походкой. Уверенный. Все это притягивало меня к нему; все это чуть не убило меня. В тот момент я почти могла забыть, что мы враги. Почти.

Еще одна вещь, которая удерживала меня от побега, — это тот факт, что Бак будет ждать меня в коттедже. Там, где у Пола была развязность, у Бака была суть. Теперь я понимаю разницу. И даже если я не смогу упасть в объятия Бака, пока нет, я смогу стоять

рядом с ним. Впитывая больше сил, когда он рядом со мной.

Когда Пол вывел «Форд Флекс» на подъездную дорожку нашего коттеджа, я не стала дожидаться, пока машина остановится, прежде чем открыть дверь. Идя так быстро, как только могла, стараясь не бежать, я добралась до сада. И там был Бак, как и обещал. Он улыбнулся, показав ямочку на щеке. Успокоив мои нервы.

— Сделай глубокий вдох, Миа. Скоро все закончится, — сказал он. Мы стояли бок о бок, делая вид, что смотрим на грядки с клубникой. — У тебя есть поддержка. Ты в безопасности. Слышишь меня? Ты в порядке?

— Теперь, да, — ответила я. Я почувствовала, как Пол приближается к нам сзади, и по моей спине пробежали мурашки. Как бы ни испытывала облегчение, наконец-то оказавшись рядом с Баком, я знала, что впереди у меня долгая ночь. В то время я просто понятия не имела, какой длинной она станет.

Моя лучшая актерская работа должна была состояться в тот вечер в ресторане. Я была вынуждена покинуть безопасное место, где находился Бак, в нашем коттедже, и забраться обратно в машину вместе с мужем. Конечно, это являлось частью плана, и необходимо было предоставить Баку возможность обыскать вещи Пола и отвезти их в гостиницу. Он также использовал это время, чтобы убедиться, что все камеры, которые он установил внутри коттеджа, работают. Он проверил тревожную кнопку, которую установил в начале недели. Слава богу, это сработало.

Пока Бак расставлял остальную часть ловушки, я страдала во время нашего последнего ужина. Еда была пыткой, даже с добрым официантом, пытающимся защитить меня от уродливых комментариев Пола. Каждое мгновение этого якобы элегантного ужина было притворством. Я пыталась притвориться, что сижу напротив кого-то, кого все еще люблю, когда на самом деле ненавидела его, все еще ненавижу. У меня в голове промелькнула фотография избитого лица молодой женщины, а затем фотография Пола, держащего ночную рубашку, когда он флиртовал с другой молодой женщиной, которую, как я теперь знаю, зовут Гретхен, в магазине нижнего белья. И хотя фотографии этого не было до конца нашего ужина, тех, где он подмешивал мне бренди, я видела белый порошок в его руках в перчатках, размешанный в моем вечернем чае, смешанный с моим греческим йогуртом.

Вся его ложь, все его манипуляции проносились у меня в голове во время того ужина, но я не могла ни в чем его обвинить, я не могла поднять руку.

Я была в панике, потная и нервная, пока не увидела Бака через окно, стоящего снаружи на террасе ресторана, наблюдающего за мной, охраняющего меня. Я не могла не улыбнуться, хотя знала, что Пол подумал, будто смотрю на себя в блестящее стекло. Он думал, что я тщеславна. Я не была. Я улыбалась по поводу нашего сигнала. Поднятый Баком большой палец означал, что все на месте, что у нас есть Пол и доказательства отравления, в которых мы нуждались. Доказательство означало, что эта шарада почти закончилась. Когда я с облегчением улыбнулась в окно, я почувствовала себя сильной. Этот день навсегда станет началом всей моей оставшейся жизни. На самом деле, это был лучший день на свете, просто не тот, который представлял себе Пол.

Иногда мне жаль, что я не могла видеть лицо Пола, уверенность которого пошатнулась, когда его взяли под стражу в его собственном доме. Упало ли его сердце, когда он обнаружил, что его дети пропали, или он сказал себе, что в конце концов победит? Хотела бы я быть мухой на стене, когда он открыл мой маленький красный конверт. Без сомнения, по-своему запутавшись, он подумал, что это любовная записка от меня к нему. Интересно,

хоть на мгновение он пожалел о том, что сделал? Упало ли его сердце от всего, что он потерял? Однако в большинстве случаев я рада, что не видела его реакции. Вероятно, это было бы моим последним разочарованием.

Пока Пол открывал для себя все сюрпризы, которые я приготовила для него дома, я была в больнице с Баком. Ранние утренние часы были страшными, когда я увидела раны Бака и поняла, что именно Пол способен сделать с другим человеком. Я наблюдала, как Бака привезли и подключили к аппаратам, все время задаваясь вопросом, действительно ли полиция в Колумбусе поймают Пола или он перехитрит нас всех. У меня просто появилось дурное предчувствие, что он уйдет. Ожидание было ужасающим. Звонок поступил на рассвете, сообщив нам, что Пол был задержан по обвинению в ограблении.

— Ограбление? И это все? — недоверчиво переспросила я. Команда Бака позвонила ему по телефону. Я сняла трубку.

— Это все, что у них есть, мэм, — сказал мужчина. — Он, вероятно, внесет залог через несколько часов. Оставайтесь в безопасности. — Позже я обнаружу, что у него были секретные кредитные карты. Потребовались месяцы, чтобы разобраться в его финансовых схемах, после его отъезда.

Я посмотрела на Бака, спящего благодаря каким-то внутривенным препаратам, и поняла, что все в порядке. Мы будем в безопасности. Если Бак останется рядом со мной, Пол не осмелится вернуться. Он подписал бумаги. Мы победили. Его единственным выбором было убежать ночью. Я заснула, сидя в кресле рядом с больничной койкой Бака, и это был один из лучших моих снов за последние месяцы.

На следующий день Бака выписали из больницы. Я отвезла нас обратно в Лейксайд. Когда я въехала на подъездную дорожку, по моей спине пробежал холодок. Бак схватил меня за руку.

— Пойдем ко мне домой.

Я кивнула, выключила двигатель и поспешила помочь Баку открыть дверь. С его ушибленными ребрами ему нужно было немного покоя, и я не возражала. Настала моя очередь позаботиться о нем на некоторое время.

Даже несмотря на боль в боку, Бак сиял. Был прекрасный летний день. Деревья с густой зеленой листвой, дети крутят педали на взятых напрокат велосипедах. Я никогда не была в коттедже Бака, хотя прошлым летом мы провели вместе две недели, работая в саду. Это было бы неуместно. Мои мальчики были со мной, и я боялась, что Пол наблюдает за мной. Мне казалось, что он всегда следит за мной. Теперь я знаю, что это было правдой. Когда Бак открыл дверь и отступил в сторону, чтобы впустить меня, осторожно ступая, я была удивлена элегантной изысканностью его коттеджа. Это было так, как если бы я вошла в интерпретацию идеального дома у озера, представленную журналом «Дом и сад».

— У тебя здесь чудесно, — я рассматривала белые льняные диваны, темные паркетные полы, изящные светильники из нержавеющей стали и большой камин из белого камня в гостиной.

— Рад, что тебе понравилось, — сказал он. Я наблюдала, как он закрыл и запер дверь, задвинув засов. Моего мужа уже не было, но Бак все еще был начеку. Мой герой. — Теперь ты в безопасности, Миа.

Бак шагнул ближе ко мне, и, наконец, я смогла упасть в его объятия. В больнице за ним ухаживали его сотрудники и медсестры. Конечно, ни тогда, ни сейчас не было времени для страсти. Это было время для облегчения, для благодарности, для свободы. Мы просто стояли

в его коттедже и обнимали друг друга. Это было новое начало.

Теперь я сильнее. Это помогает нам следить за Полом, знать, где он, чем занимается во Флориде, в Палм-Бич. Я надеюсь, что настанет день, когда не буду задаваться вопросом, вернется ли он в нашу жизнь. Надеюсь, что наступит время, когда буду уверена, что он ушел навсегда. Я хочу верить, что если могу двигаться дальше, то и он сможет. Как он сказал, когда мы виделись в последний раз, я вызвала у него отвращение. Вероятно, учитывая все, что произошло, его чувство отвращения усилилось. Я просто надеюсь, что эти чувства не превратятся в месть. Бак говорит мне, чтобы я не волновался. Они следят за ним. Мы будем первыми, кто узнает, если Пол когда-нибудь решит вернуться в Огайо. Он говорит, что пришло время исцелиться, двигаться дальше.

Вместе, как семья. На этот раз мой жених получил горячую поддержку моих родителей. Тем более что мы ищем дом в Нью-Йорке, где мальчики снова будут жить рядом с бабушкой и дедушкой, которые их любят. Мы пока оставим коттеджи на берегу озера. Это место все еще особенное. Пол не может отнять это у нас.

— Мам, пора идти есть, — говорит Сэм, подбегая и хватая меня за руку. Его лицо покраснелось от игры в баскетбол. Он счастлив и голоден. Он нормальный.

— Тебе было весело играть с Баком? — Мне нравится чувствовать его маленькую потную руку в своей, и я крепко держусь за нее.

— Да! Лучший день в моей жизни, — говорит он.

Я сглатываю, услышав фразу его отца, и улыбаюсь.

— Да, это так, — соглашаюсь я с ним. — Самый лучший день на свете.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Плейлист

Пола

Строма

«Mack the Knife» — Bobby Darin

«Come Away with Me» — Norah Jones

«Crazy He Calls Me» — Billie Holiday

«The Story Of Us» — Taylor Swift

«Unforgettable» — Nat King Cole

«You Don't Know What Love Is» — Billie Holiday

«We Are In Love» — Harry Connick Jr.

«You Know I'm No Good» — Amy Winehouse

«Cold, Cold Heart» — Dinah Washington

«Every Breath You Take» — The Police

«Bad Romance» — Lady Gaga

Notes

[

←1

]

Гидроразрыв пласта́ (ГРП, англ. Hydraulic fracturing, fracking) — один из самых эффективных методов нефтеотдачи и интенсификации притока жидкости и газа к скважинам. Метод заключается в создании высокопроводимой трещины в целевом пласте для обеспечения притока добываемого флюида (газ, вода, конденсат, нефть либо их смесь) к забою скважины. Химические вещества, используемые при ГРП, попадают в питьевую воду, и это приводит к повышению вероятности ряда заболеваний у живущих рядом людей.

*Американская сеть ресторанов быстрого питания, принадлежащая The Wendy's Company. Штаб-квартира компании расположена в Дублине. Сеть обладает 6207 ресторанов по всему миру открытых по франшизе, 77% заведений располагаются в Северной Америке, является основным конкурентом сетей Burger King, Subway и McDonald's.

*Американская региональная сеть гамбургерных ресторанов с 377 филиалами в 13 штатах, с наибольшим присутствием на Среднем Западе и в столичном районе Нью-Йорка.

*Рыба с жареным картофелем — горячее блюдо, состоящее из жареной рыбы в кляре, подается с жареным картофелем .

*Kentucky Fried Chicken (с англ. — «Жареный цыплёнок из Кентукки»), сокращённо KFC — международная сеть ресторанов общественного питания, специализирующаяся на блюдах из курицы.

[

←2

]

«Безумцы» (англ. Mad Men) — американский драматический телесериал, выходивший на телеканале AMC с 19 июля 2007 года по 17 мая 2015 года. В основе сюжета, разворачивающегося в 1960-е годы, работа вымышленного рекламного агентства «Стерлинг-Купер», расположенного на престижной Мэдисон-авеню в Нью-Йорке. В центре повествования жизнь его креативного директора Дона Дрейпера (Джон Хэмм) и его коллег. Сотрудники престижного бюро на Мэдисон Авеню в погоне за внешним блеском жизни страдают от внутренней пустоты — и сами называют себя «безумцами».

[

←3

]

Игра на размеченном столе или корте, с использованием киев и шайб, или шайб, которые толкаются рукой. Шайба должна остановиться в пределах определённых линий, вне зависимости от игровой поверхности.

[

←4

]

Финальные клубы — это эксклюзивные мужские общественные клубы Гарварда. В 1984 году клубы лишились официального признания университетов, из-за того, что не принимали студенток. Каждый из клубов владеет элитной недвижимостью на Гарвардской площади и может похвастаться как минимум столетием (в одном случае более 220 лет) выдающимися выпускниками.

[

←5

]

Холистическое здоровье (или холистическая медицина) — течение альтернативной

медицины, сосредоточенное на лечении «человека в целом», а не только конкретной болезни. Согласно холистическому подходу к здоровью человека, следует принимать во внимание все потребности пациента, в том числе психологические, физические и социальные, и их необходимо рассматривать как единое целое.

[
←6
]

Медведь Соки — талисман службы леса США, созданный для того, чтобы просветить общество об опасности лесных пожаров. Девиз Медведя Смоки — «Только ты можешь предотвратить лесные пожары», был создан в 1944 году организацией Ad Council.

Плейлист

Пола

Строма

- «Mack the Knife» — Bobby Darin
- «Come Away with Me» — Norah Jones
- «Crazy He Calls Me» — Billie Holiday
- «The Story Of Us» — Taylor Swift
- «Unforgettable» — Nat King Cole
- «You Don't Know What Love Is» — Billie Holiday
- «We Are In Love» — Harry Connick Jr.
- «You Know I'm No Good» — Amy Winehouse
- «Cold, Cold Heart» — Dinah Washington
- «Every Breath You Take» — The Police
- «Bad Romance» — Lady Gaga